

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина)

Гуманитарный факультет

МАТЕРИАЛЫ

XIV Межвузовской научно-практической
конференции с международным участием

**АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

15 – 16 АПРЕЛЯ 2025 ГОДА

Санкт-Петербург
2025

УДК 81
ББК Ш10я43

Материалы XIV межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 15 – 16 апреля 2025 года. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2025. 214 с.

ISBN 978-5-7629-3481-7

Организатор конференции

КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
(ИНЯЗ)

Состав оргкомитета

Председатель оргкомитета:

Семенов Александр Анатольевич,
Проректор СПбГЭТУ «ЛЭТИ» по научной и инновационной деятельности, д-р техн. наук, доцент

Заместители

председателя оргкомитета:

Гигаури Нина Константиновна
канд. техн. наук
и.о. декана Гуманитарного факультета

Шумков Андрей Арнольдович
д-р филол. наук
заведующий каф. ИНЯЗ

Шульженко Татьяна Владимировна
доцент каф. ИНЯЗ
зам. зав. каф. ИНЯЗ по учебной работе,
руководитель направления «Лингвистика»

Преображенская Ольга Алексеевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Журавлёва Ольга Михайловна
канд. ист. наук, доцент каф. ИНЯЗ
зам. зав. каф. ИНЯЗ по научной работе

Степанова Наталия Валентиновна
канд. филол. наук
профессор каф. ИНЯЗ

Члены оргкомитета:

Беседина Елена Ивановна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Кузьмич Ирина Васильевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Рамантова Ольга Вячеславовна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Тихонова Елена Сергеевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Ульяницкая Любовь Александровна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Флакман Мария Алексеевна
канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ

Кабанова Наталья Александровна
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Сигаева Мария Сергеевна
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Финионова Наталья Игоревна
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Якубенко Елена Геннадьевна
ст. преподаватель каф. ИНЯЗ

Курганская Екатерина Владимировна
ассистент каф. ИНЯЗ

Мальшева Валерия Николаевна
ассистент каф. ИНЯЗ

Чупахина Александра Олеговна
ассистент каф. ИНЯЗ

MINISTRY FOR EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

ST. PETERSBURG ELECTROTECHNICAL UNIVERSITY
“LETI”

Faculty of Humanities

PROCEEDINGS

of the XIV National University Conference
with International Guests

CURRENT ISSUES IN LINGUISTICS

APRIL 15 –16, 2025

Saint Petersburg
2025

УДК 81
ББК III10я43

Proceedings of the XIV National University Conference with International Guests ‘Current Issues in Linguistics’, Saint Petersburg, April 15 – 16, 2025. ETU Publishing house, Saint Petersburg, 2025. 214 p.

ISBN 978-5-7629-3481-7

Conference Organizers:

FOREIGN LANGUAGES DEPT.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

Organizing Committee

Chair of the Organizing Committee:

Aleksander Semenov

Vice-Rector of St. Petersburg Electrotechnical University “LETI” for Research and Innovation, Doctor of Engineering Science, Associate Professor

Vice-chairs of the Organizing Committee:

Nina Gigauri
PhD, Acting Dean of the
Faculty of Humanities

Andrey Shumkov
Doctor of Linguistics
Head of Foreign Languages
Department

Tatiana Shulzhenko
Associate Prof.
Deputy Head of Foreign
Languages Dept.

Olga Zhuravleva
PhD, Associate Prof.
Deputy Head of Foreign
Languages Dept.

Olga Preobrazhenskaya
PhD, Associate Prof.

Nataliia Stepanova
PhD, Prof. of Foreign
Languages Dept.

Members of the Organizing Committee:

Elena Besedina
PhD, Associate Prof.

Maria Flaxman
PhD, Associate Prof.

Irina Kuzmich
PhD, Associate Prof.

Olga Ramantova
PhD, Associate Prof.

Elena Tikhonova
PhD, Associate Prof.

Lyubov Ulyanitskaya
PhD, Associate Prof.

Natalia Finionova
Senior Lecturer

Nataliia Kabanova
Senior Lecturer

Maria Sigaeva
Senior Lecturer

Elena Yakubenko
Senior Lecturer

Aleksandra Chupakhina
Teaching Assistant

Ekaterina Kurganskaya
Teaching Assistant

Valeria Malysheva
Teaching Assistant

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА7

Бахмет О. В. Долгота как ингерентный признак английских напряженных гласных и краткость как внутреннее свойство ненапряженных	7
Богданов Б. С. Особенности образования претерита в валлийском языке	12
Москвитин Е. В. Внутриязыковое заимствование в профессиональных языках (на примере немецкого железнодорожного социолекта).....	19
Тихонова Е. С. Образные сравнения в Старшей Ливонской рифмованной хронике: структура и вариативность	27

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА. ПРАГМАТИКА И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА.....33

Базанов Л. К. Семантика романа Джаспера Ффорде “Constant Rabbit”	33
Возгриня П. А., Гламаздина Е. А., Миронова Д. М. Образные средства популяризации лингвистических знаний в детских книгах о языке	39
Воробей А. И., Ульяницкая Л. А. Политкорректная эвфемизация в современном английском языке.....	45
Демидова С. О., Степанова Н. В. Интертекстуальность в американских предвыборных лозунгах	52
Зуева А. И. Эвиденциальные средства в русскоязычном массмедийном экологическом дискурсе.....	60
Иванова П. Р., Осадчая О. Н. Интерпретационная деятельность: лингвистический и юридический аспекты	66
Маркелов А. С., Степанова Н. В. Лингвостилистический анализ дискурсивной личности пользователя Twitch (на материале комментариев сервиса)	72
Мирзиева Л. Р. Лингвокультурный аспект репрезентации комплимента в китайском языке (на примере сериала “以爱为营” «Только ради любви»).....	78
Сигаева М. С. Анализ языковых шаблонов в интернет-мемах	86
Скребнев Е. С. Лингвистические маркеры радикального правого популизма в предвыборном дискурсе Эрика Земмура.....	91
Соколова А. С., Попова К. В. Речь высшего класса Великобритании в телесериале «Корона» («The Crown»)	97
Теплыгина И. М. Лингвокультурный сценарий вступительного собеседования в контексте академического общения.....	104
Тонкова М. М. Декодирование скрытых смыслов подросткового нарратива.....	111
Чалова О. Н. Экспликация полного и неполного знания в научном диалоге	117
Щелконогова Е. А., Журавлёва О. М. Специфика интертекстуальных включений в повести «Охота на василиска» А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак	123
Щербак Н. Ф. Психоаналитическая трактовка текста (на примере анализа рассказа Эдгара По «Украденное письмо»).....	130

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНТАКТОЛОГИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ. ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	136
Андреева П. Г., Ульяницкая Л. А. Перевод советских реалий в повести С. Довлатова «Чемодан» на французский язык	136
Безбородова П. И., Преображенская О. А. Коннотативное соответствие переводных эквивалентов лексико-семантического поля фауны	143
Денисова Н. В., Кованова Е. А. Glorumptious blends: словослияние в современном английском языке	148
Журавлёва О. М. Культурные реалии и их трансформация как угроза успешной коммуникации	155
Никитина Е. Я., Кляркина П. И. Использование русизмов вне российского контекста в языке современных французских интернет-изданий	162
Суслова В. А., Журавлёва О. М., Веселова М. В. Характеристики и наиболее яркие черты субкультуры отаку в России	169
ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ.....	175
Белова М. А., Зайцева И. В. Языковая игра как средство создания юмористического эффекта и способы ее перевода на русский язык (на материале серии американских полнометражных мультипликационных фильмов «Шрек»)	175
Щеников Н. С., Кузьмич И. В. Техника выбора переводческих эквивалентов при переводе видеоигр на материале «Хеллдайверс 2»	181
ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	187
Климов Д. Д. Звукоизобразительная лексика шведского языка: предварительные замечания	187
Мальшева В. Н. Фонестемы как пример языковой комбинаторики. Английские слова с фонестемой FL- со значением «порхать»	194
Флакман М. А. Прямая и опосредованная имитация при иконическом словосоздании	200
Шамина Е. А. К вопросу о фонестемах в русском языке	208

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ,
КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ.
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА**

УДК 81'342.1

О. В. Бахмет

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)*

ovbakhmet@etu.ru

**ДОЛГОТА КАК ИНГЕРЕНТНЫЙ ПРИЗНАК АНГЛИЙСКИХ
НАПРЯЖЕННЫХ ГЛАСНЫХ И КРАТКОСТЬ КАК ВНУТРЕННЕЕ
СВОЙСТВО НЕНАПРЯЖЕННЫХ**

Цель исследования – представить современный взгляд на проблему взаимосвязи признака «напряженность/ненапряженность» английских гласных с признаком их долготы/краткости. В результате анализа существующих точек зрения на проблему контекстного изменения долготы/краткости делается вывод о том, что признак долготы правомерно считать неотъемлемой характеристикой напряженных гласных, а признак краткости неотделим от свойства ненапряженности. Иными словами, признак «долгота/краткость» сопряжен с качеством гласного. В данной статье предлагается дифференцировать понятия долготы и длительности. Позиционный признак «длительность» актуализируется в зависимости от контекста, в котором долгие напряженные гласные реализуются как долгие или менее долгие, а краткие ненапряженные могут выступать в виде кратких и еще более кратких.

Английский, фонема, гласные, долгие, краткие, напряженные, ненапряженные

Стимулом к написанию данной работы послужила личная переписка, начатая коллегой автора статьи с целью ликвидировать мнимый «пробел» в знаниях автора относительно позиционной обусловленности такого признака английских гласных фонем, как «долгота/краткость». Коллега в категоричной манере решительно настаивала, что признак долготы/краткости на современном этапе никак не связан с напряженностью или ненапряженностью гласных, и что двумя точками (традиционный маркер долготы напряженных звуков) обозначается не долгота, а якобы напряженность.

В действительности, варьирование длительности гласных в зависимости от контекста было зафиксировано уже давно [Rositzke, 1939; Heffner, 1940]

и не является для науки чем-то новым. Однако в учебниках [Трахтеров, 1976, с. 35-36], справочниках [Корчажкина, Тихонова, 1996, с. 20–21], словарях [Jones, 2006, с. vii–ix], учебных пособиях [Евстифеева, 2012, с. 41–42] и монографиях [Раднаева, 2019, с. 23, 25] фонетисты характеризуют ненапряженные звуки как краткие, а напряженные как долгие, и обозначают долготу двумя точками в транскрипции.

Цель настоящего обзорного исследования – представить и пояснить данное, альтернативное, мнение, разделяемое автором статьи и поддерживаемое научным сообществом. Целесообразно также взглянуть на проблему позиционной обусловленности длительности английских гласных, и предложить свою формулировку правила реализации долготы/краткости. Может ли ненапряженная фонема стать такой же долгой, как напряженная в одинаковом окружении (например, в словах *bid* и *bead*)? И наоборот, становится ли напряженный гласный звук таким же кратким, как ненапряженный в схожих фонетических условиях (например, в паре *beat – bit*)?

В исследовании, где было изучено влияние скорости речи на изменение акустической длительности звучания напряженных и ненапряженных гласных, отмечается, что в специфических контекстах (обычно перед согласными /t/ и /z/) в большинстве пар «напряженный – ненапряженный» сохраняется постоянное и абсолютное противопоставление этих звуков по длительности звучания при изменении темпа произнесения. Были рассмотрены пары гласных: /i: – i/, /a: – ʌ/, /u: – ʊ/, а также открытый звук /æ/ в паре с кратким ненапряженным /e/. Автор приведенного исследования изучает эти пары и в других фонетических условиях (перед /d/ и /s/), приходя к несколько иным выводам относительно изменения длительности звучания фонем в зависимости от скорости речи. Но и в этой части рассуждения остается в силе предпосылка о противопоставлении напряженного звука и его ненапряженного коррелята по признаку «долгий/краткий» [Gopal, 1990, с. 499, 517]. Спустя десятилетие, в работе других фонетистов данное положение вновь принимается в качестве незыблемого постулата и служит отправной точкой для дальнейших выводов об особенностях варьирования звучания английских гласных фонем [Hillenbrand et al., 2000, с. 3013, 3021].

Примерно каждые пять лет исследователи с завидным постоянством обращают внимание, что напряженные гласные в общем и целом характеризуются большей длительностью звучания, чем ненапряженные гласные. Долгота гласной фонемы связана с напряжённостью, потому что артикуляция напряженного звука требует бóльших затрат по времени. Ненапряженные фонемы, по сравнению с напряжёнными, будучи по своей

природе изначально краткими, оказываются более устойчивыми к дальнейшему сокращению в специфических условиях, например, при повышении темпа речи. Ненапряженные гласные менее подвержены и удлинению в медленной речи, сохраняя фонематический контраст с напряженными гласными по признаку долготы/краткости. Когда от говорящего требуется повышенная четкость произнесения звуков, растягивание звучания слов никогда не происходит за счет заметного растягивания ненапряженных гласных. В то время как ненапряженные характеризуются устойчивостью к удлинению, напряженные гласные в аналогичных условиях демонстрируют значительное увеличение длительности своего звучания [Leung et al., 2016, с. 47, 55, 57; см. также Lehiste and Peterson, 1961; Picheny, 1986; Hillenbrand et al., 1995; Watson and Harrington, 1999; Clopper et al., 2005].

На данный момент, исходным пунктом большого числа научных исследований и обучающих материалов служит убеждение, что признак «долгота/краткость» сопряжен с качеством гласного, то есть его напряженностью или ненапряженностью.

Если до XV века деление гласных на долгие и краткие означало, что первые были продолжительными по звучанию, а вторые произносились коротко, то в современном английском языке «название признака «долгота» и название противопоставления «долгий-краткий» сохранились, но их суть изменилась и основывается не на длительности, а на качестве» [Андросова и др., 2017, с. 16]. При этом «длительность остается важным признаком, которой зависит от контекста – следующего согласного и ударности во фразе» [там же].

По нашему мнению, на этом основании долготу правомерно считать неотъемлемой характеристикой современных напряженных гласных, а краткость воспринимать как свойство, неотделимое от ненапряженности. Кроме того, необходимо дифференцировать понятия «долгота» и «длительность», с тем чтобы более четко сформулировать правило реализации количественной характеристики гласных.

В условиях, связанных с сокращением длительности долгих гласных, эти гласные не превращаются в «краткие» по своей сути, но всего лишь становятся менее длительными по звучанию. Там же, где имеет место более растянутое произношение кратких ненапряженных гласных, они актуализируются как более длительные, не изменяя при этом своей краткой природе и не попадая автоматически в разряд «долгих».

Таким образом, можно говорить о позиционном признаке «длительность», который актуализируется в зависимости от контекста, где

долгие напряженные гласные реализуются как долгие или менее долгие, а краткие ненапряженные могут выступать в виде кратких и еще более кратких.

ЛИТЕРАТУРА

- Евстифеева М. В. Теоретическая фонетика английского языка. Лекции, семинары, упражнения: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 168 с.
- Корчажкина О. М., Тихонова Р. М. Мои любимые звуки: Фонетико-орфографический справочник английского языка / Под общ. ред. доц. Тихоновой Р. М. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 256 с.
- Курс фонетики американского варианта английского языка. Изд. 3, испр. и доп. / С. В. Андросова, С. В. Деркач, М. А. Пирогова, Е. А. Шамина. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. 113 с.
- Раднаева Л. Д. Сложные гласные в вокалической системе: монография. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2019. 220 с.
- Трахтеров А. Л. Практический курс фонетики английского языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: «Высшая школа», 1976. 312 с.
- Acoustic characteristics of American English vowels / J. M. Hillenbrand, L. A. Getty, M. J. Clark et al // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1995, vol. 97, no. 5, part 1. Pp. 3099–3111.
- Acoustic characteristics of clearly spoken English tense and lax vowels / K. Leung, A. Jongman, J.A. Sereno et al // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2016, vol. 140, no. 1. Pp. 45–58.
- Clopper C. G., Pisoni D. B., de Jong K. Acoustic characteristics of the vowel systems of six regional varieties of American English // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2005, vol. 118, no. 3, part 1. Pp. 1661–1676.
- Gopal H. S. Effects of speaking rate on the behavior of tense and lax vowel durations // *Journal of Phonetics*. 1990, vol. 18, issue 4. Pp. 497–518.
- Heffner R-M. S. A Note on Vowel Length in American Speech // *Language*. 1940, vol. 16, no. 1. Pp. 33–47.
- Hillenbrand J. M., Clark M. J., Houde R. A. Some effects of duration on vowel recognition // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2000, vol. 108, no. 6. Pp. 3013–3022.
- Jones D. *Cambridge English Pronouncing Dictionary*. Cambridge University Press. 2006. 599 p.
- Lehiste I., Peterson G. E. Transitions, glides, and diphthongs // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1961, vol. 33, no. 3. Pp. 268–277.
- Picheny M. A., Durlach N. I., Braida L. D. Speaking clearly for the hard of hearing II: Acoustic characteristics of clear and conversational speech // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1986, vol. 29, no. 4. Pp. 434–446.
- Rositzke H. A. Vowel-Length in General American Speech // *Language*. 1939, vol. 15, no. 2. Pp. 99–109.
- Watson C. I., Harrington J. Acoustic evidence for dynamic formant trajectories in Australian English vowels // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1999, vol. 106, no. 1. Pp. 458–468.

Bakhmet, O. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

**LONG DURATION AS THE INHERENT FEATURE OF ENGLISH TENSE
VOWELS AND SHORT DURATION AS THE INTRINSIC
CHARACTERISTIC OF LAX VOWELS**

This study was designed to provide the present view on the problem of the interconnection between the English vowel tenseness/laxness and the property of length/shortness. As follows from the overview of the existing theories on contextual variation in vowel duration, lengthiness is the essential trait of tense vowels, while shortness is inherent in lax vowels. In other words, the vowel quantity is linked to its quality. The proposed article draws a distinction between such terms as length and duration. We use the term "duration" when the vowel length vary in specific positions. Long tense vowels occur as long or less long, and short lax vowels can present themselves as short and even shorter.

English, phoneme, vowels, long, short, tense, lax

УДК 811.153.1

Б. С. Богданов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

<https://orcid.org/0009-0000-8337-1373>

ludwiggg45@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕТЕРИТА В ВАЛЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящем докладе рассматриваются особенности образования претерита в современном валлийском языке. Исследуются как флективные претериты, так и перифрастические. Особое внимание уделяется перифрастическим претеритам, преимуществам их употребления по сравнению с флективными. Рассматриваются причины перехода к использованию перифрастических претеритов в разговорном языке.

Валлийский язык, синтаксис валлийского, флективный претерит, перифрастический претерит, согласование подлежащего и сказуемого в валлийском

Валлийский язык по праву считается одним из самых лингвистически своеобразных европейских языков. Среди множества фонетических и грамматических особенностей – например, согласование подлежащего и сказуемого, мутации начальных согласных – особого внимания лингвистов заслуживает система времён этого языка [Калыгин, 2006, с. 202]. Удивительным свойством её является существование двух параллельных синтаксических парадигм: все времена в современном валлийском языке (а равно и в других кельтских языках) имеют как флективную, так и перифрастическую форму [Халипов, 1995, с. 60].

На фоне такого синтаксического разнообразия особенно выделяется образование претерита – именно это время в валлийском имеет несколько перифрастических форм, одна из которых достигла крайней степени анализации [King, 2016, с. 229]. Сами аналитические конструкции, при этом, сосуществуют с традиционными флективными. Настоящая статья посвящена рассмотрению способов образования претерита в валлийском языке, их особенностям, и преследует своей целью выяснение причин подобного синтаксического плюрализма.

Флективный претерит в современном валлийском образуется, в целом, как и в других европейских языках, принимая во внимание такие особенности

валлийского синтаксиса, как порядок слов VSO, особое согласование подлежащего и сказуемого, и существенные стилевые и диалектные различия. Например, следующим образом спрягается глагол *canu* «петь» в литературном языке [Халипов, 1995, с. 98]:

	Единственное число	Множественное число
Первое лицо	<i>cenais</i>	<i>canasom</i>
Второе лицо	<i>cenaist</i>	<i>canasoch</i>
Третье лицо	<i>canodd</i>	<i>canasant</i>

Несколько иначе выглядит разговорная парадигма спряжения этого глагола. Отличия от литературной формы заключаются в иных окончаниях множественного числа, а также обязательное присоединение личного местоимения в случаях, когда отсутствует подлежащее, выраженное существительным – правило, свойственное только разговорной речи [King, 2016, с. 226]:

	Единственное число	Множественное число
Первое лицо	<i>canais i</i>	<i>canon ni</i>
Второе лицо	<i>canaist ti</i>	<i>canoch chi</i>
Третье лицо	<i>canodd o/e/hi</i>	<i>canon nhw</i>

В валлийском, как и в других европейских языках, наличествуют неправильные глаголы, хотя их число невелико: *mynd* «идти», *gwneud* «делать», *dod* «прийти», *cael* «получить» [Халипов, 1995, с. 100]. В рамках настоящего исследования представляется необходимым рассмотреть изменение неправильных глаголов на примере глагола *gwneud*, ввиду его роли в образовании перифрастического претерита.

Литературная и разговорная форма таких глаголов существенно отличаются аналогично тому, что мы имеем в случае правильных, [King, 2016, с. 230]:

	Единственное число	Множественное число
Первое лицо	<i>gwneuthum</i>	<i>gwnaethom</i>
Второе лицо	<i>gwnaethost</i>	<i>gwnaethoch</i>
Третье лицо	<i>gwnaeth</i>	<i>gwnaethant</i>

В разговорной речи глагол *gwneud* изменяется в претерите следующим образом [King, 2016, с. 230]:

	Единственное число	Множественное число
Первое лицо	<i>nes i</i>	<i>naethon ni</i>
Второе лицо	<i>nest ti</i>	<i>naethoch chi</i>
Третье лицо	<i>naeth o/hi</i>	<i>naethon nhw</i>

Ниже приводятся несколько предложений, иллюстрирующих образование флективного претерита:

- *Mi brynes i'r bara* – я купил буханку хлеба, где *brynes* – претерит 1 лица единственного числа глагола «купить», а *bara* – «хлеб»;
- *Enillodd Fred a Bert dair punt ddoe* – Фред и Берт вчера выиграли три фунта, где *enillodd* – претерит 1 лица единственного числа глагола «выиграть», *dair punt* – «три фунта». В данном случае употребление глагола в единственном числе несмотря на «множественность» подлежащего объясняется правилом его согласования со сказуемым. В соответствии с этим правилом, форма третьего лица множественного числа глагола используется только в том случае, если подлежащие выражено местоимением они, в противном случае, используется форма третьего лица единственного числа;
- *Coginion ni* – мы готовили;
- *Bwyton nhw* – они обедали. В данном случае согласование происходит «правильно», в отличие от примера выше;
- *Defnyddiais ysgrifbin i ysgrifennu* – я писал ручкой, где *defnyddiais* – литературная форма претерита 1 лица единственного числа глагола «использовать», *ysgrifbin* – «ручка», *ysgrifennu* – отглагольное имя «писать», в данном используется как инфинитив [King, 2016, с. 220].

Перифрастические времена в валлийском языке образуются при помощи конструкции, состоящей из глагола *bod* «быть» в нужной форме, предлога *yn* «в» и отглагольного имени, выражающего смысловую часть составного сказуемого [Williams, 1980, с. 70]. Например, перифрастическое будущее время выглядит следующим образом: глагол *bod* в будущем времени + предлог *yn* + отглагольное имя. Соответственно, предложение «я буду петь» можно сформулировать так: *bydda i yn canu*, где *canu* – отглагольное имя глагола «петь» [Williams, 1980, с. 72]. Не следует забывать, что это же предложение можно выразить и при помощи флективного будущего времени. Единственное время, которое невозможно образовать при помощи *bod* – претерит.

В современном валлийском языке существует два способа образования перифрастического претерита – при помощи глагола *gwneud* и при помощи глагола *ddaru* «случиться» [King, 2016, с. 229]. Эти конструкции целиком принадлежат разговорной речи, где они распространены в той же степени, что и флективный претерит.

Gwneud-претерит образуется по следующей модели: во главе предложения становится глагол *gwneud* в претерите, смысловая часть

сказуемого выражается отглагольным именем [King, 2016, с. 229]. Рассмотрим ряд примеров:

- *Nes i dalu* – я заплатил, где *nes* – претерит 1 лица единственного числа *gwneud*, *dalu* – отглагольное имя глагола *talu* «платить» под воздействием мягкой мутации;
- *Naethon ni ddim gweld y ffilm ar y teledu neithiwr* – мы не смотрели фильм по ТВ вчера, где *naethon* – претерит 2 лица множественного числа *gwneud*, *gweld* – отглагольное имя со значением «смотреть»;
- *Naeth o wrthod* – он отказался, где *naeth* – претерит 3 лица единственного числа *gwneud*, *wrthod* – отглагольное имя глагола *gwrthod* «отказываться», под воздействием мягкой мутации;
- *Naeth Fiona bryni car newydd i'w chwaer wythnos diwetha* – Фиона на прошлой неделе купила своей сестре новую машину;
- *Naethoch chi weld dyn yn mynd heibio gynnau?* – Ты обратил внимание на человека, которой только что прошёл мимо нас? В этом предложении *naethoch* – претерит глагола *gwneud* второго лица единственного числа;
- *Nes i ddim cytuno i'r amodau yn y diwedd* – в конце концов я не согласился на эти условия [King, 2016, с. 234].

Образование *ddaru*-претерита существенно отличается от образования других перифрастических конструкций в современном валлийском. На первый взгляд, эта конструкция образуется аналогично с *gwneud*-претеритом: во главе предложения ставится глагол *ddaru* «случаться», смысловую часть сказуемого выражает отглагольное имя. Тем не менее, при более глубоком анализе обнаруживается, что *ddaru* не спрягается, т. к. сам является формой третьего лица единственного числа претерита глагола *darfod* [A Dictionary of the Welsh Language, 10.03.2025]. Рассмотрим несколько примеров употребления этой конструкции:

- *Ddaru ni oddim gweld y ffilm neithiwr* – мы не смотрели фильм прошлой ночью;
- *Ddaru'r un ola oddiffodd y golau wrth ofynd allan* – последний выключил свет когда уходил;
- *Chwerthin a chwerthin ddaru ni* – мы смеялись и смеялись, где *chwerthin* – отглагольное имя глагола смеяться. Следует отметить, что данное предложение – инверсивное, образовано при помощи частицы «а»;
- *Ddaru chi ganu* – ты пел, где *ganu* – отглагольное имя *canu* «петь», под воздействием мягкой мутации [King, 2016, с. 234].

Выше уже упоминалось, что в современном разговорном валлийском языке перифрастические претериты употребляются также часто, как

и флективный претерит [King, 2016, с. 231]. У перифрастического претерита есть ряд преимуществ, объясняющих его распространённость. Обычно выделяются следующие: перифрастические конструкции трансформируют глагол (кроме *ddaru* и *gwneud*), правила спряжения которого довольно прихотливы, образование отрицательных конструкций в аналитическом претерите подчинено меньшему количеству правил (так, в отличие от предложений с флективным претеритом, не употребляется отрицательная частица *mo*), также немаловажную роль играет сравнительная простота мутаций начальных согласных в таких конструкциях [King, 2016, с. 231].

Интересным в этом случае представляется образование отрицательных перифрастических конструкций: вместо отрицательной частицы *mo* используется *ddim*, которая не требует мягкой мутации у последующего отглагольного имени [King, 2016, с. 231]. Сама частица *mo* употребляется строго перед артиклем и/или последующей именной фразой. Интересна её этимология – она произошла от отрицательной конструкции *ddim o*, чей английский эквивалент был бы «not of» [A Dictionary of the Welsh Language, 10.03.2025]. Сравним два варианта предложения «мы не смотрели фильм по ТВ вчера ночью»:

- *Welson ni mo'r ffilm ar y teledu neithiwr* – в этом предложении претерит образован флективно, глагол *gweld* подвергается мягкой мутации, отрицательная частица *mo* слита с артиклем *ur*;
- *Naethon ni ddim gweld y ffilm ar y teledu neithiwr* – в это предложении претерит перифрастический, отглагольное имя *gweld* не подвергается мягкой мутации благодаря отрицательной частице *ddim* [King, 2016, с. 235].

С первого взгляда, переход к перифрастическим конструкциям для образования претерита в разговорной речи объясняется довольно просто: из сказуемого фактически исчезает спрягаемый глагол, за исключением *ddaru* и *gwneud*, что значительно упрощает жизнь носителю языка ввиду сложности различения типов спряжения глагола, а также всех возможных его мутаций [King, 2016, с. 231]. Сами перифрастические претериты выказывают структурное сходство с перифрастическими временами, построенными на глаголе *bod*.

Однако наиболее радикальная в своей аналитизации конструкция с глаголом *ddaru* уже ставит под сомнение такой взгляд, ведь эта конструкция по сути является зависимой частью придаточного предложения (т. к. *ddaru* является формой третьего лица единственного числа претерита глагола *darfod* со значением «случиться»). Прежде в более полной форме эта часть

конструкции звучала как *darfu i* «случилось с» + подлежащее [A Dictionary of the Welsh Language, 10.03.2025]. В дальнейшем предлог *i* отпал. Это уже выносит *ddaru*-претерит в отдельный тип валлийских перифрастических времён, которые имеют форму зависимой части сложного предложения.

Gwneud-претерит, тем самым, стоит ближе к временам, образуемым при помощи глагола *bod*. Общее же у всех перифрастических времён современного валлийского языка – практически полный отказ от употребления спрягаемого глагола в предложении (за исключением «быть», «делать», «случаться»), его полная номинализация [Russell, 2013, с. 186]. На русском такой синтаксический переход выглядел бы так: «есмы я в чтении», вместо «читаю я».

Причина этому лежит в особом синтаксическом строе валлийского языка, ведь порядок слов с глаголом в начале предложения является, в контексте индоевропейских языков, инверсивным. Отклонение от общей глагольной системы проявляется уже в правиле согласования подлежащего и сказуемого, о котором говорилось выше – по индоевропейскому образцу подлежащее согласовывается со сказуемым только будучи местоимением. В этом свете переход к аналитическим временам выглядит как попытка закрепления инверсивного порядка слов.

Представляется логичным предположить, что в ходе эволюции валлийского языка первыми появились аналитические времена с глаголом «быть»: за исключением претерита они передают все грамматические значения, включая перфект. «Древность» аналитических времен подтверждается также их использованием в литературном языке. В условиях перехода от большинства флективных времён к аналитическим и, следовательно, трансформации спрягаемого глагола, весьма органичным представляется переход к перифрастической форме оставшегося флективным претерита, посредством грамматикализации глагола *gwneud*. В свою очередь, претерит с глаголом *ddaru*, наиболее разговорный и, следовательно, новый, представляется как дальнейший шаг в перестройке сказуемого в валлийском синтаксисе.

ЛИТЕРАТУРА

- Калыгин В. П. Введение в кельтскую филологию. М.: КомКнига, 2006. – 272 с.
 Халипов С. Г. Краткая грамматика валлийского языка. СПб.: Наука, 1995. – 104 с.
 A Dictionary of the Welsh Language (Geiriadur Prifysgol Cymru) // URL: <https://welsh-dictionary.ac.uk/gpc/gpc.html> (дата обращения 10.03.2025).
 King G. Modern Welsh: A comprehensive grammar. London: Routledge, 2016. – 543 с.
 Russell P. An introduction to the Celtic Languages. London: Routledge, 2013. – 447 с.
 Williams S. J. A Welsh Grammar. Cardiff: Univ. of Wales Press, 1980. – 192 с.

Bogdanov, B. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

FEATURES OF PRETERITE FORMATION IN THE WELSH LANGUAGE

Features of preterite formation in modern Welsh are examined in this paper. Both inflectional and periphrastic preterites are investigated. Particular attention is paid to periphrastic preterites and the advantages of their use compared to inflectional ones. The reasons for the transition to the use of periphrastic preterites in colloquial language are suggested.

Welsh language, Welsh syntax, inflectional preterite, periphrastic preterite, subject-predicate agreement in Welsh

УДК 811.112.22

Е. В. Москвитин

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

eugen_7935244@mail.ru

ВНУТРИЯЗЫКОВОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СОЦИОЛЕКТА)

В статье рассматриваются внутриязыковые заимствования как способ образования терминологической и жаргонной лексики немецкого железнодорожного социолекта. Установлено, что данный вид заимствования сопровождается семантическим терминообразованием (семантической деривацией) за счет сужения значения, метафорического, метонимического переноса, а также диффузного способа.

Железнодорожный социолект, заимствование, терминообразование, семантическая деривация, жаргонизмы

В языкознании под термином «заимствование» обычно подразумевают иноязычное (или внешнее) заимствование языковых единиц, чаще всего лексем или лексико-семантических вариантов. Однако в лингвистической литературе можно обнаружить и более широкое толкование этого термина. Некоторые авторы относят к нему и процессы перенимания лексики из разных лексических пластов, т.е. внутриязычное (или внутреннее) заимствование, которое наблюдается в специальных языках [Гринев-Гриневиц, 2008, с. 127], [Лейчик, 2007, с. 47], [Лотте 1971, с. 4], [Суперанская 2012, с. 212]. Анализ работ данных авторов позволяет выделить две группы внутренних заимствований в терминосистемах профессиональных языков: 1) заимствования общеупотребительной лексики, иными словами терминологизация, 2) межсистемные заимствования, т.е. лексемы других профессиональных подязыков, подвергшиеся вторичной терминологизации.

Оба процесса в терминосистемах сопровождаются семантическим терминообразованием, т. е. образованием терминов посредством семантической деривации. В проанализированных научных источниках указывается, что она в профессиональных языках осуществляется за счет следующих способов: сужение значения слова, метафоризация или метонимизация. Некоторые авторы, однако, включают еще терминологизацию общеупотребительного значения слова, расширение значения

[Гринев-Гриневиц, 2008, с. 125], а также диффузные способы, совмещающие метафоризацию и сужение значения, метонимизацию и сужения значения, метафоризацию и метонимизацию [Прохорова, 1996, с. 87 – 88].

Материалом для настоящего исследования послужили внутренние заимствования в количестве около 200 единиц, отобранные из текстов и глоссариев различных тематических электронных ресурсов, посвященных немецким и швейцарским железным дорогам. При исследовании применялись метод семный анализ, метод сплошной выборки, сравнение, синтез.

Заимствование немецким железнодорожным социолектом **лексики общепотребительного языка** сопровождается:

1. сужением значения, т.е. появлением в семантической структуре новых дифференциальных сем. Таким образом слово с более широкой семантикой приобретает узкое (специальное) значение. Ср.:

die Schiene 1. планка, брусок → 2. жд. рельс; *der Wagen* 1. повозка → 2. жд. вагон; *die Draisine* 1. двухколёсный экипаж → 2. жд. дрезина; *kuppeln* 1. соединять, объединять → 2. жд. осуществлять сцепку вагонов; *das Herzstück* 1. важная часть чего-либо → 2. жд. сердечник крестовины стрелочного перевода;

2. метафорическим переносом, при котором в структуре нового значения появляются коннотации (образность). Однако такая метафора характеризуется как мертвая (стершаяся). Чаще всего метафорическое терминообразование основывается на внешнем или функциональном сходстве. Например: *Schuh* 1. ботинок → 2. жд. тормозной башмак, *Schwelle* 1. порог двери → 3. жд. шпала рельс, *Wippe* 1. горизонтальные качели → 2. жд. полз токоприемника, *Feder* 1. перо → 2. техн. пружина → 3. жд. рессора, *Strang* 1. веревка → 2. жд. рельсовый путь, *Riffel* 1. канавка, → 2. жд. рифля (на рельсах вследствие волнообразного износа); однако встречаются примеры сходства производимых действий: *Bürste* 1. щетка → 2. электр. контактная щетка; *aufschneiden* 1. вскрыть упаковку → 2. разрезать на кусочки. → 3. жд. врезать стрелку;

3. метафорическим переносом, приводящим к сужению значения (диффузное семантическое терминообразование): *abstoßen* 1. отталкивать → 2. жд. передвигать вагоны толчками при маневрах на сортировочной горке; *anfahren* 1. подъехать. → 2. наехать, протаранить → 3. жд. приблизиться к вагону во время сцепки до касания с буферами; *abspitzen* 1. затупить. 2. заострить → 3. жд. произвести смену направления поезда;

4. метонимическим переносом, приводящим к сужению значения: *sanden* 1. сыпать песок → 2. подсыпать песок на колеса для лучшей сцепляемости

с рельсами во избежание пробуксовки, *Fehlleitung* 1. неверное направление → 2. допуск движения поезда по неправильному пути.

Заемствованная общеупотребительная лексика в немецком железнодорожном социолекте может развивать разные виды полисемии:

1) радиальную: *Kopf* 1. голова человека или животного,

→ 2. жд. головка рельса,

→ 3. жд. горловина станции,

→ 4. жд. моторный вагон в головной части поезда.

2) цепочечную: *Strecke* 1. отрезок → 2. железнодорожный перегон (метафора) → 3. железнодорожное сообщение, осуществляемое транспортной компанией (метонимия), *Gleis* 1. колея, след → 2. рельсовый путь (метафора) → 3. путь на вокзале, платформа (метонимия);

3) комбинированную: *Bahn* 1. дорога → 2. железная дорога (сужение) → 3. вокзал (метонимия)

→ 4. железнодорожная компания (метонимия);

Spur 1. след → 2. колея (метафора) → 3. ряд, полоса на дороге (сужение) → 4. ширина полосы (метонимия)

→ 5. железнодорожная колея (сужение) → 6. ширина колеи (метонимия).

Явление полисемии отраслевых терминов довольно редкое, поскольку противоречит критериям однозначности и независимости от контекста.

Наряду с заимствованием общеупотребительной лексики социолектом наблюдается и обратный процесс – заимствование отраслевой терминологии общеупотребительным языком. Данное явление отмечено в двух случаях:

1. при детерминологизации железнодорожных терминов посредством метафорического переноса, т.е. с изменением значения. Этот процесс приводит к появлению **КОЛЛОКВИАЛИЗМОВ**: *der Hemmschuh* 1. жд. тормозной башмак → 2. препятствие, *die Entgleisung* 1. жд. сход с рельсов → 2. непристойное поведение, *der Prellbock* – 1. жд. упорный брус в конце пути → 2. тот, кто должен сдерживать раздражение (других) во время конфликтов или должен принять последствия чужих действий;

2. при выходе термина за границы терминосистемы и одновременном функционировании в общеупотребительном литературном языке без изменения значения [Прохорова, 1996, с. 11]: *das Gleis* «железнодорожный путь», *der Zug* «поезд», *der Bahnsteig* «платформа», *der Lokführer* «машинист», *die Schiene* «рельс» и т.п.

Некоторые заимствованные лексемы общеупотребительного языка представляют собой **словообразовательные варианты** составных терминов, наличие которых «обусловлено стремлением к упрощению структуры термина

для придания ему большей лабильности [Татаринов, 1996, с. 259]. Ср.: *Schuh* – *Sperrschuh*, *Hemmschuh* (тормозной башмак), *Schleifschuh* «башмак токоприемника», *Entgleisungschuh* «сбрасывающий башмак», *Aufgleisschuh*, *Auffahrtsschuh* «накаточный башмак». Д. С. Лотте называет такой способ образования терминов эллипсисом, предназначенным «для получения необходимой краткости термина», что «весьма характерно для научно-технической терминологии» [Лотте, 1971, с. 16]. Такие видовые термины как *Ein-/Aus-/Weiterfahrtsignal* «разрешающий входной / выходной / маршрутный сигнал светофора», *Hauptsignal* «основной сигнал», *Flügelsignal* «запрещающий сигнал семафора», *Weichensignal* «стрелочный индикатор»; *Federzunge* «пружинный остряк», *Federschienenzunge* «отжимный остряк», *Gelenkzunge* «шарнирный остряк», *Endwagen* «хвостовой вагон», *Kopfwagen* «головной вагон», *Personenwagen* «пассажирский вагон», *Reisezugwagen* «пассажирский вагон дальнего следования», *Güterwagen* «грузовой вагон», *Schlafwagen* «спальный вагон», *Speisewagen* «вагон-ресторан» в контексте могут заменяться на родовые *Signal*, *Zunge*, *Wagen* соответственно. Таким образом, при эллипсисе происходит появление терминов-омонимов, и в случаях замены видового понятия на родовое лексемы общепотребительного языка не представляют собой заимствования.

Анализ материала показал, что в железнодорожном социолекте посредством метафоризации общепотребительной лексики образуются **жаргонизмы**, которые содержат, однако, не мертвую (стершуюся), а живую метафору. Таким способом на основании внешнего сходства пополняются следующие тематические группы жаргонизмов:

- наименование железнодорожных профессий: *der Souschef / das Rotkäppchen* 1. су-шеф → 2. дежурный по станции, *der Turmwächter* 1. дозорный на башне → 2. дежурный по сортировочной горке, *der Überflieger / Pilot* 1. летун / пилот → 2. машинист ICE, *der Hofhund* 1. дворовая собака → 2. машинист, осуществляющий подачу локомотива;

- наименование объектов железнодорожной инфраструктуры: *der Eselrücken* 1. спина осла → 2. сортировочная горка, *der Weihnachtsbaum* 1. Рождественская ёлка → 2. светофор в тестовом режиме, *der Zirkus* 1. цирк → 2. поворотный круг, *der Faden* 1. нить → 2. контактная сеть;

- наименование подвижного состава: *die Honigbiene* 1. медоносная пчела → цистерна-ассенизатор, *der Bummler* 1. гуляющий человек → 2. региональные поезда в Швейцарии, *die Hebamme* 1. акушерка → 2. вагон восстановительного поезда, *der Slave / Sklave* 1. раб → локомотив, который получает сигналы от внешнего источника и не использует собственные,

die Zwillinge 1. близнецы → 2. двухсекционный локомотив, *das Aquarium* 1. аквариум → вагон BR491;

- наименование действий: *die Fluchtfahrt* 1. бегство на автомобиле → 2. освобождение пути для другого состава, *der Abschuss* 1. выстрел → 2. экстренное торможение состава посредством системы безопасности; *flügeln* 1. порхать, бить крыльями → 2. делить железнодорожный поезд на две (или более) части на определенной станции в пути, которые отправляются к разным конечным станциям;

- описание характеристик объектов: *der Fischbauch* 1. брюшко рыбы → 2. усиление фермы моста, *die Fischhaut* → 1. кожа рыбы → 2. гладкая поверхность конструкции состава.

При **межсистемном** заимствовании происходит перенос наименования из какой-либо терминосистемы в железнодорожную (вторичная терминологизация). Образованные таким образом термины терминоведы называют межотраслевыми или межсистемными [Татаринов, 1996, с. 262]. Межотраслевые термины предлагаем разделить на три группы:

1) Первую группу образуют лексемы, именующие в железнодорожной отрасли новый денотат и обозначающие новое понятие. Перенос наименования осуществляется либо за счет сужения значения, либо на метафорической основе. Например: *die Oberleitung* 1. электр. ЛЭП → 2. жд. контактная сеть, *die Spur* 1. авто. ряд, полоса на дороге → 2. жд. железнодорожная колея, *die Fahrstraße* 1. авто. проезжая дорога → 2. жд. маршрут поезда, обеспеченный положением стрелок и открытыми сигналами светофора, *das Fahrzeug* 1. авто. транспортное средство → 2. жд. подвижной состав.

Признаками метафорического переноса при данном заимствовании может являться:

- внешнее сходство: *der Doppeldecker* 1. авиац. биплан 2. жд. разг. двухэтажный трамвай, *das Nadelöhr* 1. швейн. ушко иголки → 2. жд. жарг. однопутный участок;

- сходство функций: *der Dämpfer* 1. муз. сурдина → 2. жд. гаситель колебаний, *die Weiche* 1. судоход. место разъезда в речном судоходстве → 2. жд. стрелочный перевод, *der Radreifen* 1. авто. шина колеса → 2. жд. бандаж колеса подвижного состава;

- сходство производимых действий: *ablaufen* 1. кораблестр. спускаться со стапеля → 2. жд. спускаться (о вагонах) с сортировочной корки, *der Stromabnehmer* 1. электр. потребитель тока → 2. жд. токоприемник, пантограф,

- одновременное сходство и формы, и функций: *das Gelenk* 1. *анат.* сустав → 2. *жд.* шарнир, *der Schwerlastwagen* 1. *авто.* грузовой автомобиль большой грузоподъемности → 2. *жд.* железнодорожная платформа для перевозки тяжеловесных грузов;

- сходство и функции, и производимого действия: *die Zangenbremse* 1. *авто.* дисковый тормозной механизм → 2. *жд.* клещевидный вагонный замедлитель.

Метонимический перенос осуществляется по модели:

- изобретателя – изобретение: *Diesel* 1. Рудольф Дизель → 2. *техн.* дизельный мотор, *Westinghouse* 1. Джордж Вестингхауз → 2. *жд.* пневматический тормоз;

- часть – целое (синекдоха): *Diesel* 2. *техн.* дизельный мотор → 2. *жд.* дизельный локомотив.

2) Если межотраслевые термины первой группы в процессе межсистемного заимствования приобретали новое терминологическое значение, то вторая группа терминов в железнодорожную сферу перенимается большими группами вместе с денотатом, т.е. без изменения значения, например,

- из электротехники: *der Drehstrom / Wechselstrom* «переменный ток», *der Gleichstrom* «постоянный ток», *die Spannung* «напряжение», *der Umrichter* «преобразователь тока», *der Hörnerschalter* «разъединитель с роговым дугогасителем», *der Hüpfkerl* «контактор»;

- из автомобильной лексики: *die Kurbelwelle* «коленвал», *die Windschutzscheibe* «ветровое стекло», *Notbremse* «экстренное торможение», *die Feder* «рессора», *die Bremsklötze / Bremssohle* тормозная колодка, *der Diesel* «дизельный мотор»;

- термины химии: *das Solaröl* «солярка», *der Diesel* «дизельное топливо», *die Kohle* «уголь», *das Rauchgas* «топочный газ»;

- термины физики: *die Viskosität* «вязкость», *die Geschwindigkeit* «скорость», *der Luftdruck* «воздушное давление», *die Druckkraft* «сила давления», *die Zerrung* «растяжение», *die Frequenz* «частота»;

3) В третью группу можно включить общетехнические термины, используемые во всех технических сферах с сохранением значения: *der Luftöler* «воздушная масленка», *die Achse* «ось», *das Zahnrad* «шестеренка», *das Triebrad* «ведущая шестерня», *die Feder* «пружина», *der Zug* «тяга», *die Schmierung* «смазка, смазывание», *der Draht* «проволока», *der Kugellager* «шариковый подшипник».

Заключение

Внутриязыковые заимствования в немецком железнодорожном социолекте представлены двумя группами: терминологизированной лексикой общеупотребительного языка и заимствованиями из других терминосистем. Терминологизация общеупотребительной лексики происходит за счет процессов семантической деривации: сужения значения, метафорического и метонимического переноса, а также комбинации их видов. В то время как у железнодорожной терминологии метафора характеризуется как мертвая (стершаяся), у жаргонизмов, наоборот, как живая. Причем семантическое образование жаргонизмов осуществляется исключительно за счет метафорического переноса. Выявлено, что в семантическое терминообразование в железнодорожной терминосистеме иногда приводит к полисемии разных типов (цепочечной, радиальной, комбинированной), что не является типичным для профессиональных языков. При эллипсисе составных видовых терминов происходит совпадение их оболочки с оболочкой родового термина, образованного с помощью заимствования общеупотребительной лексики (омонимия). Поэтому такие усечения следует рассматривать не как заимствованные семантически образованные единицы, а как словообразовательные варианты. Кроме того, в исследованном социолекте отмечен и обратный процесс – детерминологизация, т.е. заимствование общеупотребительным языком специальной лексики.

При межсистемном заимствовании посредством вторичной терминологизации (сужения значения, метафоризации или метонимизации) появляются т.н. межотраслевые термины, которые можно в данном социолекте приобретают новое значение и обозначают новый денотат. Другая группа межотраслевых терминов заимствуется железнодорожным социолектом из разных сфер (общетехническая, автомобильная, электротехника, физика, химия) вместе со значением.

Таким образом, внутриязыковое заимствование можно охарактеризовать как продуктивный способ образования лексики немецкого железнодорожного социолекта.

ЛИТЕРАТУРА

- Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
- Денисова И. В. Метонимия в терминологии вагонов и вагонного хозяйства на железнодорожном транспорте // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: Материалы IV Международной

научно-методической конференции, Омск, 25 мая 2018 года. Омск: ООО "Издательство Ипполитова". Омский автобронетанковый инженерный институт, 2018.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Лосева О. М. Мертвая метафора в современном научно-техническом тексте (на примере текстов по машиностроению) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III.

Лотте Д. С. Краткие формы научно-технических терминов / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1971. – 82 с.

Прохорова В. И. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: Филологический факультет, 1996.

Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории // Подольская Н.В., Васильева Н.В. / Отв. Ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Татаринов В. А. Теория терминоведения. Т.1: Теория термина: История и современное состояние / В.А. Татаринов. – М.: Моск. лицей, 1996. – 311 с.

Moskvitin, E. V.

Pushkin Leningrad State University

INTRA-LINGUISTIC BORROWING IN PROFESSIONAL LANGUAGES (USING THE EXAMPLE OF THE GERMAN RAILWAY SOCIOLECT)

The article examines intra-linguistic borrowings as a way of forming terminological and jargon vocabulary of the German railway sociolect. It is established that this type of borrowing is accompanied by semantic terminology (semantic derivation) due to narrowing of meaning, metaphorical, metonymic transfer, as well as diffuse method.

Railway sociolect, borrowing, terminology, semantic derivation, jargonisms

УДК 811.112.2'04

Е. С. Тихонова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),

ORCID 0000-0001-8301-1028

middjungards@gmail.com

ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ В СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ: СТРУКТУРА И ВАРИАТИВНОСТЬ

В статье рассматриваются сравнения в Старшей Ливонской рифмованной хронике, основное внимание уделяется их предмету и образу. Делается вывод о том, что большинство сравнений встречается в описаниях сражений и походов, что обусловлено спецификой текста. Подчёркивается, что некоторые сравнения являются единицами фразеологии средневерхненемецкого периода.

Средневерхненемецкий, Старшая Ливонская рифмованная хроника, Немецкий орден, образные сравнения, историческая поэтика

Автор Старшей Ливонской рифмованной хроники – анонимного стихотворного памятника конца XIII в. на восточносредненемецком диалекте – вдохновлялся куртуазным эпосом и романом, с которыми он был хорошо знаком. Этим обусловлено регулярное использование характерных для эпоса изобразительных средств, таких как устойчивые и формульные словосочетания, а также образные сравнения.

Сравнения происходят из устного эпоса и носят формульный характер [Боура, 2002, с. 360]. Структура сравнения включает предмет (*comparandum*; то, что сравнивается), образ (*comparatum*; то, с чем сравнивается) и признак (*tertium comparationis*; то, на основании чего производится сравнение) [Földes, 2007, S. 426]. Четвертым членом сравнения является сравнительный союз или частица. В Хронике это почти исключительно союз *als* «как». Союз *also* употребляется в значении «так, настолько, таким образом», однако в пяти случаях он синонимичен *als* «как», и используется в сравнении. Сравнительный союз *wie* в сравнениях в Хронике не представлен.

Сравнение, содержащее все указанные элементы и входящее как устойчивое словосочетание в лексикон языка, причисляется к фразеологическим единицам, а именно к пословицам. Общее значение сравнений, как правило, можно выразить образной формулой

с интенсифицирующим значением «крайне, очень, невероятно» + признак сравнения [Friedrich, 2006, S. 41].

Сравнения могут реализовать следующие функции: 1) экспрессивное усиление предмета сравнения; 2) семантическая дифференциация и 3) косвенное отрицание [Fleischer, 1982, S. 110].

В силу специфики содержания исследуемого памятника как сравнения, так и их типичные признаки несут отпечаток её тематики – Балтийского крестового похода. Так, для Средних веков в целом и для средневерхненемецкого в частности было характерно сравнение на основании признака «сияние»: «всё «светлое» – ключевое слово средневековой литературы и эстетики – было прекрасным и добрым: солнце, сверкающее на латах и мечах воинов, голубые глаза и белокурые волосы молодых рыцарей» [Ле Гофф, 1992, с. 168]. В Хронике этот концепт реализуется в уподоблении шлемов стеклу (в одном примере – зеркалу). Сказуемое в таких предложениях выражено глаголом *lûchten* «сиять» или глаголом чувственного восприятия *sehen* «видеть». Поскольку выделенная строка в двух примерах повторяется дословно, можно говорить об устойчивом или формульном словосочетании:

(1) *ir brunjen wâren liechtgevar, // ir helme lûchten als ein glas.* (10404–11)
«Их кольчуги сияли, их шлемы блестели, подобно стеклу»¹.

Образом сравнения могут выступать ключевые для поэтики Хроники номинации воина с эпитетом, такие как *helt* «герой» (6 примеров), *degen* «витязь» (3 примера) и *pilgerîn* «паломник» (1 пример). При этом героям или рыцарям уподобляются конкретные братья Ордена, комтуры или магистры, названные поимённо (2), немцы или члены Ордена вообще (3) и даже куроны (4). Следует отметить, что данные лексемы – *helt* «герой» и *degen* – являются более характерными обозначениями воина для Хроники, чем *ritter* «рыцарь», что, по мнению некоторых исследователей доказывает её стилистическую близость к героическому эпосу [Kugler, 1993], [Murray, 2001, p. 246–247], поэтому примечательно, что в сравнения лексема *ritter* вообще не входит.

Таким образом, поэтизмы *helt* и *degen* передают здесь крайне положительную оценку качеств упомянутых персонажей:

(2) *brûder Bernhart von Hâren // als ein degen zwâren // rische hûb sich ûf die vart // mit sînen brûderen ungespart // von Goldingen und der Mimele.* (4775–79)

¹ Здесь и далее все цитаты из источника приводятся по изданию Л. Майера [Meuer 1973]. Цифры в круглых скобках после примера соответствуют номерам строк. Подстрочный перевод всех примеров выполнен автором статьи.

«Брат Бернхарт фон Харен, как истинный рыцарь, быстро отправился в поход из Гольдингена и Мемеля, не щадя своих братьев».

(3) *die Kûren wâren bie dem vanen // als rasche helde, daz ist wâr.* (11745–46) «Куруны были у знамени, как храбрые герои, это правда».

Образом сравнения также может быть *man* «мужчина, муж», как по признаку мужественности (*als ein man* «как мужчина»), так и с качественным определением (*ein vil sêlic man* «весьма блаженный муж», *ein wîser man* «мудрый муж», *ein vromer man* «благочестивый муж»). Кроме того, определение может быть выражено придаточным предложением (*als ein man, der...*):

(4) *ir brûdere und ir dûtschen al, // ûwer ieclicher sal // got von himele rûfen an // unde strîten als ein man.* (4807–10) «Вы, братья, и все вы, немцы, каждый из вас должен воззвать к Богу на Небесах и сражаться, как мужчина».

(5) *daz tet er und vûr von dan // zû hûs als ein vil sêlic man.* (891–92) «Он сделал это и поехал оттуда домой, как весьма блаженный муж».

При описании сражений используются сравнения, содержащие лексику, характерную для поэтики Хроники и связанную с военным делом: братья Ордена сравниваются с ловчими птицами (6), кровь – с ручьём, снег – с кровью (7), а внезапное прибытие литовцев – с арбалетным болтом (8):

(6) *zû strîte sie alle gerten // recht als ein hungeric vedirspil.* (1824–25) «Они все рвались в бой, прямо как голодные соколы».

(7) *der wîze snê wart als ein blût // und daz velt al blûtgevar.* (10076–77) «Белый снег был подобен крови, а поле – всё кроваво-красным».

(8) *Die Lettowen al zû hant, // die Sameiten sint genant, // quâmen vor Dobênen stoltz, // als von eime armbruste ein holtz.* (5445–48) «Тут же литовцы, которые называются жемайтами, гордо прибыли под Добен, как из арбалета болт».

В одном примере сравнение представляет собой пословицу и входит в лексикон языка средневерхненемецкого периода как устойчивое словосочетание [Friedrich, 2006, S. 241]:

(9) *als die katze mit der mûs // spilten die Oselêre: // den Sweden wart iz swêre.* (1230–32) «Как кошка с мышкой играли эзельцы: шведам приходилось тяжело».

Двумя примерами представлены фразеологизированные сравнения, образно выражающие отрицание или ничтожную меру чего-либо [Friedrich, 2006, S. 111; 201]:

(10) *drî vlohen alsô sêre, // daz sie die mêre brâchten hein. // mir ist als ein bast wer drumme grein.* (1542–44) «Трое быстро сбежали, [так] что они принесли эту весть домой. Меня ничуть не волнует [букв.: мне что кора], кто из-за этого плачет».

(11) *alsô trûgen sie uber ein // recht, daz under in nie kein // zweiunge was als um ein hâr; // einen mût hatten sie gar.* (3219–22) «Так они действовали в согласии, что между ними никогда не было разногласий [больше], чем на волос; они были наготове и единодушны».

Сравнение может быть частью сравнительного придаточного предложения с глаголом-сказуемым *tûn* «делать» (12) или с глаголом в Konjunktiv II, передающим нереальное сравнение. Образ сравнения в таких случаях может быть выражен прилагательным *wilt* «дикий» (13):

(12) *er hielt vil stête sîne wort; // er was nicht beide hie und dort, // als ein tûschêre tût.* (813–815) «Он очень крепко держал своё слово; он не был и тут, и там, как делает лжец».

(13) *die lûte, die dannen quâmen, // den wec sie wider nâmen // durch grôz ungevilde, // alsô sie wêren wilde.* (5689–92) «Люди, которые оттуда сбежали, они снова отправились в путь через большую пустошь, как будто они были дикими».

Кроме того, сравнения часто встречаются в устойчивых словосочетаниях – авторских комментариях – вставных репликах, сюжетно не связанных с основным текстом и отсылающих реципиента к некоему авторитетному источнику информации, либо передающих отношение автора к своему тексту [Nellmann, 1973, S. 15]: *als das bûch saget* «как говорит книга»; *als ich gelesen hân* «как я прочитал»; *als ich (ê) lâs* «как я прежде читал» и др.:

(14) *Meister Ernst, daz ist wâr, // der hatte gerâten sechs jâr. // nicht lanc dar nâch wart er erslagen, // als ir daz bûch hôret sagen.* (8511–14) «Магистр Эрнст – это правда – правил шесть лет. Вскоре после этого он был убит, как поведала вам книга».

(15) *daz her gentzlichen quam // bie den hagen, der dâ was // gewonnen, als ich itzunt las.* (6240–42) «Всё войско пришло к укреплению, которое было захвачено, как я только что прочитал».

(16) *die Kûren, als ich hôrte jehen, // sie liezen sich mit trûwen sehen* (4181–82) «Куроны, как я слышал, воистину показали себя».

Высказывалось мнение, что наличие устных сообщений очевидцев как одного из источников Хроники нашло своё отражение в использовании в таких комментариях лексем, подразумевающих разный медиум – в частности, глаголов чувственного восприятия и говорения, с одной стороны (*hoeren* «слышать», *sagen* «говорить»), и лексем, отсылающим к письменному источнику информации (глагол *lesen* «читать», существительное *bûch* «книга», с другой стороны [Murray, 2001, p. 237]. В действительности же предполагаемые указания на устный или письменный источник едва ли имеет

под собой какую-либо реальную основу: подобные примеры представляют собой технический приём, позволяющий заполнить строку, а сочетание вариативности лексического наполнения с устойчивостью синтаксической структуры подобных моделей является характерным признаком Хроники.

Часть регулярно повторяющихся в Хронике устойчивых словосочетаний связана с ритуализованным гостеприимством и указывает на необходимость совершения какого-либо конвенционального действия:

(17) *von dem wart er entpfangen wol, // als man einen hêrren sol.* (3471–72)

Тот его принял хорошо, как следует [принимать] господина.

Автор Хроники уделял много внимания гостеприимству, которое было важным социальным институтом и возможностью культурного взаимодействия. В особенности это касается описаний визита или возвращения магистра из успешной кампании, когда все его встречали. В таких церемониях магистры часто были и главным субъектом, и объектом. В этом выражалась репрезентативная функция средневековой публичности, в которой роли гостей и хозяев чётко определены [Jeziarsky, 2020, p. 400–405].

Ещё несколько устойчивых словосочетаний, содержащих сравнения (3 примера), посредством модального глагола *suln* «быть должным» указывают на то, что следует делать перед сражением (18), или же, при помощи глагола *tûn* «делать» в атемпоральном презенсе – как обычно проходит сражение (19):

(18) *der brûdere her wart dô genomen // und geordenieret wol, // als man kein den strîten sol.* (6032–34) «Войско братьев тогда взяли и построили, как следует перед битвой».

(19) *mit vienden wâren sie verladen, // die brâchten vil dicke schaden: // sie guldenz in vil dicke wider. // sus gienc ez ûfunde nider, // als daz urlouge tût.* (6969–73) «Враги им досаждали, они часто наносили очень много вреда, а они часто воздавали им. Так и шло вверх и вниз, как делает сражение».

Ещё одна строка содержит сравнение и дважды повторяется в Хронике с минимальной вариативностью – в обстоятельстве времени. Вариация в предыдущей строке состоит исключительно в лексическом наполнении, и в обоих примерах рифмуются причастия прошедшего времени *gedacht: volbrâcht*. Вероятно, и здесь следует предполагать устойчивое словосочетание:

(20) *dô ir botschaft wart volbrâcht, // als ir von êrsten wart gedacht, // ein capitel wart genomen* (10347–49) «Когда их посольство было выполнено, как ими было сначала задумано, был созван капитул».

Подводя итог, можно сказать, что образные сравнения представляют собой существенный пласт поэтики Хроники, при этом, в соответствии

с тематикой данного памятника, и образ, и предмет сравнения, как правило, представлены лексикой, относящейся к военному делу. Кроме того, значительная доля сравнений приходится на устойчивые словосочетания, которые повторяются в тексте с минимальной вариативностью, а также на фразеологизмы.

ЛИТЕРАТУРА

- Боура С. М. Героическая поэзия. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс. Прогресс-академия, 1992.
- Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar / Hrsg. v. Leo Meyer. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1973.
- Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.
- Földes Cs. Phraseme mit spezifischer Struktur // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hrsg. von Harald Burger, Dmitrij Dobrovol'skij u.a. Vol. 1. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 424–435.
- Friedrich J. Phraseologisches Wörterbuch des Mittelhochdeutschen: Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050–1350. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.
- Jeziersky W. Livonian Hospitality. The 'Livonian Rhymed Chronicle' and the Formation of Identities on the Thirteenth-Century Baltic Frontier // Frühmittelalterliche Studien. Vol. 54. № 1. 2020. Pp. 395–427.
- Kugler H. Die "Livländische Reimchronik" des 13. Jahrhunderts // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1993. Vol. 9. Pp. 22–30. URL: <http://www.periodika.lv/periodika2-viewer/?lang=de#panel:pa|issue:654758|article:DIVL120> (дата обращения: 09.03.2025).
- Murray A. V. The Structure, Genre and Intended Audience of the Livonian Rhymed Chronicle // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150–1500 / Ed. Alan V. Murray. Aldershot: Ashgate, 2001. Pp. 235–251.
- Nellmann E. Wolframs Erzähltechnik. Wiesbaden: Steiner, 1973.

Tikhonova, E. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

SIMILES IN THE LIVONIAN RHYMED CHRONICLE: THEIR STRUCTURE AND VARIABILITY

The paper considers similes in the Livonian Rhymed Chronicle, and most particularly their comparandum and comparatum. A conclusion is made that most similes are to be found in contexts connected with warfare, which can be explained by the specifics of the text itself. Some of the similes have already become elements of the phraseology and thus part of the lexicon.

Middle High German, Livonian Rhymed Chronicle, Teutonic Order, similes, historical poetics

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА. ПРАГМАТИКА И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 8.82:3.1

Л. К. Базанов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

lev_bazanov@mail.ru

СЕМАНТИКА РОМАНА ДЖАСПЕРА ФФОРДЕ “CONSTANT RABBIT”

В докладе представлены некоторые результаты изучения семантики романа Джаспера Ффорде “Constant Rabbit” (2020), а именно выделены лексические значения, раскрывающие сатирическую картину мира, представленную в романе и направленную на обличение пороков современного общества. Основными семантическими полями, выражающими острую сатиру, стали моральные качества и характер кроликов, религия кроликов, отношение людей к кроликам, кроличьи обычаи, смерть кроликов и насильственные действия, общественная жизнь кроликов, социальный статус кроликов.

Джаспер Ффорде, “Constant Rabbit”, постмодернизм, аллюзия, сатира, юмор

Юмористический жанр получил наибольшее распространение в современную эпоху, что отражается в литературе двадцать первого века. Ирония и сатира являются ключевыми элементами создания юмористического контекста, а иногда и целого произведения. Одним из представителей данного жанра является Джаспер Ффорде, британский автор, создающий романы, основанные на сатирическом взгляде на современное общество и его культуру.

Творчество британского писателя представляет собой яркий пример современной постмодернистской литературы. Все произведения автора созданы в юмористическом жанре, набирающем популярность на фоне активного распространения идей постмодернизма. Главными особенностями творчества Дж. Ффорде являются юмор, основанный на интертекстуальной связи с другими художественными произведениями британских авторов прошлого, и фантастическое допущение, граничащее с реальным миром. Одним из его самых известных произведений в данном литературном направлении можно считать роман “Constant Rabbit”. Постмодернизм является современной стадией развития определенных взглядов человека на окружающий мир и культурные явления. Основные идеи постмодернизма можно выразить в следующих

положениях: реальность постоянно меняется, происходит глобализация общества, которая стирает границы между людьми, а сам человек может быть разложен на фрагменты. Литература постмодернизма выводит на первый план социальные, культурные и политические проблемы, связанные с постоянными изменениями в структуре общества и в культурных особенностях различных социальных групп [Волков, 2014, с. 8].

Роман Дж. Ффорде “Constant Rabbit” характеризуется уникальной художественной спецификой, выделяющей его на фоне других произведений автора. В произведении можно проследить интертекстуальные связи с более ранними британскими произведениями в жанре антиутопий: с романом Д. Оруэлла «1984» и романом О. Хаксли «О Дивный Новый Мир». Концепция романа базируется на метафорическом представлении части человеческого общества, через образы антропоморфных кроликов, получивших возможность думать и говорить на человеческом языке. Художественное представление кроликов как культурного общества, ставит их на один уровень с человеком, что обуславливает необходимость изучения категории зоонима в современной литературе.

Термин «зооним» трактуется как лексическая единица, называющая животных. Активное изучение данного понятия началось во второй половине двадцатого века, в ходе которого сформировалась система взаимосвязанных терминов со схожей семантикой: «зооним», «зоосемизм», «зооморфизм», «зоометафора», «зоохарактеристика» [Фоменко, 2016, с. 432]. Интересно отметить, что в ономастике данный термин используется для обозначения клички животного, тогда как в других направлениях лингвистических исследований он применяется для характеристики имен нарицательных, обозначающих виды животных [Ковалев, 2023, с. 114].

Результаты проведенного исследования заключаются в выявлении лексико-семантических значений, характеризующих основную семантику произведения. Ключевой лексемой романа является единица *rabbit*. Данная лексема используется как имя нарицательное, но может входить и в состав имени собственного всех кроликов: *Diane Rabbit*. Лексическое значение *rabbit* используется и в форме аллюзии: *Rabbit and Rabbitability*. Особого внимания заслуживают примеры употребления данной лексемы с приставкой *anti-*, которая усиливает эффект противопоставления людей кроликам. Это прослеживается в таких словосочетаниях как: *United Kingdom anti Rabbit Party*, *anti-rabbit group* и *anti-rabbit jokes*, где морфема *anti* выполняет функцию маркера негативного отношения к животным. В процессе терминологизации значения лексическая единица *rabbit* проходит трансформацию своего семантического наполнения,

приобретая специализированное значение в научно-технической терминологии: *Hyper-rabbit Drive*.

В ходе лингвистического анализа были выявлены следующие лексико-семантические группы языковых значений, конструирующих семантическое пространство романа “Constant Rabbit” и описывающих мир кроликов [Fforde, 2020].

1. Внешность:

brown-furred variety, tall, snowy white and with piercing red eyes, the wrinkles on the nose, a distinctive mark on the iris, whisker placement, one of his eyes was slightly milky, and his ears had a dozen or so dueling bullet holes; Mature bucks could be recognised by the unique pattern of bullet holes in their ears; Buttons are tricky for rabbits to manage with paws.

2. Здоровье:

myxomatosis... form of bacterial pest control before the Event; exponentially increasing reproduction; That and large litters, early sexual maturity, a short gestation period; Rabbit psychologists.

3. Кроличья еда:

rabbit tobacco: dock leaf, catnip, burdock, celeriac and dandelion, carrot jus, carrot crumble, quintuple fried baby carrot, caramelized carrot; dandelion brandy; Radishes are for a hangover, parsnips for when you need a boost, turnips when there's nothing left in the larder.

4. Вредные привычки кроликов:

when it comes to burrowing, I just can't seem to help myself; Gamboling problem, overconsumption of carrots.

5. Кроличьи обычаи:

rabbit's propensity for dueling, male rabbit bankruptcy is accidental rabbitslaughter during a duel; Rabbits liked large American cars as they were better suited to their physique and limited levels of dexterity, RabCab... ugly 1973 Ford Gran Torino; rabbits like to gossip; dislike of obsolescence, rabbits only chose domestic appliances that would last a minimum of half a century; rabbit saying... 'Only a fool buys twice'; four rabbits dressed in stripy blazers and straw boaters. The Rabby language in song sounded like a series of continuous delicate sneezes, but in four-part harmony; rabbit Lotharios have ears like Swiss cheese; male rabbit bankruptcy is accidental rabbitslaughter during a duel?

6. Кроличья религия:

going to rabbit heaven complete, rabbits, whose own Way, The Circle of Lifefulness.

7. Язык кроликов:

Hnfffy noises, mostly... a lot of nose and whisker movements; 'Gregors', 'Greggs' or 'The Maccy-Gs' are all rabbit slang for law enforcement agents, named after Mr McGregor; Darth Vader is literally translated as 'Mr McGregor'.

8. Моральные качества и характер:

Rabbits rarely lie, rabbits talk truthfully about most things, inherently honest; Rabbits are born careful; politely migrated to the back; rabbits either knew we were watching so didn't trouble to swap identities or were inherently honest; Rabbit Lotharios.

9. Культурная жизнь:

Rabbits are very into French literature at the moment, and phones are often hijacked to help rabbits on the production lines deal with boredom through the injection of a little Flaubertian virtuosity; Bouncing was the sport of rabbits, the Rabbit Games: Long Bounce, Vertical Bounce, Marathon, Sprint and Synchronized; I could hear them murmuring, too, but not words – numbers. Rabbits <...> used protest longevity as their chief tool. <...> they took to crowd-crunching extremely tricky mathematical calculations to pass the time; thumbs-up sign... how offensive it was.

10. Образование:

Rabbalaureate; Rabbits are good at languages as they are at much else – the average IQ of a rabbit is about twenty per cent higher than that of humans; all rabbits speak English and often three or four other languages.

11. Социальный статус кроликов:

for a rabbit the power lies in the workers who control the means of reproduction; you actually need your bucks like that for broad societal advantage, even with the pitfalls; we were a matriarchy ... Males were basically bodyguards ... switch to the patriarchal system.

12. Родственные связи кроликов:

I know thirty-four Ruperts, all are cousins and I've had affairs with nine of them. Could you narrow it down a bit? On your father's sister's daughter's husband's mother's side?; this is my twelfth cousin on my father's aunt's son's daughter's boyfriend's aunt's daughter's side: Diane Rabbit.

13. Общественная жизнь кроликов:

Rabbit Underground; rabbit governance was not so much based on laws as we understand them, but a mutually agreed set of understandings and customs where non-compliance would be a suboptimal approach to peaceful coexistence'; Within an hour there were certainly a hundred or so; Rabbits weren't fond of glib and pithy yet ultimately meaningless political slogans so used protest longevity as their chief tool; wild rabbit party; There was loud music, booze, fights, impassioned political discourse, more fights, more music, more booze – and a lot of sex.

14. Социально-политическое устройство:

...fund <...> the move to have them ousted was already known around the village as 'Rabxit'; Rehoming of Rabbits Act, Rabbit Equality Issue; UKaRP (United Kingdom anti Rabbit Party); Megawarren.

15. Отношение людей к кроликам:

Carrot-munching pests who should have been smothered when they spoke their first word; Rabbit Colony One <...> encircled by a rabbit-proof fence, The rabbits are over in "R" wing and you'll mix at outdoor break – mostly serial burrowers; to the practice of voluntarily removing one's own thumbs to show unequivocal non-opposable unity to the rabbit cause; kill dat pesky wabbit; rabbit pie recipes; Bunny-shagger; Technology/Agriculture/Pests/Disposal; Technology/Agriculture/Domestic Animals/Rabbits; "bunny" isn't really an acceptable term any more; jugging; leporiphobics; the practice of voluntarily removing one's own thumbs to show unequivocal non-opposable unity to the rabbit cause; pernicious carrot-munching vermin; Your great-grandfather wore my great-grandfather as a hat; leporiphobic; anti-rabbit jokes; aggressive veganism and quasi-rodent way of doing things; plague of vermin.

16. Смерть кроликов и насильственные действия:

The buck rabbit's <...> dueling <...> often have fatal results, the biggest cause of male rabbit bankruptcy is accidental rabbitslaughter during a duel, the biggest cause of male rabbit bankruptcy is accidental rabbitslaughter during a duel; I will probably have to kill you. <...> 'Not for real obviously' <...> 'Rolling over and weeing on yourself is the most usual form; Rabbits have high mortality issues what with disease, foxes, industrial accidents and trombone solos; When your kind were vivisected; Rabbits have high mortality issues what with disease, foxes, industrial accidents and trombone solos; kill her now using the 'natural prey' defense and just go and order another cappuccino; She'd certainly be dead – and probably tortured first – and after that, not the usual hundred rabbits would lose their lives.

В результате проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, в романе осуществляется противопоставление двух концептуальных образов: идеализированной репрезентации кроликов и остро негативной характеристики человеческого общества, что выражается преимущественно в семантике моральных качеств и характера кроликов, а также в семантике отношения людей к кроликам. Во-вторых, антропоцентрическое общество репрезентировано семантикой жестокости и эгоцентризма, коррелирующей с лексико-семантическими группами здоровья, смерти и отношения людей к кроликам. В-третьих, семантикой, создающей комизм в романе, выступает семантика репродуктивной системы кроликов и лексико-семантическое поле родственных связей, раскрывающее зоологическую специфику. В-четвертых, ключевая лексема *rabbit* выступает в качестве средства создания аллюзивных связей, а также является значимым элементом формирования комической модальности произведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. – №5. – с. 3–8.
- Ковалев Г. Ф. Зооним как объект изучения литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. – №2. – с. 113–120.
- Фоменко Е. Л. Зоонимы и их фразеомобразовательный потенциал // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5–3. – С. 431–433.
- Fforde J. Constant Rabbit Retrieved from <https://oceanofpdf.com/authors/jasper-fforde> (Дата обращения: 14.03.2025).

Bazanov, L. K.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

SEMANTICS OF JASPER FFORDE’S NOVEL “CONSTANT RABBIT”

This article presents the results of studying the semantics of Jasper Fforde's novel “Constant Rabbit” (2020), namely, the lexical meanings that reveal a satirical picture of the world, which is aimed at exposing the vices of modern society. The main semantic fields expressing satire are the moral qualities and character of rabbits, the attitude of people towards rabbits, rabbit customs, rabbit health, rabbit death and violent acts, rabbit social life, rabbit social status.

Jasper Fforde, “Constant Rabbit”, postmodernism, allusion, satire, humor

УДК 808

П. А. Возгрин

Юго-Западный государственный университет
polinoyk@icloud.com

Е. А. Гламаздина

Юго-Западный государственный университет
elizag1005@icloud.com

Д. М. Миронова

Юго-Западный государственный университет
mir-lina@yandex.ru

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ДЕТСКИХ КНИГАХ О ЯЗЫКЕ

В докладе раскрываются прагматические характеристики научно-популярного подстиля, содействующие популяризации лингвистического знания в детской и юношеской литературе на русском языке. Особое внимание уделяется средствам выразительности в их роли – обеспечить доступность сложной научной информации для широкой аудитории и при этом увлечь читателей проблематикой науки о языке. В качестве наиболее частотных в исследованных текстах выявлены тропы, образованные антропоморфной, структурной метафорами и сравнительными конструкциями на основе установления аналогии более абстрактных языковых феноменов с более конкретными объектами из повседневной жизни человека.

Аллегория, антитеза, выразительность речи, метафора, научно-популярный подстиль, речевое воздействие, сравнение, эпитет

Научно-популярный подстиль представляет собой важный компонент научного стиля, направленный на донесение научных знаний широкой аудитории. В отличие от научного академического подстиля, который ориентирован на узкую профессиональную аудиторию, научно-популярный подстиль стремится сделать сложные идеи доступными и интересными для всех [Кириченко, 2003].

Научный академический подстиль отличается формальностью, строгостью и использованием специализированной терминологии. В отличие от него научно-популярный подстиль стремится к доступности и простоте. Таким образом, основные различия двух разновидностей научного стиля заключаются в следующем:

1) *степень формальности:*

академический стиль более формален, институционален, тогда как популярный ориентирован на обывателя;

2) *использование терминологии:*

академический стиль насыщен специализированной лексикой, а популярный упрощает или объясняет её;

3) *цель:*

академический стиль ориентирован на узкую профессиональную аудиторию, тогда как популярный – на широкую публику.

В числе основных целей научно-популярного подстиля находятся:

1) популяризация науки: обеспечение доступа к научной информации для широкой публики;

2) образование: повышение уровня научной грамотности среди населения;

3) развлечение: создание материалов, которые привлекают внимание к науке [Воронова, 2016].

Кроме этого, научно-популярный подстиль обладает собственными языковыми характеристиками. Стремясь донести сложные научные идеи до широкой аудитории, он активно использует разнообразные языковые средства, которые помогают сделать информацию более доступной, интересной и понятной для читателей, не обладающих специальными знаниями. Его характеризуют такие черты, как:

а) *образность*

Научно-популярные тексты активно используют образные средства языка, например, метафоры и сравнения, что помогает сделать сложные концепции более понятными.

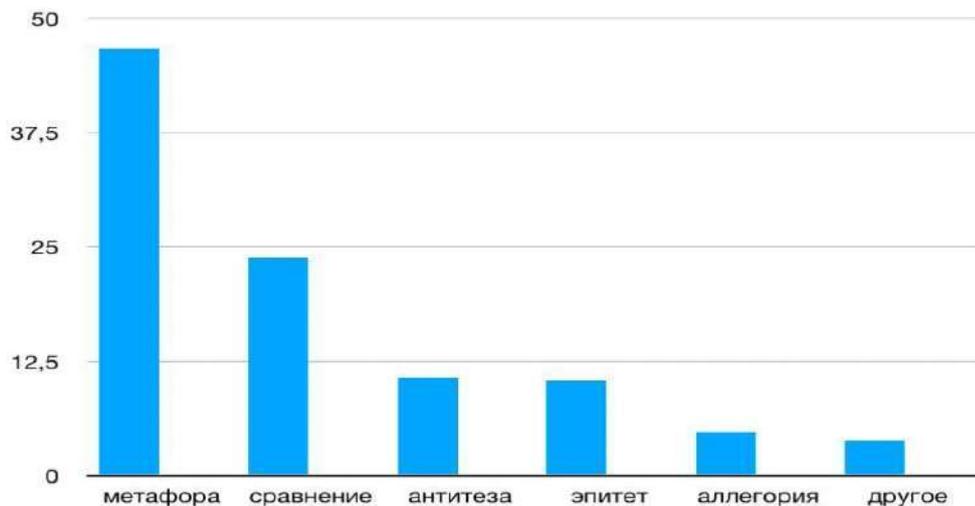
б) *простота и ясность*

Тексты научно-популярного подстиля характеризуются простотой изложения и ясностью. Сложные термины часто заменяются более привычными словами или объясняются в контексте, что делает текст доступным для широкой аудитории.

в) *эмоциональность*

Научно-популярные тексты используют эмоционально окрашенные слова и фразы для создания интереса и вовлечения читателя в обсуждаемую тему. Это может быть достигнуто через использование риторических вопросов, восклицаний и других выразительных средств.

Каждый из жанров научно-популярного подстиля выполняет в передаче информации уникальную функцию, позволяя тем или иным образом донести сложные научные идеи до широкой аудитории и сделать их доступными и интересными.

Далее рассмотрим упомянутые стилевые черты на материале научно-популярных книг о языке М. Ягелло «Алиса в стране языка», М. В. Панова «Занимательная орфография», Л. В. Успенского «Слово о словах». Их прочтение помогает узнать больше о лингвистике, понять сложные лингвистические темы намного быстрее и проще, нежели привлекая научные статьи.

По итогам стилистического и контекстуального анализов нами были выделены следующие основные тропы и фигуры, использованные в упомянутых произведениях: метафора, сравнение, антитеза, эпитет, аллегория.

Можно видеть, что наиболее частотными в обследованных нами текстах оказались метафорические интерпретации языковых явлений (36,6%), выстроенные на основе следующих наиболее частотных когнитивных моделей метафоры:

1) антропоморфная онтологическая модель (она же олицетворение) (43%), которая приписывает человеческие качества или эмоции неживым объектам или абстрактным понятиям: «Звуковой символизм *ставит перед нами проблему* важности звукописи в поэзии и заставляет пересмотреть явление асонанса и аллитерации» (курсив наш. – Е. Г.) [Ягелло, 2003, с. 94]; «...безударные гласные кратки, изменчивы, *умеют хитро скрываться от наблюдения*» (курсив наш. – Е. Г.) [Панов, 2010, с. 29]; «...как эти *языки живут, изменяются, умирают...*» (курсив наш. – Е. Г.) [Успенский];

2) структурная модель (27%); эта модель, как известно, подразумевает структурирование одного объекта в терминах другого: «*Язык – это игра (структура)*, правила которой искажаются...» (курсив наш. – Е. Г.) [Ягелло, 2003, с. 26]; «...буквенное письмо искать не надо: *это-океан*. мы живем

в волнах этого океана» (курсив наш. – Е. Г.) [Панов, 2010, с. 26]; «...**он, сын труда – язык**, вывел человека в люди...» (курсив наш. – Е. Г.) [Успенский].

На метафорической основе могут быть созданы эпитеты (6,2%), то есть образные определения, которые ярко и эмоционально описывают человека, предмет, событие или явление. Приведём ряд иллюстраций из исследуемых произведений: «буквенное письмо было изобретено в **седой** древности» (курсив наш. – Е. Г.) [Панов, 2010, с. 26]; «...в слабой позиции звук всегда какой-то **хилый**...» (курсив наш. – Е. Г.) [Панов, 2010, с. 97]; «**бессмертные** страницы черновиков Льва Толстого или Пушкина» (курсив наш. – Е. Г.) [Успенский]; «**неустанный** человеческий труд» (курсив наш. – Е. Г.) [Успенский]; «Лингвистика – это наука...**дьявольски трудная**» (курсив наш. – Е. Г.) [Ягелло, 2003, с. 12].

Помимо метафор и эпитетов в таких произведениях часто встречаются сравнения, доля которых среди способов создания выразительности составила 20,6%: «Любая **фраза, как снежный ком**, может быть продлена до бесконечности» (курсив наш. – Е. Г.) [Ягелло, 2003, с. 113]; «**Как одна и та же музыкальная пьеса** может совершенно по-разному звучать у разных исполнителей, **точно так же произношение звуков одного языка может меняться** от одного говорящего к другому, от одного высказывания к другому.» (курсив наш. – Е. Г.) [Ягелло, 2003, с. 75]; «**Гласный** первого слога **изменчив, как хамелеон**» (курсив наш. – Е. Г.) [Панов, 2010, с. 66]; «**Язык как море**» (курсив наш. – Е. Г.) [Успенский]; «**Как маленький скромный труженик, она** (буква «ъ») появляется то тут, то там и выполняет всегда одну и ту же работу» (курсив наш. – Е. Г.) [Успенский].

Еще одно средство выразительности, которое встречается не так часто, как остальные, – это антитеза (8,7%). Приведем несколько примеров данной стилистической фигуры: «**Школа в науке – не та, в которой сидят за партами. Школа в науке – это группа единомышленников**» (курсив наш. – Е. Г.) [Панов, 2010, с. 63]; «**Одни чередования** какие-то **привилегированные, а другие – золушки**, на них не обращают внимания» (курсив наш. – Е. Г.) [Панов, 2010, с. 72]; «**Фонема повелевает буквой, а не буква фонемой**» (курсив наш. – Е. Г.) [Панов, 2010, с. 120]; «**Не потому человек придумал себе язык, что он обладал разумом. Потому он и смог стать по-настоящему разумным, мыслящим существом, что овладел способностью речи!**» (курсив наш. – Е. Г.) [Успенский]; «**Они не начало языка, а порождение его расцвета**» (курсив наш. – Е. Г.) [Успенский].

Наименее частотными в интересующих нас произведениях оказались аллегории (1,7%). Аллегория – вид иносказания, состоящий в художественном

представлении абстрактных понятий и обобщений с помощью конкретных образов [Аллегория, 2023]. Так, например, в книгах о языке нам встретились аллегории, представляющие собой своего рода развёрнутую метафору: «Язык является одновременно и стрекозой, и муравьем, потому что синонимия, которая обнаруживает все признаки мотовства (одному означаемому соответствуют разные означающие), аннулирует всю экономию, осуществленную благодаря полисемии. Так что язык представляет собой игру противонаправленных сил» [Ягелло, 2003, с. 158]; «Эта книга рассказывает, как устроено наше письмо. Возьмем любую машину. Например, трактор... Правда, если знаешь устройство трактора, то и работать на нем научишься быстрее и лучше. Так и здесь: поняв, как устроено наше письмо, можно более сознательно, значит более прочно, усвоить орфографические умения» [Панов, 2010, с. 9]; «Что поняли бы мы в судьбе леса, если бы захотели составить представление о нем, забыв о почве, на которой он вырос? Так же обстоит дело и с языком» [Успенский].

Итак, научно-популярный подстиль играет важную роль в популяризации науки и образования. Его особенности, такие как образность, простота изложения и эмоциональность, делают информацию доступной для широкой аудитории. Используя разнообразные языковые средства, авторы научно-популярных текстов, включая тексты по лингвистической тематике, достигают своей цели – привлечь внимание к науке и сделать её понятной для всех.

Основными средствами выразительности при изложении лингвистических фактов оказались следующие: метафора, сравнение, антитеза, эпитет и аллегория. Антропоморфная и структурная метафоры, а также эпитеты и сравнения как средства адаптации и популяризации лингвистических знаний играют ключевую роль в достижении вышеуказанных целей научно-популярного текста.

Во-первых, использование антропоморфной метафоры позволяет авторам наделять человеческими качествами и эмоциями абстрактные понятия, что делает сложные лингвистические концепции более доступными для широкой аудитории. Например, фраза «буква должна стоять на страже морфемы» создает образ активного защитника, и это помогает читателю лучше осознать важную роль письменной формы языка.

Во-вторых, структурные метафоры, такие как «язык – это игра», помогают читателям осмыслить организацию сложных явлений через уже знакомые реалии. Это упрощает восприятие и усвоение информации, позволяя читателям легче интегрировать новые знания в свою картину мира.

Эпитеты и сравнения также способствуют созданию ярких образов и эмоциональной насыщенности текста. Они делают научный материал более привлекательным, мотивируя внимание читателя. Например, сравнение фразы со

«снежным комом» иллюстрирует бесконечность возможностей языка, что может вдохновить аудиторию на дальнейшее изучение темы.

Наконец, аллегории, хотя и встречаются реже, могут так же эффективно передавать сложные идеи через конкретные образы, делая их более запоминающимися.

Все эти языковые средства не только обогащают текст выразительностью, но и способствуют более глубокому пониманию лингвистических знаний, что является важнейшей задачей любого научно-популярного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. С. Аллегория // Большая российская энциклопедия. 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/allegoriia-3187f8> (дата обращения: 09.11.2024).

Воронова А. В. Научно-популярные тексты как объект функционально-стилистического анализа // Вестник РУДН. 2016, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-populyarnye-teksty-kak-obekt-funktsionalno-stilisticheskogo-analiza> (дата обращения: 10.11.2024).

Кириченко Н. В. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2003. URL: https://stylistics.academic.ru/88/Научно-популярный_подстиль (дата обращения: 16.10.2024).

Панов М. В. Занимательная орфография. М.: Издат. Просвещение, 2010. 161 с.

Успенский Л. В. Слово о словах. URL: <https://testuser7.narod.ru/School/Uspensky.pdf> (дата обращения: 16.10.2024).

Ягелло М. Алиса в стране языка. М.: Издат. Едиториал УРСС, 2003. 192 с.

Vozgrina, P. A.; Glamazdina, E. A.; Mironova D. M.

Southwest State University “SWSU”

VERBAL MEANS OF POPULARIZATION LINGUISTIC KNOWLEDGE IN CHILDREN'S BOOKS ABOUT LANGUAGE

The report reveals the pragmatic characteristics of the popular scientific substyle that contribute to the popularization of linguistic knowledge in children's and youth literature in the Russian language. Special attention is given to the expressive means employed to ensure the accessibility of complex scientific information for a broad audience while also engaging readers with the issues related to the science of language. The most frequently identified devices in the analyzed texts include tropes formed by anthropomorphic and structural metaphors, as well as comparative constructions based on establishing analogies between more abstract linguistic phenomena and more concrete objects from everyday human life.

Allegory, antithesis, rhetorical expressiveness, metaphor, popular science style, speech impact comparison, epithet

УДК 811.111

А. И. Воробей

Санкт-петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И Ульянова (Ленина)

ORCID 0009-0004-3953-4111

vorobei.anny@gmail.com

Л. А. Ульяницкая

Санкт-петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0002-0163-3243

ulianitckaia_liubov@mail.ru

ПОЛИТКОРРЕКТНАЯ ЭВФЕМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена исследованию эвфемических единиц в английском языке, которые используются в целях соблюдения политической корректности. Рассматриваются различные варианты классификаций эвфемизмов. Применяется метод сплошной выборки информации из периодических изданий. Исследование включает анализ функционирования эвфемизмов в современном английском языке.

Эвфемизм, политическая корректность, лингвокультурологические особенности, криптолект

В современном обществе, где разнообразие и инклюзивность становятся все более важными аспектами социальной жизни, политкорректность играет значительную роль в формировании языка. Политкорректная эвфемизация — это процесс замены слов и выражений, которые могут быть восприняты как оскорбительные или уничижительные, на более нейтральные и приемлемые варианты. Этот феномен особенно заметен в английском языке, который активно адаптируется к изменениям в общественном сознании и культурных нормах.

Эвфемизмы делятся на разные функциональные типы по причинам использования:

1) Использование эвфемизмов для замены точных названий пугающих предметов или явлений. Такие эвфемизмы нацелены на снижение уровня тревожности при упоминании традиционно пугающих тем.

2) Эвфемизмы используются при нежелании говорящего называть своими именами какие-либо условно неприятные вещи, например физиологические процессы.

3) Также, эвфемизмы могут служить для маскировки истинной сути понятий и для манипуляций общественностью (например, *force packages* вместо *warplanes*).

4) Часто эвфемизмы используются для соблюдения этикета, из боязни обидеть собеседника. Такую функцию эвфемизмов также можно назвать функцией соблюдения политкорректности.

5) В некоторых социальных ситуациях, эвфемизмы могут использоваться меньшинствами и угнетаемыми группами для того, чтобы сказанное было понятно только членам данной социальной группы, «только своим». Это необходимо для обеспечения безопасности групп людей, подвергнутых риску извне. Назовём такие слова и выражения «эвфемизмами маскировки». Такие эвфемизмы можно обозначить термином криптолект. Криптолект — это секретный или тайный язык, используемый определенной группой или частью сообщества. Основная функция криптолектов — обеспечение конфиденциальности общения между участниками.

В процессе коммуникации формируется определённая система ценностей и понятий, если какое-либо высказывание не соответствует этой системе, мы прибегаем к эвфемистическому переименованию. Процесс эвфемизации часто бывает связан с определёнными стереотипами, характерными для той или иной культуры. В настоящее время, применение эвфемизмов наиболее актуально в обсуждении неоднозначных или неудобных тем, таких как ЛГБТ², права женщин, расовые проблемы; тем связанных со здоровьем или финансовым положением людей и так далее. Методом сплошной выборки было отобрано 120 примеров эвфемизмов из статей периодических изданий *The New York Times*, *The Times*, *The Sunday Times*, *TIME*, *Science Direct*.

Из всех 120 отобранных эвфемизмов 70 связаны с ЛГБТ сообществом. В англоязычной среде прослеживается тенденция к отказу от эвфемизмов в пользу использования прямых терминов при обсуждении проблем, связанных с ЛГБТ. Несмотря на это, ряд эвфемистических замен всё ещё остаётся актуальным. Самыми часто используемыми являются эвфемизмы «*gay person*» и «*queer person*» вместо термина «*homosexual*». Данные слова используются людьми любого социального статуса и в самых различных коммуникативных

²организация признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

ситуациях. Слово «*homosexual*» может восприниматься как слишком буквальное, формальное и стереотипизирующее слово, в то время как «*gay*» и «*queer*» являются обобщающими терминами, включающими в себя множество понятий. Таким образом, использование этих слов сводит вероятность оскорбить кого-либо неподходящим термином к минимуму.

Существуют также более завуалированные выражения, использование которых направлено на то, чтобы избежать затрагивания «острых» тем напрямую в своей речи. Подобная эвфемизация помогает говорящему сохранять в своих высказываниях нейтральную позицию по отношению к неоднозначным темам. Примером служат такие словосочетания как «*same sex activity*», «*alternative lifestyle*», «*same gender loving*», «*same sex unions*», «*members of the community*», «*relationship diversity*», «*interesting identities*», «*affectionate partnership*», «*non-heteronormative expressions*», «*rainbow generation*», «*colourful community*». Также часто используются выражения, нацеленные на выделение определённых качеств представителей ЛГБТ. Чтобы подчеркнуть непростое социальное положение людей, в англоязычной среде применяют выражения «*brave souls*», «*boundary pushers*», «*tender warriors*», «*heart-driven narratives*», «*hearts of many colours*», «*loving outside the lines*», «*love beyond borders*», «*unconventional love*», «*inclusive dreamers*».

Несмотря на развитие идей толерантности, дисфемизмы также довольно часто используются в англоговорящей среде. О. С. Ахманова определяет дисфемизм как троп, состоящий в замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым [Ахманова, 2004, с. 137]. Такие выражения как «*against the order of nature*», «*marginalized identities*», «*fairy*» (к мужчинам нетрадиционной ориентации), «*dykes*» (к женщинам нетрадиционной ориентации), «*sodomite*» используются чтобы унижить достоинство людей и придать речи более негативную окраску.

Темы, связанные с физическим и ментальным здоровьем, часто вызывают у людей серьёзный эмоциональный отклик, поэтому в этой области широко используются эвфемические замены. Было отобрано 15 подобных эвфемизмов. Например, для обозначения людей с психическими расстройствами используются выражения «*mentally challenged*», «*mental health struggles*», «*struggling with thoughts*», «*having a hard time coping*», «*reality challenged*», «*people on the spectrum*» (*people with autism*), «*intellectually challenged*». Для людей с проблемами с физическим здоровьем также существует ряд общепринятых эвфемизмов, таких как «*hard of hearing*» (*deaf*), «*visually challenged*» (*blind*), «*differently abled*», «*with special needs*», «*long-term health conditions*». Однако в настоящее время среди англоговорящих представителей людей с

проблемами со здоровьем распространено мнение о том, что более политкорректным является оперирование настоящими диагнозами и названиями состояний, а не эвфемизмами, так как отказ от употребления таких слов как «*blind*», «*deaf*», «*disabled*», «*autistic*» и «*mentally ill*» наоборот стигматизирует людей с подобными диагнозами или обесценивает трудности, с которыми они сталкиваются на ежедневной основе.

Также использование эвфемизмов является крайне актуальным в обсуждении различных социально напряжённых тем, таких как права женщин, расовые различия, бедность, преступления, наркомания, война. Было отобрано 10 эвфемизмов, связанных с феминистическим движением, и 25 – с расовыми и другими социальными проблемами.

Слово «*feminism*» часто вызывает неоднозначную общественную реакцию, поэтому его заменяют выражениями «*women's empowerment movement*», «*gender sensitivity*», «*equal opportunity advocates*», «*equal rights crusaders*», «*sisterhood solidarity*»; а феминистические цели и ценности обозначаются словосочетаниями как «*breaking the glass ceiling*», «*non-traditional roles*», «*reproductive health rights*», «*family planning*» (*birth control*), «*body positivity*». Подобные эвфемистические замены помогают обсуждать такие важные проблемы, как права женщин, при этом не задевая неподготовленную или негативно настроенную публику.

В англоязычном дискурсе, касающемся расовых различий и проблем политкорректная эвфемизация необходима, в связи с историческим контекстом. Наиболее распространено эвфемическое словосочетание «*people of colour*», которое может быть использовано для обозначения любых людей не европеоидной расы. В американской среде популярностью пользуются словосочетания «*Native American*», «*African American*», «*Asian American*», «*Latino*», «*Ethnic Minority*». Также слова «*minority*» и «*underrepresented*» могут использоваться для обозначения любых малочисленных или дискриминируемых социальных групп.

Существует ряд эвфемизмов характерных для обозначения различных криминализованных или стигматизированных групп и явлений. Например «*substance use disorder*», «*substance misuse*», «*substance abuse*» вместо «*addiction*», «*behaviorally challenged*» вместо «*antisocial*» или «*criminal*», «*correctional facilities*» вместо «*prison*», «*underprivileged*» и «*financially challenged*» вместо «*poor*», «*senior citizen*» вместо «*old*», «*newcomer*» вместо «*immigrant*», «*outdoor urban dwellers*» вместо «*homeless*», а также «*economically deprived area*» (*criminal or poor neighborhood*), «*alternative facts*» (*lies*) и «*ethically disoriented*» (*rude or dishonest*). Употребление подобного рода эвфемизмов необходимо в рамках политической корректности для того, чтобы не

маргинализировать и не принижать людей с определёнными проблемами или неоднозначным социальным статусом.

При обсуждении военных действий используются такие эвфемические замены как «*conflict*», «*military action*», «*use of force*», «*defense of national interests*». Использование данных выражений обусловлено желанием смягчить страхи и тревогу населения при обсуждении войны. Однако данные замены могут служить средством манипуляции общественностью и быть нацелены на приуменьшение серьёзности отношения людей к военным действиям, оправдание жестокости, вести к восприятию войны как нормы.

Для групп людей, представляющих социальное меньшинство или дискриминируемых групп зачастую бывает опасно или неприемлемо говорить о себе открыто. Для решения этой проблемы существуют тайные языки, или криптолекты. Представителями англоязычного ЛГБТ сообщества часто используются различные эвфемизмы, понятные только членам группы.

Например, существует определённые эвфемические конструкции для того, чтобы завуалированно спросить у человека, принадлежит ли он к данному сообществу. Так, устойчивые вопросы «*Do you listen to girl in red?*» или «*Beef, fish or vegetarian entrée?*» могут быть восприняты не только как обычные вопросы о музыкальных и вкусовых предпочтениях, но и о предпочтениях, касающихся ориентации человека. Говоря о самой ориентации, люди также часто используют эвфемизмы. Такие слова как «*fruity*», «*unicorn*», «*friend of Dorothy*», «*pink elephant*», «*uncle*» (*older homosexual men*), «*sapphic*» (*homosexual women*) являются обычными лексическими единицами современного английского языка, однако в контексте ЛГБТ криптолекта могут означать гомосексуальность. Данные термины редко используются для самоидентификации, чаще при помощи них высказываются догадки о чужой ориентации, например «*Do you think he is a little fruity?*». Для обозначения себя или других как части сообщества, представители ЛГБТ используют следующие эвфемические выражения: «*under the radar*», «*one of us*», «*people like us*», «*the community/our community*», «*the vibe*», «*in the zone*», «*the fabulous*», «*in the lifestyle*», «*having a taste for finer things*».

Чтобы узнать, готов ли человек открыто говорить о своих предпочтениях, в англоговорящей среде распространены эвфемизмы, содержащие лексему «*closet*». Например, словосочетание «*in the closet*» означает, что человек скрывает свою ориентацию, а выражение «*coming out (of the closet)*» означает признание кому-либо в своей ориентации. Также распространены выражения «*remain closeted*», что означает принятое решение оставить свою ориентацию в секрете, и «*coming out into one's own*», означающее понимание своих сексуальных предпочтений самим человеком.

Также иногда существует необходимость скрыть личность или пол своего партнёра, для этого представители ЛГБТ используют различные словосочетания со словом «*friend*», «*family*» или «*partner*». Например «*sassy friends*», «*best friends*», «*besties*», «*feathered friends*», «*chosen family*», «*lavender family*», «*domestic partners*», «*partners in crime*». Термином «*allies*» обозначают людей, позитивно настроенных к представителям ЛГБТ, а за выражением «*family/traditional values supporters*» часто скрывается негативное отношение. Безопасные для представителей сообщества места обозначаются словосочетанием «*safe haven*».

Подход «люди на первом месте» является одним из важнейших аспектов политически корректной лексики в современном английском языке. Согласно этому подходу, какое-либо определение человека должно стоять не перед существительным (*disabled people*), а после него (*people with disability*). Подобный порядок слов призван делать акцент на человеке, а не на его состоянии, социальном статусе или предпочтениях. Явление «*people first*» формирует этические нормы в бизнесе, политике и повседневной жизни нацеленные на улучшение качества жизни людей.

Несмотря на свои положительные аспекты, политкорректная лексика также подвергается критике. Подобная лексика может ограничивать свободу слова, создавая атмосферу, в которой люди боятся открыто выражать свои мнения из-за опасения оскорбить кого-либо. Это может привести к самоцензуре и подавлению честных обсуждений по важным вопросам. Также использование политкорректных терминов может восприниматься как лицемерие. Вместо реального изменения в отношении к определённым группам, люди просто заменяют слова, не изменяя своих предвзятых взглядов или поведения. Это создает иллюзию прогресса, не приводя к реальному улучшению ситуации. Политкорректные формулировки могут изменять оригинальный смысл, делая его менее ясным. Сложные или завуалированные выражения могут затруднять понимание смысла обсуждения, что может привести к неудачной коммуникации или путанице.

Политкорректная эвфемизация играет важную роль в формировании уважительного общения, особенно в условиях социального многообразия. Она смягчает дискуссии, помогает избегать оскорбительных выражений и способствует инклюзивности. Исследование показало активное использование эвфемизмов в темах прав меньшинств, гендера, здоровья и социального неравенства. Особое внимание уделено криптолектам, объединяющим маргинализированные группы. Подводя итог, важно также отметить, что чрезмерное применение эвфемизмов может усложнять коммуникацию и искажать смысл.

Несмотря на критику, политкорректная эвфемизация остаётся значимым инструментом, отражающим изменения в языке и обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Ивушкина Т. А. Королевский английский и аристократический код общения в современной
Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 2000. 940 с.
- Oxford English Dictionary URL: https://www.oed.com/dictionary/cryptolect_n?t1=true (дата обращения: 20.10.2024).
- Science Direct. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 15.11.2024).
- The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/international/> (дата обращения: 15.11.2024).
- The Sunday Times. URL: <https://www.thetimes.com/?t=1733571273039> (дата обращения: 15.11.2024).
- The Times. URL: <https://www.thetimes.com/?t=1733571273039> (дата обращения: 15.11.2024).
- TIME. URL: <https://time.com> (дата обращения: 10.11.2024).

Vorobei, A. I.; Ulianitckaia, L. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

POLITICALLY CORRECT EUPHEMISMS IN MODERN ENGLISH

This article is dedicated to the study of euphemistic units in English language that are used to maintain political correctness. Various classification options for euphemisms are considered. A method of continuous sampling of materials from periodicals is applied. The study includes an analysis of the functioning of euphemisms in modern English.

Euphemism, political correctness, linguistic and cultural special features, cryptolects

УДК 811.111

С. О. Демидова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0009-0003-0114-4022

svetlanademidova03@mail.ru

Н. В. Степанова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0002-0920-753X

nathalie.tresjolie@icloud.com

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В АМЕРИКАНСКИХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛОЗУНГАХ

В докладе рассматриваются примеры предвыборных лозунгов американских политиков с точки зрения наличия и имплементации в них интертекстуальной связи. Исследуется роль интертекста в глубинном понимании смысла политического слогана и характере его персуазивного воздействия на избирателя. В результате исследования были выявлены четыре вида интертекстуальных отсылок: к собственному лозунгу кандидата, к лозунгу другого американского политика, к актуальным реалиям и к прецедентным феноменам.

Политический лозунг, интертекстуальность, американский дискурс, политический дискурс, медиаполитический дискурс

Термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой в 1967 г. для обозначения явления текстовой диалогичности в широком смысле. В семиотическом аспекте под интертекстуальностью понимается отношение одной знаковой системы (например, текста) к другой, соотнесенное с ней референциально. В прагматическом аспекте интертекстуальность рассматривается как «специфическая стратегия соотнесенности с другими текстами, как тот способ, в котором один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой, выражая авторский замысел» [Чернявская, с. 179].

Ф. Аустермюль предложил свою концепцию пяти уровней интертекстуальных и интердискурсивных связей в американском президентском дискурсе, которые представлены в виде концентрических кругов. Внешний уровень, дискурсивная или системная интертекстуальность (discursive or systemic intertextuality), представляет собой употребление определенных лексических, синтаксических, грамматических языковых средств, ставших

стандартизированными в данном жанре дискурса. Четвертый уровень, уровень гипертекстуальности (hypertextuality), представляет собой взаимоотношения «гипертекст (более поздний текст) – гипотекст (более ранний текст)», где первый может не содержать в себе прямых отсылок на второй, но при этом не может без него существовать. В качестве гипотекста понимается не конкретный текст, а некий шаблон, ставший впоследствии образцом для продуцирования новых текстов. Третий уровень, тематическая интертекстуальность (thematic intertextuality), выражается в существовании определенного набора повторяющихся в дискурсе тем. На втором уровне жанровой интертекстуальности (generic intertextuality) происходит актуализация стандартизированных риторических формул президентского дискурса и экстралингвистического контекста, составляющих своеобразие президентского дискурса как жанра. Центральный уровень занимает так называемая материальная интертекстуальность (material intertextuality), в рамках которой осуществляются прямые или скрытые отсылки к прецедентным феноменам. Согласно мнению исследователя, ключевой функцией интертекста в жанре президентского дискурса является формирование национальной идентичности американских граждан [Austermühl, с. 37–38].

Как уже было замечено, частным случаем интертекстуальности является референция к прецедентным феноменам. В. В. Красных определяет прецедентные феномены по следующим признакам: 1) хорошо известны всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном плане); 3) обращение к ним в речи представителей данного сообщества постоянно возобновляется. Подразделяясь по ряду признаков на прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания, данные феномены могут носить социумно-прецедентный (знакомы только представителям одного социума, например, профессионального), национально-прецедентный (знакомы представителям одного национально-лингво-культурного сообщества) и универсально-прецедентный (знакомы любому среднему человеку) характер [Красных, с. 170–174].

В рамках исследования было проанализировано 105 предвыборных лозунгов американских политиков 20-го и 21-го вв. и с помощью метода направленной выборки в данном докладе в фокусе внимания оказались 20 (включая кампании с 1944 г. по 2024 г.), содержащих признаки материальной и/или жанровой интертекстуальности как двух наиболее узко понимаемых уровней интертекста.

В результате исследования удалось выявить четыре вида интертекстуальности, присущие предвыборным лозунгам кандидатов на пост президента

США, а именно: 1) отсылка кандидатом к собственному лозунгу одной из прошлых компаний; 2) отсылка к лозунгу или высказыванию другого американского политика; 3) отсылка к факту действительности (реалии); 4) собственно прецедентные феномены.

Одним из наиболее наглядных примеров лозунгов первой группы, в которых реализуется **интертекстуальная связь с другим предвыборным лозунгом того же кандидата** (адресанта сообщения), является серия лозунгов кампании Д. Трампа (D. Trump) 2020-го г.: (1) “*Keep America Great*” («Сохраним Америку великой»), (2) “*Make America Great Again Again*” («Сделаем Америку снова великой снова!»), (3) “*Make Our Farmers Great Again*” («Сделаем наших фермеров снова великими»). Оригинальный лозунг “*Make America Great Again!*” («Сделаем Америку снова великой!»), впервые использованный этим политиком в 2016 г. в рамках первой предвыборной кампании, можно рассматривать как частный случай гипотекста по отношению к более поздним указанным лозунгам. Данное отношение особенно заметно на примере слогана “*Make America Great Again Again*”, поскольку по причине добавления и повторения слова *again* для усиления персуазивного и выразительного эффекта, с семантической точки зрения такой лозунг (фраза) не может существовать обособленно, являясь вторичным текстом на уровне гипертекстуальности. Также в данном случае прослеживается и отсылка к политической реальности, а именно делается акцент на тот факт, что во время нахождения на посту президента США с 2016 по 2020 гг. Д. Трампу удалось сделать страну снова великой (пресуппозиция лозунга) и теперь избирателю предлагается отдать голос за политика, чтобы повторить данный успех *снова*. Два других производных лозунга полностью сохраняют синтаксическую структуру оригинала, отличаясь только одной лексемой в каждом случае: *keep* вместо *make* (пресуппозиция та же – «Америка стала великой при Д. Трампе и ее можно *сохранить* таковой, проголосовав за кандидата»), *farmers* вместо *America* (обращение к более узкой профессиональной группе избирателей).

Как известно, практически идентичный политически лозунг “*Let’s make America great again*” («Давайте сделаем Америку снова великой») принадлежал Р. Рейгану (R. Reagan) и использовался в рамках его агитационной рекламы в 1980-м г., однако Д. Трамп утверждает, что не знал об этом, и, следовательно, сознательно не закладывал интертекстуальную связь в свой слоган. Тем не менее, с учетом данного факта, можно сказать, что лингвистическое высказывание оказалось воспроизводимым, что свидетельствует о его высокой дискурсивной и жанровой интертекстуальности.

По такому же принципу реализуется интертекстуальная связь в паре лозунгов Д. Эйзенхауэра (D. Eisenhower): (4) “*I like Ike*” («Мне нравится Айк») более ранней предвыборной кампании 1952-го г. и (5) “*I still like Ike*” («Мне все еще нравится Айк») второй кампании 1956-го г. (Айк – прозвище политика). Фраза будто бы произносится от лица избирателя, сторонника кандидата, который отдал свой голос в пользу политика в первый раз и намерен сделать это вновь на текущих выборах, не разочаровавшись в нем за время президентства.

Ко второй группе лозунгов, содержащих **отсылку к лозунгу другого американского политика**, относится слоган (6) “*Make America Sane Again*” («Сделаем Америку снова разумной») кандидата в президенты 2020-го г. Г. Джонсона (G. Johnson), представляющий собой аллюзию на уже упоминавшийся слоган Д. Трампа. В данном случае качественный эпитет *great* заменен прилагательным *sane*, близким по значению к «разумный»: “*having a reasonable or healthy mind, or showing good judgement and understanding*” [Cambridge Dictionary]. Таким образом, по принципу контраста «разумность» противопоставляется «величию» как более приоритетная ценность в контексте государства, а новый кандидат Г. Джонсон противопоставляется бывшему президенту.

Другой пример из данной группы лозунгов – (7) “*Tanned, Rested, Ready*” («Загорелый. Отдохнувший. Готовый») – лозунг кампании Б. Джиндала 2016 г. Интертекстуальная связь в данном случае заключается в том, что хотя эта фраза никогда не являлась официальным лозунгом кампании Р. Никсона, 37-го Президента США, она ассоциируется с президентом в сознании большинства американцев еще с 1988 г. после появления сатирических футболок с данной фразой и изображением политика на Национальном съезде молодых республиканцев (Young Republican National Convention). Вероятно, данная отсылка не несет в себе глубокого подтекста, т. е. отсылки на конкретную деятельность и заслуги Р. Никсона, а скорее имеет целью персуазивное воздействие на сознание избирателей через использование популярной и узнаваемой в американском медиаполитическом дискурсе фразы успешного политика. При этом примечательно, что Б. Джиндал использовал лозунг представителя той же партии (республиканской), членом которой является сам. Лозунговая фраза также приобрела новый смысл в новом контексте: Б. Джиндал, будучи американцем индийского происхождения, употребил ее в контексте того, что «устал от всех этих разговоров об американцах, написанных через дефис», и что он «загорелый, отдохнувший и готовый к этой борьбе» (политической). На это заявление политика последовала критика со стороны либеральных деятелей, считающих, что тем самым он отказывается от своего происхождения.

Прямой отсылкой к упомянутому ранее в докладе лозунгу *“I like Ike”* Д. Эйзенхауэра является лозунг М. Пенса (M. Pence) 2024 г. (8) *“I Like Mike”* («Мне нравится Майк»), в котором имя политика, Майк, рифмуется с прозвищем бывшего президента США из лозунга-оригинала.

Примечательной является интертекстуальность, реализованная в лозунге кандидата 2016-го г. Х. Клинтон (H. Clinton) (9) *“When they go low, we go high”* («Когда они опускаются низко, мы поднимаемся высоко»). Оригинальным текстом к этому слогану является фраза из речи М. Обамы (M. Obama), произнесенная в интервью *“The New York Times”* в 2016 г., с последующим пояснением: «*“Подниматься высоко” (going high) не означает, что вы не чувствуете боли или у вас нет права на эмоции ... Это означает, что ваша реакция должна отражать решение проблемы. Она не должна быть вызвана гневом или мстительностью*». Использование этой фразы в качестве лозунга Х. Клинтон по сути является повторением нарратива демократической партии, имеющим целью дискредитацию оппонента в глазах избирателя (под «мы» подразумеваются представители демократов, под «они» – республиканцы).

Наконец, исторический лозунг (10) *“Don't Swap Horses in the Middle of the Stream”* («Коней на переправе не меняют») авторства А. Линкольна (A. Lincoln), использованный для кампании по переизбранию на второй президентский срок в 1864 г., изначально содержал в себе отсылку к реалии (экстралингвистический контекст), а именно периоду Гражданской войны (*horses*). Затем был заимствован и повторно использован Ф. Рузвельтом (F. Roosevelt) в 1944 г. для переизбрания на 4-й президентский срок. В данном случае сработала аналогия между Гражданской и Первой мировой войнами как сложными и незавершенными периодами, во время которых, как подразумевается, не следует вносить серьезные изменения в ситуацию и менять политического лидера [The Free Dictionary]. Однако этот случай интертекстуальности также можно отнести к прецедентным феноменам, т. к. данная фраза стала широко известной за пределами американского политического дискурса и даже за пределами американского национально-лингво-культурного сообщества: определение афоризма есть в *“The Free Dictionary”*, а в русский язык фраза вошла в устойчивом переводе *«коней на переправе не меняют»*.

К третьей выделенной подгруппе предвыборных лозунгов с **отсылками к факту действительности** можно отнести множество лозунгов. В данной статье приведены три примера для демонстрации данного вида интертекстуальности жанрового уровня. В качестве первого примера – лозунг Д. У. Буша (G. W. Bush) 2004 г. (11) *“A safer world, and more hopeful America”* («Более безопасный мир и более обнадеживающая Америка»), отсылающий

к последствиям террористических атак 11 сентября 2001 г. В лозунге имплицитруется декларируемая будущая политика кандидата с акцентом на необходимости повышения национальной безопасности страны и безопасности в мире в связи с произошедшими событиями, т. е. имеет место отсылка к текущей политической реальности.

В лозунге Р. Рейгана кампании по переизбранию 1984-го года (12) *“It’s Morning Again in America”* («В Америке снова утро») под метафорой «утра» подразумевается улучшение экономической ситуации в США после рецессии начала 1980-х гг., которое произошло благодаря президентству политика. Таким образом здесь вновь использована аллюзия на текущую обстановку в стране. Основой интертекстуальности в данном случае является успех проводимой политики уже бывшего на посту президента кандидата.

Отличную от рассмотренных примеров интертекстуальную отсылку к экстралингвистическому контексту, а именно основному роду деятельности, или иначе говоря, бэкграунду кандидата, содержит в себе лозунг Д. Картера (J. Carter) 1976 г. (13) *“Not Just Peanuts”* («Не просто арахис»). Прежде чем стать 39-м Президентом США Д. Картер был фермером по выращиванию арахиса, а в его предвыборном лозунге отражена идея того, что кандидат обладает также другим опытом и/или квалификацией, необходимыми для политической должности.

Центральный уровень материальной интертекстуальности представлен отсылками к собственно прецедентным феноменам в слоганах. Удалось найти два случая аллюзии на художественный поэтический прецедентный текст из массовой культуры, а именно: неофициальный лозунг, активно использовавшийся сторонниками Г. Трумэна (H. Truman) во время его кампании в 1948 г. (14) *“I’m Wild About Harry”* («Я без ума от Гарри») (является строчкой из одноименной песни, написанной в 1921 г. и исполненной впервые на Бродвее); а также лозунг Д. Керри (J. Kerry) (15) *“Let America be America Again”* («Пусть Америка снова станет Америкой») 2004 г. (заглавная строчка поэмы Л. Хьюза – L. Hughes). В первом случае выбор цитаты для лозунга обусловлен совпадением имени лирического героя песни с именем политика. Коммуникативная цель этого лозунга реализуется посредством того, что от имени потенциального избирателя выражается сильная симпатия (*wild*) к кандидату. Во втором случае на основании комментария одного из спичрайтеров кандидата, поясняющего смысл слогана, можно сделать вывод, что в данном лозунге нет места глубокой отсылке к ценностному посланию прецедентного текста, т. е. стихотворения Л. Хьюза, но «это заявление о том, что сломано, и о том, что что-то сломано, а также это заявление о надежде и стремлении» в более

изолированном контексте фразы. Однако сам политик цитировал четверостишие из поэмы в своей публичной речи и, например, связывал необходимость Америки «стать снова Америкой» с тем, чтобы справиться с энергетической проблемой зависимости от иностранной нефти, тем самым вкладывая в лозунг собственный дополнительный смысл, который отсутствует в оригинальном тексте.

Также к прецедентным феноменам в предвыборных лозунгах можно отнести использование пословиц и фразеологизмов, которые рассматриваются в качестве национально-прецедентных высказываний. Среди них один слоган кампании 2024-го г. – (16) “Pay It Forward” («Отплатим добром») К. Стэплтона (C. Stapleton), а также четыре слогана кампании 2016-го г.: (17) “*Slow and Steady Wins the Race*” («Тихие едешь – дальше будешь») Р. Пола (R. Paul), (18) “*Telling it like it is*” («Говоря все как есть») К. Кристи (C. Christie), (19) “*Stick it to the man by voting for a woman*” («Дадим отпор мужчине, проголосовав за женщину») и (20) “*Love Trumps Hate*” Х. Клинтон («Любовь побеждает ненависть»). В последнем лозунге также присутствует языковая игра: *Trump* как глагол «побеждать» и фамилия политического оппонента. Стоит пояснить, что в лозунге (19) Х. Клинтон “*Stick it to the man by voting for a woman*” использован фразеологизм “*stick it to the man*”, употребляющийся в языке для призыва оказать сопротивление в широком смысле и бороться против устоявшихся доктрин и/или власти, правительства в более узком значении. Известно, что фраза приобрела известность в США в 1960–70-х гг. в период активных протестов против различных форм угнетения.

Таким образом, интертекстуальность является распространенным в американском политическом дискурсе явлением. Американские политики в своих предвыборных агитационных лозунгах активно повторяют собственные лозунги прошлых кампаний как в неизменном, так и обновленном виде, когда желают сделать акцент на факте повторного выдвижения на пост; а также берут за основу лозунги других известных и положительно прославленных в американской истории и общественном дискурсе политиков, как правило, приверженцев тех же политических партий и взглядов. С целью осведомить потенциального избирателя о своих политических ценностях и направлении будущей политики, кандидаты отражают в лозунгах текущие политические реалии, а использование прецедентных феноменов, знакомых большинству американских граждан, таких как строчки из песни или поэмы, пословицы и фразеологизмы, позволяет сделать лозунг звучным, лексически выразительным и запоминающимся. Таким образом, всего выявлено четыре типа интертекстуальных референций: к собственному лозунгу кандидата, к лозунгу другого американского политика, к актуальным реалиям и к прецедентным феноменам.

ЛИТЕРАТУРА

- Вьюнова Е. К., Смирнова А. А. Прецедентные феномены в американском политическом дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. №3 (36). С. 251–254.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- Степанова Н. В. Дискурсивная личность политика в жанре американских политических дебатов: интертекстуальные отсылки как средство актуализации дискредитирующих тактик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. №8. С. 2344–2349.
- Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
- Austermühl F. The great American scaffold: Intertextuality and identity in American presidential discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2014. 338 p.
- Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 09.03.2025)
- Campaign slogans | The Evolution of American Presidential Campaigns. URL: <https://campaignhistory.wordpress.com/slogans/>
- Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus – The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 09.03.2025).
- Presidential campaign logos and slogans, 2024 – Ballotpedia. URL: https://ballotpedia.org/Presidential_campaign_logos_and_slogans_2024 (дата обращения: 08.03.2025).

Demidova, S. O.; Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

INTERTEXTUALITY IN AMERICAN ELECTION SLOGANS

The report examines examples of election slogans of American politicians from the point of view of the presence and implementation of an intertextual connection in them. The role of intertext in the deep understanding of the meaning of a political slogan and the nature of its invasive impact on the voter is examined. As a result of the study, four types of actualizing intertextual references were identified: reference to the candidate's own slogan, reference to the slogan of another American politician, reference to current realities and to precedent phenomena.

Political slogan, intertextuality, American discourse, political discourse, media political discourse

УДК 81'42

А. И. Зуева

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

zuevaanastasia2399@mail.ru

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В РУССКОЯЗЫЧНОМ МАССМЕДИЙНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

При написании публицистической статьи, особенно на экологическую тематику, автору требуется обязательно прибегнуть к использованию эвиденциальных средств, чтобы донести до реципиента, что представленная информация достоверна и была получена из надежных источников. В данной статье рассматриваются понятия «категория эвиденциальности» и «экологический дискурс», анализируются особенности русскоязычного экологического дискурса, а также на конкретных примерах, отобранных из основных новостных источников РФ, рассматривается, какой тип эвиденциальных средств в русскоязычных публицистических статьях на экологическую тематику встречаются чаще всего. Результатом исследования является составление собственной классификации эвиденциальных средств, которую можно использовать в дальнейших исследованиях русскоязычного экологического дискурса, а также при написании публицистических экологических статей.

Эвиденциальность, эвиденциальные средства, дискурс, экологический дискурс

Экология и охрана окружающей среды очень важны для нашего общества. Вопросы экологии активно обсуждаются на всех уровнях, поэтому тексты на экологическую тематику встречаются во всех типах дискурса. В результате, лингвисты все больше начали проявлять интерес к изучению языка в контексте представлений человека об окружающей среде. Это привело к возникновению такого языкового явления как экологический дискурс.

Первые упоминания об экологическом дискурсе встречаются в работах зарубежных ученых. Одним из таких монументальных трудов в этой области является работа Дж. Дризика «The Politics of Earth: Environmental Discourse» [Dryzek, 2005, с. 20]. Согласно Дж. Дризеку [2005], экологический дискурс — это, прежде всего, способ познания окружающего мира. При этом с экологическим дискурсом сталкиваются в своей профессиональной деятельности не только экологи, но и политики, чиновники, юристы, журналисты и многие другие, в том числе, и обычные люди. Дж. Дризек делит экологический дискурс на реформистский и радикальный (куда входят дискурс решения проблем и дискурс устойчивого развития, то есть рассматривается влияние государства на решение экологических проблем).

В России изучением данной проблематики занимаются такие ученые как, например, Е. В. Иванова [Иванова, 2007], которая даёт следующее определение: «экологический дискурс представляет собой совокупность устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы. Таким образом, только тексты экологической тематики (о природе и окружающей среде) относятся к экологическому дискурсу» [Иванова, 2007, с. 3].

Сегодня существуют различные виды экологического дискурса. Но, так как в настоящее время особое влияние на реципиента, на его сознание и действия, оказывают новости, то хотелось бы рассмотреть только один вид дискурса – публицистический, уделив особое внимание тому, какими средствами пользуются авторы публицистических статей, чтобы донести до читателя мысль, что используемая ими в работе информация достоверна, ей можно доверять и использовать её в дальнейшем (например, говоря об экологии, информация, предоставляемая в новостных источниках, может мотивировать человека начать лучше заботиться об окружающей среде, стать участником волонтерского движения, стимулирует заняться переработкой отходов и прочее). Для этого обратимся к понятию категория эвиденциальности и эвиденциальные средства.

В современной лингвистике термин «эвиденциальность» появляется в работах Ф. Боаса [Boas, 1911]. Автор вводит термин “evidential”, называя им не грамматическую категорию в современном понимании, а одну из её граммем. Особое внимание ученый уделяет грамматическому характеру функционирования эвиденциальности в языках индейских племен, как отличительной черты данного языка от европейских языков [Плунгян, 2011, с. 352].

Основы типологического изучения современной категории эвиденциальности были положены Р. О. Якобсоном в работе «Shifters, verbal categories and the Russian verb». Так Якобсоном [Якобсон, 19972] была описана следующая категория, которая была именована как «evidential» («засвидетельствованность»), которая указывала на то, откуда была получена информация (её источник). Ученый предлагает следующие способы получения информации: 1) от другого лица (quotative, hearsay event), 2) догадки и предположения (presumptive evidence), 3) собственный опыт говорящего (memory evidence) и 4) сны (revelatory evidence) [Якобсон, 1952, с. 135].

В целом, эвиденциальность предполагает отражение отношения говорящего к содержанию сообщения, а именно уточняет источник передаваемой информации. Данное знание маркируется специальными лексическими, морфологическими или синтаксическими средствами. В качестве таких средств может выступать экспликация источника информации: источником может

служить прямое свидетельство (собственные наблюдения говорящего, чувственное восприятие факта) или не прямое, косвенное свидетельство (информация, полученная от других лиц, логическое умозаключение) [Козинцева, 2007, с. 14–16].

Для того, чтобы понять, какие типы эвиденциальных средств наиболее распространены в современном русскоязычном экологическом дискурсе и, в дальнейшем, классифицировать их, рассмотрим следующие примеры, взятые из наиболее посещаемых русскоязычных новостных платформ, таких как ТАСС, РИА Новости и РБК Life.

Так, результаты исследования показывают, что при написании статей авторы чаще всего ссылаются на прямые источники информации, а именно на конкретного ученого или научную организацию:

1) *«Как отметила доктор химических наук заведующая лабораторией профильного факультета МГУ Ирина Перминова, эффективность сорбентов зависит от нескольких факторов: какое вещество, в какой среде и при какой температуре нужно собрать»* [<https://tass.ru/obshchestvo/22768799>, дата обращения – 22.01.2025].

2) *«Выбросы метана от взрывов на газопроводах "Северный поток" и "Северный поток 2" сравнимы с выбросами от эксплуатации 10 миллионов автомобилей в течение 20 лет, заявил вице-президент Российской академии наук (РАН) Степан Калмыков в ходе выступления на экспертном совете комитета Госдумы по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды»* [<https://ria.ru/20230220/metan-1853172964.html>, дата обращения – 10.12.2024].

3) *«По словам главного специалиста ледовой и гидрометеорологической информации Арктического и антарктического научно-исследовательского института Полины Солощук, отколовший кусок льда составляет примерно 2% ледяного гиганта»* [<https://www.rbc.ru/life/news/67a0b0e79a7947f9c2d3456d>, дата обращения – 04.02.2025].

В данных примерах мы видим, что при написании статей авторы прибегают к использованию такого типа эвиденциальности, как косвенная опосредованная, а именно ссылаются на конкретное лицо (того, кто сообщил сведения) – доктор наук, вице-президент, специалист. Чтобы усилить у читателя чувство доверия к источнику данных, авторы также предоставляют ФИО человека (реципиент может самостоятельно найти всю информацию о данном человеке, изучить другие разработки этого учена и сформировать собственное мнение в отношении него), его место работы (чаще всего это наименование

университета, организации или кафедры, которая специализируется в той области, о которой была написана статья) и научную степень (как показатель того, какое положение занимает данное лицо в научном сообществе).

Хотелось бы отдельно отметить статьи, публикуемые платформой РИА Новости. Здесь журналисты не только указывают, кто им сообщил информацию, но и ссылаются на известные научные журналы, в которых публиковались исследования, о которых будет рассказано в статье в дальнейшем. Это приводит к тому, что реципиент начинает больше верить представленным данным, ведь не все исследования могут быть опубликованных в международных научных журналах:

4) *«Новый метод контроля загрязнений воды, который позволяет выявлять вредные вещества без взятия дополнительных проб, разработали ученые ВолгГТУ. По их словам, это позволит сократить время реакции на сброс сточных вод до 30 процентов, а затраты на лабораторные исследования — до 20 процентов. Результаты опубликованы в журнале **Applied System Innovation**»* [<https://ria.ru/20241111/nauka-1982721365.html>, дата обращения – 20.12.2024].

5) *«Технологию получения водорода из твердых коммунальных отходов с использованием водорослей предложили ученые СПбПУ. По их словам, добавление биомассы микроводорослей рода хлорелла на мусорные полигоны ускоряет сбраживание отходов для переработки "свалочных" газов в биоводород. Результат представлен в **International Journal of Hydrogen Energy**»* [<https://ria.ru/20240625/nauka-1955054286.html>, дата обращения – 07.10.2024].

В примерах (4) и (5) мы видим, что авторы вновь ссылаются на прямой источник информации (конкретное лицо), однако, в качестве способа верификации эвиденциальности, прибегают к тому, что указывают название научного издания, где используемые в статьях данные были ранее опубликованы.

Кроме того, было отмечено, что, ссылаясь на источник информации, авторы публицистических статей прибегают к сложноподчиненным предложениям, в главной части которого располагаются глаголы с функцией ренарратива – сообщается, говорится, объясняется и другие, т.е. прямой источник информации отсутствует, но реципиент все равно понимает, что был некто, кто эти сведения предоставил (примеры 6-7):

6) *«В научной работе **говорится**, что нынешние усилия по сохранению природы недостаточны»* [<https://www.rbc.ru/life/news/63a5a5349a794761ae430b22>, дата обращения – 03.09.2024]

7) *«Это говорит о том, что дальнейший рост температур в экваториальных и тропических регионах Земли в результате глобального потепления приведет к заметному падению урожайности какао»* [<https://nauka.tass.ru/nauka/23142697>, дата обращения – 14.02.2025]

Третий способ выражение эвиденциальности в русскоязычном экологическом дискурсе – использование парантез (вводных безличных оборотов), являющихся примером косвенной опосредованной эвиденциальности (автор статьи «пересказывает» своими словами то, что что он услышал от первого лица):

8) *По данным МЧС, в ликвидации последствий участвуют более 5 тыс. спасателей и волонтеров. Группировку техники нарастили вдвое - до 200 единиц техники, сообщили в администрации Краснодарского края* [<https://tass.ru/obschestvo/22715741>, дата обращения – 20.01.2025].

9) *Согласно данным Росстата, сегодня наблюдается рост содержания хлоридов и фенола в сточных водах* [<https://ria.ru/20241111/nauka-1982721365.html>, дата обращения – 11.12.2024].

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: в русскоязычных публицистических текстах на экологическую тематику категория эвиденциальности выражена преимущественно лексическими средствами. К наиболее распространенным эвиденциальным средствам относятся:

1) Имена существительные/собственные, выражающие прямой источник получения информации (имя ученого или название организации);

2) Сложноподчиненные типы предложений, в состав которых входят нарративные глаголы, то есть «повествующие», от кого конкретно информация была получена;

3) Вводные безличные обороты (парантезы), с помощью которых автор статьи своими словами сообщает реципиенту информацию (передача информации «от третьего лица»).

ЛИТЕРАТУРА

- Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Иванова. Челябинск. 2007. 24 с.
- Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Н.А. Козинцева // Ин-т лингвист. исслед. РАН., отв. ред. В. С. Храковский., СПб.: Наука. 2007. С. 13–36.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плунгян // М.: Изд-во РГГУ. 2011. 672 с.
- Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / сост. О. Г. Ревзина. М.: Наука. 1972. С. 95–113.

- Boas F. (ed.). Handbook of American Indian Languages. Part I. Washington: Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology. 1911. Bulletin No. 40. P. 158.
- Dryzek J. S. The Politics of the Earth. 2nd edition. Oxford University Press. 2005. P. 27.
- Экологи подберут нужный сорбент для обработки черного моря от мазута // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22768799>, дата обращения – 22.01.2025.
- Эксперт рассказал о последствиях выбросов метана на "Северных потоках" // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230220/metan-1853172964.html>, дата обращения – 10.12.2024.
- От самого большого в мире айсберга откололась глыба площадью 80 кв. км // РБК Life. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67a0b0e79a7947f9c2d3456d>, дата обращения – 04.02.2025.
- Ученые создали метод контроля загрязнений воды в режиме реального времени // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241111/nauka-1982721365.html>, дата обращения – 20.12.2024.
- Ученые предложили орошать мусорные полигоны микроводорослями // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240625/nauka-1955054286.html>, дата обращения – 07.10.2024.
- Ученые предрекли гибель 97% животных в Антарктиде к 2100 году // РБК Life. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63a5a5349a794761ae430b22>, дата обращения – 03.09.2024.
- Быстрый рост температур на Земле приведет к снижению урожайности какао // TASS. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/23142697>, дата обращения – 14.02.2025.
- Путин назвал "экологической бедой" последствия разлива мазута с танкеров // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22715741>, дата обращения – 20.01.2025.

Zueva, A. I.

Saint-Peterburg State University

EVIDENTIAL MEANS IN RUSSIAN-LANGUAGE MASSMEDIA ECOLOGICAL DISCOURSE

When writing a journalistic article, especially on environmental topics, the author must necessarily resort to the use of evidential means to convey to the recipient that the information presented is authentic and was obtained from reliable sources. This article considers the concepts of 'the category of evidentiality' and 'ecological discourse', analyses the peculiarities of Russian-language ecological discourse, and uses specific examples selected from the main news sources of the Russian Federation to examine what type of evidential means are most often encountered in Russian-language journalistic articles on ecological topics. The result of the study is the compilation of our own classification of evidential means, which can be used in further studies of Russian-language environmental discourse, as well as in writing journalistic environmental articles.

Evidentiality, evidential means, discourse, environmental discourse

УДК 81'37

П. Р. Иванова

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»

poliaaa04@mail.ru

О. Н. Осадчая

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»

ORCID 0000-0003-1543-5579

zuba-zuba@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются особенности интерпретационной деятельности в юридическом дискурсе, раскрывается сущность, виды и структура интерпретационных актов. В работе анализируются различные подходы к пониманию формы реализации интерпретационной деятельности, ее роли в юридической деятельности в условиях тесной взаимосвязи лингвистики и юриспруденции.

Юриспруденция, лингвистика, интерпретационная деятельность, интерпретационный акт, норма права

В современном мире в условиях глобализации с присущими ей интегративными процессами в сфере общественных отношений политической и социально-экономической направленности, с одной стороны, и дифференциальным вектором развития юридической и лингвистической деятельности в жизни носителей различных языковых культур, с другой стороны, особое место в юридическом дискурсе занимают интерпретационные акты. Юридическая деятельность инкорпорирует три вида практик: правотворческую, правоприменительную и правоинтерпретационную, последняя из которых тесно связана с различными областями языкознания и является наименее изученной и дискуссионной в кругах отечественных представителей юридической и лингвистической наук на данный момент. Удельный вес интерпретационной деятельности выше в западной науке, особенно в странах общего права. Л. Фуллер в своей работе «Мораль права» в фарватер внутренней морали права ставит именно судебное толкование как эталон объективности и адекватности [Фуллер, 1964]. Данный факт связан с тем, что англосаксонская система права по своей природе индуктивна: каждому слову изначально

приписывается определенное «свое» значение, которое при эмпирическом обобщении может видоизменяться. Отечественный опыт интерпретационной деятельности фиксирует дедуктивную основу: «буква» закона, то есть его словесный портрет, максимально эксплицирована и зафиксирована в источниках права.

Вследствие быстрых темпов развития законодательной базы, объективно реагирующей на внешние и внутренние изменения правовой жизни общества, возникает острая необходимость в стабилизирующей роли интерпретационной деятельности с целью эффективного правоприменения. На первый план выходят вопросы оптимизации рассматриваемой деятельности, так как бесспорна значимость толкования права как когнитивного процесса для более точного и единообразного восприятия воли законодателя, правильной расшифровки «духа» закона, истинного смысла нормативно-правовых актов и разъяснения его всем субъектам права с целью исключить возможные коллизии и способствовать заполнению пробелов в праве. В современной юридической науке актуальным является вопрос о совершенствовании интерпретационной деятельности в связи с противоречивой практикой толкования нормативно-правовых актов, наличием ошибок при интерпретации права компетентными субъектами, отсутствием отлаженного механизма, предназначенного для регулирования интерпретационного процесса.

Конечным формально выраженным итогом интерпретационной деятельности является интерпретационный акт или акт толкования нормы права. Указанные понятия являются тождественными, при этом правоведы используют обе версии. На сегодняшний день нет единого мнения ученых в подходе к определению интерпретационного акта. Более того, в большинстве трудов правоведов объем данного понятия передается опосредованно через характерные признаки, а не путем прямой номинации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что интерпретационный акт, имеющий в русском языке дублет «акт толкования», является на данный момент предтермином, так как его языковая репрезентация пока окончательно не сформирована.

В. М. Сырых отмечает, что интерпретационные акты конкретизируют и разъясняют содержание норм права в виде правоположений, которые может принимать соответствующий компетентный государственный орган или должностное лицо [Сырых, 2012]. А. В. Осипов рассматривает акт толкования как один из видов правовых актов, не содержащий общеобязательных норм права, не обладающих самостоятельностью и находящихся в полной зависимости от нормативных актов, нормы которых интерпретируются [Матузов, Малько, 2022]. Согласно В. Н. Хропанюку, акты официального толкования правовых норм нацелены на разъяснение, конкретизацию и уточнение предписаний норм права [Хропанюк, 2008].

Л. А. Морозова раскрывает суть интерпретационного акта исключительно как официального акта-документа посредством ряда особенностей: разъяснительный характер, процедурно-процессуальная форма, властная природа и др. [Морозова, 2024]. Е. М. Терехов в своем исследовании предлагает формулировку, объединяющую точки зрения различных ученых на понятие акта толкования, в которой под интерпретационным актом подразумевается официальное действие или документ, являющийся формально выраженным результатом правоинтерпретационной деятельности государственно-властного субъекта по разъяснению норм права, обладающим юридическими последствиями [Терехов, 2023].

Следующим дискуссионным моментом в современной литературе является отсутствие или возможное наличие в интерпретационном акте оригинальной нормы права. Большая часть ученых считает, что необходимо отличать акт нормативного толкования от интерпретируемого нормативно-правового акта, так как в нем не содержится оригинальной нормы права, при этом интерпретируемый и интерпретирующий акты действуют в единстве, в одинаковых темпоральных пределах. Например, интерпретировать свои нормативные акты, не нарушая уже изложенную норму права, Президент РФ может в форме указов, Правительство РФ – в форме постановлений и распоряжений. Другие ученые склонны относить интерпретационные акты к формам права, так как в даваемых компетентными государственными органами или должностными лицами разъяснениях по сути «рождается» норма права. Являясь официальными разъяснениями содержания нормы права, акты толкования становятся источниками права, поскольку в них помещаются конкретизирующие нормы. Примером могут служить акты толкования конституционных норм Конституционным Судом РФ и интерпретационные акты Пленума Верховного Суда РФ, способные формулировать нормы права, властные предписания и правила толкования.

Подчеркивается важность разъяснительной работы со стороны Верховного Суда РФ, который зачастую занимает «выжидательную» позицию. По мнению ряда исследователей, в превентивных целях, не дожидаясь ожидаемых затруднений у судей нижестоящих судов в понимании истинного смысла вынесенных решений, необходимо вводить предварительные акты толкования законов, вступивших в силу. Также под сомнение ставится сложившаяся концепция одновременного действия нормативно-правовых и интерпретационных актов при обнаружении противоречивых теоретических оснований для подобного единства. Авторами предлагается выработать особый механизм, регулирующий временные рамки действия интерпретационных актов, возможно, с привлечением опыта других правовых систем [Назарькова, 2012].

Особую роль в установлении объема понятия «интерпретационный акт» играют его существенные признаки:

- 1) наличие цели;
- 2) разъяснительный характер акта толкования, изданного компетентным государственным органом или должностным лицом;
- 3) наличие специфической структуры и формы официального акта-документа с соответствующими реквизитами и стилем изложения;
- 4) содержание нормативных или персонифицированных разъяснений;
- 5) принятие интерпретационного акта подразумевает определенный процессуальный порядок;
- 6) обладают властно-распорядительным характером;
- 7) наличие юридических последствий при несоблюдении актов толкования;
- 8) по отношению к толкуемому акту являются подзаконными, вспомогательными;
- 9) обеспечиваются мерами государственного принуждения;
- 10) по мнению ряда правоведов, обладают ретроспективной силой, могут распространяться на обстоятельства и факты, предшествовавшие принятию интерпретационного акта [Шайхутдинов, 2004].

Классификация интерпретационных актов так же вызывает дискуссии среди современных ученых, хотя некоторые аспекты являются несомненными. Деление актов толкования может производиться по различным основаниям:

- 1) внешнее выражение;
- 2) внутренняя структура;
- 3) содержание;
- 4) наименование;
- 5) круг лиц, на которых распространяется действие интерпретационного акта;
- 6) принадлежность к определенной отрасли права;
- 7) пространственно-временные характеристики.

Наиболее традиционные основания для дистрибуции интерпретационных актов являются следующие:

1. Внешняя форма. По внешнему выражению интерпретационные акты можно разделить на устные и письменные. Ряд исследователей подразумевают под устными актами толкования акты-действия, представляющие собой устные разъяснительные операции с целью раскрыть истинный смысл норм права, встречающихся в деятельности административных и судебных органов государственной власти. Подобная практика набирает обороты в настоящее время,

отвечая на потребность общества в простых разъяснениях. Письменная форма акта-документа четко структурирована. Как в нормативных интерпретационных актах, так и казуальных должны присутствовать обязательные реквизиты: наименование субъекта, дата издания, номер акта, название, содержание, сведения о должностных лицах, подписывающих документ. При этом форма интерпретационного акта может совпадать с формой интерпретируемого документа.

2. Юридическая значимость. По этому критерию различают акты нормативного или общего толкования и акты казуального толкования. Акты нормативного толкования индивидуально не персонифицированы, распространяют свое действие на неопределенный круг лиц, при этом актуализируется их общеобязательная природа. Акты казуального толкования являются индивидуальными, т. е. применяются к конкретному случаю и распространяются на определенный круг лиц. Существует мнение среди правоведов, что акты казуального толкования приближаются по своим характеристикам к прецедентам, которые официально не признаны формой права в Российской Федерации, но де-факто играют важную роль в отечественном судопроизводстве.

3. Юридическая сила. В зависимости от степени обязательности интерпретационного акта и места компетентного государственно-властного субъекта (органа или должностного лица) в иерархии государственной власти акты толкования могут быть исполнительно-распорядительными, судебными, прокурорскими и т. д.

4. Субъект толкования. Различают аутентичные и легальные интерпретационные акты. Если субъектом интерпретационного и интерпретируемого актов является один и тот же государственный орган или должностное лицо, то это авторское или аутентичное толкование. Юридическая сила данных актов совпадает. Если интерпретационный акт принят другим субъектом, то это легальное толкование. Право толкования нормативных актов при этом делегируется соответствующему компетентному органу или должностному лицу, например, действующая Конституция РФ предоставляет право Конституционному Суду РФ давать толкование Конституции РФ. Подобные делегированные акты по своему характеру могут быть подзаконными или правоприменительными. Акты аутентичного толкования имеют большую юридическую силу в сравнении с актами легального толкования.

5. Отрасль толкуемой нормы. Выделяют различные виды актов толкования: уголовно-правовые, административные, гражданско-правовые и др.

6. Также различают акты судебного и административного толкования. Акты судебного толкования издаются судами и обладают существенными признаками: а) они документально оформлены; б) обязательны для исполнения

всеми судами, государственными органами и должностными лицами, на которых распространяется толкуемая норма права. Акты административного толкования издаются исполнительными органами власти и регулируют различные вопросы, касающиеся социального обеспечения, трудовых отношений и др.

Таким образом, в современной науке и практике акцентуализируется необходимость более глубокого анализа содержания интерпретационного акта с позиций лингвистики и юриспруденции, его структурирования, направленного на уяснение и разъяснение основных понятий, способов и приемов толкования, темпоральных пределов действия интерпретационного акта, а также на конкретизацию субъектов, обладающих правом официального толкования.

ЛИТЕРАТУРА

- Корнев В. Н. Теория государства и права: учебник / под ред. В. Н. Корнева. М.: РАП, 2014. 561 с.
- Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. 5-е изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 528 с.
- Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 464 с.
- Назарькова Е.О. Концепция совместного действия во времени нормативных правовых и интерпретационных актов: теория и практика // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 27–34.
- Сырых В. М. Теория государства и права: учебник / В. М. Сырых. 6-е изд. М.: Юстицинформ, 2012. 704 с.
- Терехов Е. М. К вопросу о видах интерпретационных актов. Теория и практика государственно-правового развития, 2023, Т. 22, № 1. С. 100–107.
- Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений / под ред. проф. В. Г. Стрекозова. М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л», 2008. 384 с.
- Шайхутдинов Е. М. Интерпретационные акты. Автореф. дисс. к.ю.н: 12.00.01 / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2004. 191 с.
- Фуллер Л. Мораль права. Лондон: Йельская университетская пресса, 1964. 228 с.

Ivanona, P. R.; Osadchaya, O. N.

Russian State University of Justice

INTERPRETIVE ACTIVITY: LINGUISTIC AND LEGAL ASPECTS

The article examines the features of interpretative activity through the prism of legal and linguistic knowledge, reveals the essence, types and structure of interpretative acts. The paper analyzes various approaches to understanding the form of implementation of interpretative activity, its role in legal activity in the context of the close relationship between linguistics and jurisprudence.

Jurisprudence, linguistics, interpretative activity, interpretative act, rule of law

УДК 81-25

А. С. Маркелов

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0009-0004-4526-9529

alexander677@yandex.ru

Н. В. Степанова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0002-0920-753X

nathalie.tresjolie@icloud.com

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ TWITCH (НА МАТЕРИАЛЕ КОММЕНТАРИЕВ СЕРВИСА)

В статье рассматриваются особенности дискурсивной личности при онлайн-коммуникации в чате стримингового сервиса Twitch. В качестве материала исследования используются наиболее частотные лексические единицы, отобранные из комментариев пользователей. Согласно результатам исследования, дискурсивная личность пользователя Twitch имеет такие характеристики, как спонтанность и реактивность, высокая степень эмоциональности реакций, коллективная идентичность и подражание другим пользователям-комментаторам, использование геймерского сленга, мемов и эмодзи.

Дискурсивная личность; геймер; дискурс; интернет-пользователь; эмодзи; реакция; сленг

В современном мире наука все больше ориентируется на междисциплинарный дискурс, формирующийся на основе сетевого принципа организации знания. М. С. Гусельцева утверждает, что в контексте эволюции и популяризации интернета сферы смежных наук тяготеют к постоянному взаимодействию и пересечению [Гусельцева, 2009, с. 12], что приводит к формированию общего багажа методологического инструментария. Новая парадигма лингвистического знания, учитывающая языковую ситуацию, особенности личности коммуникантов и экстралингвистические факторы, является максимально приближенной к реальным речевым практикам.

На данном этапе развития лингвистики, в свете антропоцентрированного подхода, по-прежнему актуальными остаются вопросы изучения языковой личности. Исследователи обращаются к анализу профессиональных языковых

личностей [Кушникова, 2016; Павленко, 2023], языковых личностей писателей и поэтов [Горячева, 2023], исторических деятелей [Балко, 2023].

Особенности языковой личности определяются множеством дискурсивных факторов и практик, которые интерпретируют социокультурную реальность. Повсеместное распространение сетевых технологий, унификация культур, доминанция английского языка воздействуют на определение как языковой, так и дискурсивной личности в различных сегментах интернета.

Под языковой личностью понимается любой носитель языка или группа носителей, охарактеризованных с точки зрения использования средств языка для отражения картины мира [Синельникова, 2013, с. 43]. Исходным параметром в описании языковой личности является порождаемый текст, проявляющийся, по Ю. Н. Караулову, вербально-семантический (владение языком), когнитивный (фиксация мировоззренческого параметра) и мотивационный (прагматический) уровни [Караулов, 2004, с. 43]. Языковая личность интерпретируется как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений.

Концепт «языковая личность» в современных реалиях и в свете накопленных знаний должен дополняться дискурсом, который дает возможность подключать к анализу языковой личности факторы широкого диапазона: ментальные, психологические, прагматические и др. Языковая личность проявляет свои этнические, профессиональные, возрастные, гендерно отмеченные признаки в дискурсивных действиях [Синельникова, 2011, с. 37].

Дискурс – важнейший элемент социальных действий и интеракций. Языковая личность в интеракционном контексте и есть дискурсивная личность, которая формируется на пересечении коммуникативных и когнитивных факторов. Дискурсивные личности – участники коммуникативных событий, в условиях которых и происходит выбор соответствующих средств – лексических, грамматических, стилистических как тактических действий, соответствующих речевой стратегии [Синельникова, 2011, с. 457]. Варьирование языковых средств и категорий может свидетельствовать о смене ролей (говорящий – слушающий), о поиске адекватных поставленным целям форм обратной связи и т. д.

Понятие «дискурсивная личность» относится к человеку как участнику коммуникации, проявляющему себя через различные типы дискурсов и коммуникативных практик. Этот термин подчеркивает, что личность формируется и проявляется в процессе общения и использования языка. Л. Н. Синельникова определяет возможности дискурсивного подхода в описании языковой личности, позволяющие синтезировать экстралингвистические факторы и языковые манифестации [Синельникова, 2011, с. 459]. Акцентируется внимание на

задачах новой социолингвистики, призванной описывать разнообразные дискурсивные практики носителей языка, которые порождают языковую личность, превращая ее в дискурсивную. В. И. Карасик рассматривает дискурсивную личность как человека, проявляющего себя в различных типах коммуникативных ситуаций [Карасик, 2016, с. 56]. Исследователь предлагает подходы к изучению и описанию дискурсивной личности, обусловленные функциями речи и моделями коммуникативной ситуации, разработанными в лингвистике и других областях гуманитарного знания. По И. А. Стернину, дискурсивная личность – это коммуникативная (интерактивная) личность, обладающая «коммуникативным паспортом» как совокупностью индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации [Стернин, 2003, с. 53]. Таким образом, дискурсивная личность рассматривается как конструкт, формирующийся и проявляющийся через язык и коммуникацию, отражая социальные и культурные контексты, в которых находится индивид.

В настоящем исследовании будет использоваться подход В. И. Карасика, позволяющий уделить особое внимание различным типам коммуникативных ситуаций. Дискурсивная личность будет определяться такими факторами, как область и сфера коммуникации. В зависимости от типа общения (виртуальное или реальное), а также от стиля коммуникации и ее характера (анонимная коммуникация в сети) будет зависеть выбор лексических единиц и модели поведения интернет-пользователя.

Для анализа дискурсивной личности была использована стриминговая платформа *Twitch*. Комментарии в разделе «игры» на английском языке отбирались методом сплошной выборки из чата пользователя-стримера с никнеймом *Caedrel*. Всего было проанализировано 1627 комментариев. Также был составлен список по частотности употребления слов с помощью средств *Python*. Отметим, что отобранные комментарии анализируются в рамках сетевой коммуникации отдельной субкультуры пользователей, интересующихся онлайн-играми. Таким образом, рассматривается дискурсивная личность пользователя в геймерском дискурсе.

Исключив из анализа служебные слова и местоимения, составим список наиболее частотных слов:

- 1) *inta* (сокр. *inter* – игрок, персонажа которого часто убивают внутри игры; от аббр. *internationally feeding*) – 192;
- 2) *xdd* (графический смайлик) – 70;
- 3) *game* – 60;

- 4) *scrims* (подготовительный онлайн-матч между игроками перед более серьезным матчем) – 57;
- 5) *frfr* (от англ. *for real for real*) – 49;
- 6) *lol* (от англ. *laughing out loud*) – 46;
- 7) *team* – 29;
- 8) *cooked* (употребляется в качестве прилагательного для описания негативного события, например, проигрыша) – 25;
- 9) *win* – 24;
- 10) *tuh* (междометие) – 21;
- 11) *kills* – 19;
- 12) *gg* (от англ. *good game*) – 15.

Реже встречаются такие лексические единицы, как *holy* (выражение эмоций – 6 раз), *buh* (междометие – 6 раз), *vibes* (5 раз). Также присутствуют вариации лексических единиц *lol* (*lul, lule, lil*), *xdd* (*xd, dx, dxx*).

В ходе отбора комментариев и их анализа были выявлены следующие особенности речи пользователя *Twitch*:

- 1) простота и лаконичность: комментарии почти всегда короткие, эмоциональные, иногда состоят из одного или двух слов или эмодзи, например, *lul, gg*; 2) популярность геймерских терминов (*scrims, inta* и других), частотное использование аббревиатур (*lol, gg, fr*); 3) использование мемов и эмодзи, например, *Kappa* (выражение сарказма), *PepeHands* (выражение грусти), *MonkaS* (выражение страха или стресса). Данные лексические единицы не попали в выборку, поскольку в формате текстовых комментариев они отображались в виде эмодзи: при написании данных слов в чате они автоматически принимают изображение *Twitch*-эмоджона; таким образом, анализ и подсчет частотности этих слов оказался невозможен; 4) высокий процент эмоциональных реакций в реальном времени, эмодзи, смайлов; выражение реакции пользователя в виде комментариев, написанных заглавными буквами, например, *HOLY, OMG!, NO WAY!*; 5) сарказм и ирония: нередко шутки могут быть адекватно восприняты только внутри игрового контекста теми пользователями, которые владеют используемой терминологией, аббревиатурами и другими лексическими единицами и могут корректно интерпретировать эмодзи; 6) быстрая смена настроений: за похвалой в адрес стримера или другого пользователя могут последовать резкие негативные комментарии.

Дискурсивная личность отражает функционирование языковой личности в контексте. В ходе анализа были отмечены следующие особенности дискурсивной личности пользователя *Twitch*: 1) спонтанность и реактивность; 2) бурные эмоциональные реакции; 3) высокий процент коротких восклицаний,

содержащих эмодзи; 4) использование геймерского сленга и аббревиатур, которые понятны только определенному игровому сообществу; 5) мемная и внутренняя субкультура: использование мемов и специфичных *Twitch*-эмотиконов; 6) коллективная идентичность и подражание: комментарии часто синхронны с чатом: пользователи повторяют фразы или мемы друг за другом (*let's gooo!, LUL*). При этом создается ощущение принадлежности к коллективу и разделения чувства единства, когда один комментарий подхватывается множеством зрителей.

Таким образом, дискурсивная личность пользователя *Twitch* формируется в условиях высокой интерактивности и эмоциональной вовлеченности. Ключевыми характеристиками являются краткость и экспрессивность сообщений, активное использование игрового сленга, мемов и эмодзи, а также групповая синхронизация комментариев. Все эти особенности делают *Twitch*-чат уникальным пространством для коммуникации, отличающимся от традиционных форм общения в интернете.

ЛИТЕРАТУРА

- Балко М. В. Политик как синкретическая языковая личность (на примере переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским) // *Культура в фокусе научных парадигм*. 2023. № 17. С. 181.
- Горячева Е. Д. Языковая личность автора в метатекстовой перспективе автобиографического дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16, № 10. С. 3131.
- Гусельцева М. С. Культурно-психологический анализ в психологии и смежных науках // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* 2009. № 2 (4). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2009n2-4/28-guseltseva4.html>.
- Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnoe-proyavlenie-lichnosti> (дата обращения: 10.03.2025).
- Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 2004.
- Кушнина Л. В. Языковая личность переводчика в свете современных научных парадигм // *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2016. № 4. С. 75.
- Павленко А. И. Особенности языковой личности переводчика поэтического текста (на материале переводов поэмы Дж. Г. Байрона "Darkness"): Дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2023. 292 с.
- Синельникова Л. Н. Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация // *Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания»*. №1 (21). Февраль 2013. URL: www.grani.vspu.ru.
- Синельникова Л. Н. О научной легитимности понятия «Дискурсивная личность» // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2011. №2–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nauchnoy-legitimnosti-ponyatiya-diskursivnaya-lichnost> (дата обращения: 11.03.2025).

Синельникова Л. Н. Языковая личность vs. дискурсивная личность: отношения дополненности или новая категоризация / Л. Н. Синельникова // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. А. Г. Пастухов. Том Выпуск 9. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2011. С. 37.

Стернин И. А. Экспериментальное изучение категории русский коммуникативный идеал / И. А. Стернин // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 53.

Markelov, A. S.; Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

**LINGUISTIC AND STYLISTIC ANALYSIS
OF THE DISCURSIVE PERSONALITY OF A TWITCH USER
(BASED ON THE COMMENTS OF THE SERVICE)**

The article examines the features of a discursive personality in online chat communication on the Twitch streaming service. The most frequent lexical units selected from user comments are used as the research material. According to the results of the study, the discursive personality of a Twitch user has such characteristics as spontaneity and reactivity, violent emotional reactions, the use of memes and emoticons, collective identity and imitation, and the use of gaming slang.

Discursive personality, gamer, discourse, Internet user, emoji, reaction, slang

УДК 811.581.11

Л. Р. Мирзиева

Казанский федеральный университет

ORCID 0201-99-38-71

ch_leisang@mail.ru

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОМПЛИМЕНТА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА “以爱为营” «ТОЛЬКО РАДИ ЛЮБВИ»)**

В докладе делается попытка рассмотреть лингвопрагматический и функциональный аспект категории комплимент через призму современного китайского языка. Основой языкового материала послужили примеры комплиментарного поведения из сериального дискурса. Были тщательно рассмотрены и проанализированы ситуации вежливого повседневного общения, в частности вербального выражения комплимента, благодаря чему нам удалось сделать ценные выводы, среди которых конвенциональный и ритуальный характер коммуникации, фатическая установка на доброжелательные отношения, использование различных стилистических и языковых приемов, таких как митигация, гиперболизация, сравнение, устойчивые выражения.

Китайский язык, вежливость, комплимент, коммуникативная тактика, фатика, митигация

На пути к установлению дружественных и долгосрочных отношений комплимент – неотъемлемый элемент повседневной коммуникации. Всем известная русская пословица «Ласковое слово и кошке приятно» представляет собой яркое этому подтверждение, как минимум в аспекте русской лингвокультуры. Благодаря комплименту мы можем укрепить самооценку, положительным образом повлиять на имидж адресата, вызвать в нем взаимную симпатию и заручиться его расположением. При этом как объект исследования интегрируется в различные научные дисциплины. Например психологию, лингвистику, социологию и др.

В словаре «Культура речевого общения» термин «комплимент» обозначается как «положительное коммуникативное явление, тонкая и приятная похвала». В энциклопедии PR и рекламы это явление характеризуется как положительный знак внимания [Словари, энциклопедии и справочники он-лайн]. Так, согласно Формановской комплимент как правило служит для улучшения тона диалога, поднятия настроения у адресанта и зарождения взаимной симпатии [Формановская, 1998]. Из этого складывается, что в межличностной

коммуникации комплимент есть ни что иное как инструмент установления и поддержания доброжелательных взаимоотношений между участниками общения, эта категория составляет основу вежливого взаимодействия.

В рамках межличностного взаимодействия умение делать комплимент требует соблюдения целого ряда языковых и экстралингвистических нюансов, оно сродни искусству. Чтобы достичь соответствующих коммуникативных успехов необходимо учесть большое количество факторов: контекст (официальное или неформальное общение), пол, возраст, социальный статус адресата, социальная дистанция, мотивация собеседников, вплоть до понимания общекультурной и индивидуальной системы ценностей и особенностях психотипа собеседника. Иными словами, чем лучше вербально и невербально выражен комплимент, тем лучше коммуникативный эффект и тем ближе мы к реализации цели общения. Так, умалчивание или неискренность сочтут за грубость, а чрезмерное восхваление сочтут за лесть и манипуляцию.

Становится очевидным, что комплимент – комплексное понятие и в зависимости от коммуникативной ситуации и контекста его функциональность также может варьироваться. Некоторые исследователи определяют его как речевую тактику [Жань Жень, 2022], а другие как отдельный жанр этикетного общения [Седов, 2007]. Согласно мнению отечественного психолингвиста К. Ф. Седова комплимент относится к типу ежедневных бытовых жанров высокого уровня, как тост или пожелания. Интересно как на этот вопрос смотрят китайские исследователи, которые внесли значительный вклад в исследование комплиментарности в речи. Многие из них солидарны в том, что в ситуации выражения комплимента коммуниканты используют элементы высокого стиля, что явно прослеживается и в китайском языке, при этом по большей части рассматривают эту категорию как коммуникативную тактику. Мы разделяем данную точку зрения, полагая что комплимент как часть вежливой коммуникации выходит за пределы какого-то конкретного жанра, представляя собой важный элемент реализации стратегии говорящего.

По способу репрезентации комплимент подразделяют на прямой, косвенный и скрытый [Вострикова, 2010], при этом отметим, что мы склонны объединять последние две разновидности в одну, так как на наш взгляд оба типа есть суть одно и то же, в обоих случаях соблюдается принцип косвенности и завуалированности выражаемого смысла. Относительно изучения дискурсивных пространств, в рамках которых функционирует комплимент, то оно охватывает широкий спектр: от межличностного до онлайн и развлекательного дискурса.

Важно отметить, что одна из основных направленностей научных изысканий – исследование природы комплимента через призму традиционного и современного контекста китайской культуры, помогающие понять на какие характеристики собеседника (учеба, карьера, внешний вид, личные качества и др.) уместно делать акцент, а какие темы следует избегать [Чжан Шипэн, 2022]. Существенный вклад в анализ комплиментарности в дискурсе китайского языка внесли работы Люй Цзин и Ху Чжицзиня, благодаря которым складывается четкое и структурное понимание не только об особенностях содержания комплимента, но и его формы, что способствует избежать коммуникативной неудачи и гарантирует успешное взаимодействие [2001].

Особого внимания заслуживают исследования, которые посвящены не только специфике выражения комплимента, но и особенностям восприятия, того, какая у адресанта вербальная реакция. Относительно формы принятия в китайском языке важно обратить внимание на то, что наиболее привычная форма реакции – вежливый отказ. Скептицизм и преуменьшение своих достоинств, связано, продиктовано нормами скромности и щедрости, в частности постулатом самоочернения [顾曰国, 1992].

Обобщение научных данных указывает на необходимость изучения вопроса с позиции межкультурной и вежливой коммуникации, так как эти знания в теоретическом и практическом аспекте способствуют успешной коммуникации. В связи с этим практическую часть нашего исследования мы постарались сосредоточить на выявлении лексико-грамматических, прагматических и других лингво-культурных особенностей комплиментарных формулировок диалоговой речи китайского языка. Языковым материалом послужили отрывки из сериала “以爱为营” («Только ради любви», 2023). Далее приведем лингвистический разбор некоторых на наш взгляд наиболее наглядных примеров:

时晏: 我之前读过你那一篇金融约束对上市公司投融资行为影响的研究, 和国内很多声音不一样。

喻游: 那篇是去年的思考, 写的有点长了。今年的想法又有些不一样了。

时晏: 拥抱变化是对的, 关济能请你回来我很开心。以后应该有很多机会可以向您请教。

喻游: 时总过誉了! 云创的前途无量, 我们互相学习。

“以爱为营”, 2023

Ши Янь: я читал вашу статью о влиянии финансовых ограничений на инвестиционное поведение листинговых компаний, она значительно выделяется на фоне других популярных мнений.

Юй Ю: та статья была написана в прошлом году и получилась довольно длинной. В этом у меня появились новые, свежие мысли.

Ши Янь: быть открытым новым идеям - правильно. Рад, что вы приняли offer Гуанцзи. Думаю, в будущем не раз доведется обратиться к вам за советом.

Юй Ю: генеральный директор Ши, вы меня переоцениваете! Перед компанией Юньчуан открыты бескрайние горизонты. Будем расти вместе!

«Только ради любви», 2023

Комментарий. В данном отрывке главный герой Ши Янь, столкнувшись на официальном мероприятии с известным в своих кругах аналитиком и консультантом Юй Ю начинает диалог с комплимента. Он восхищается профессионализмом и талантом собеседника, используя косвенные формы выражения. Сначала он положительно отзывается об исследовательских успехах молодого человека, хвалит его статью. Следом, также в не прямой форме дает понять, что в глазах Ши Яня Юй Ю – весьма ценный сотрудник, при этом используя тактику скромности или, как ее еще называют игру на повышение, вербализированной в этикетной формуле-клише «以后应该有很多机会可以向您请教» («думаю, в будущем не раз доведется обратиться к вам за советом»). Все это позволяет нам предположить, что в процессе общения тактика комплимента выполняет не только информативную, но и фатическую функцию: позволяет установить контакт с адресантом, создает дружескую атмосферу общения.

Особо стоит подчеркнуть, что на похвалу Юй Ю реагирует в соответствии с нормами китайской культуры: с одной стороны он ее отвергает, скептически оценивая свои достижения, а с другой равноценно обменивается с речевым партнером комплиментом, высоко отзываясь о потенциале компании, которой руководит Ши Янь. Рассмотрим еще примеры, которые подтверждают предположение о том, что через комплимент проявляется фатика коммуникации:

郑书意: 请问您是喻游喻教授吗?

喻游: 你认识我?

郑书意: 我正在看你那些研究文章, 金融科技。技术驱动的金融创新不只是作用在宏观经济上, 也可能会给我们每个人的生活带来深刻变革。我感觉这个领域很有亲近感, 因为与我们的生活息息相关。

喻游: 没错, 这也是我最初, 选择研究方向的初衷, 过去的时代, 资本和金融似乎都是高不可攀的字眼, 但是眼下研究它们的意义, 是观测它们能在多大程度上改造我们的生活。

郑书意: 如果有机会我真想回母校好好听几堂喻教授的课。

“以爱为营”, 2023

Чжэн Шуи: простите, вы случайно не Юй Ю, профессор Юй?

Юй Ю: мы знакомы?

Чжэн Шуи: я как раз читаю ваши статьи о финансовых технологиях. Особо мне откликается идея о том, что внедрение технологий в финансовые инновации приносит пользу не только на уровне макроэкономики, но также может принести ощутимые изменения в жизнь каждого из нас. Эта область мне очень близка, потому что непосредственно связана с нашими повседневными реалиями.

Юй Ю: все верно, это и подтолкнуло меня вначале к выбору этого направления. Раньше капитал и финансы, два этих понятия казались далекими и недоступными, однако сейчас ситуация изменилась: мы постигаем их смысл и исследуем каким образом они могут повлиять на нашу жизнь.

Чжэн Шуи: если бы выдался шанс, как бы я хотела вернуться в свою alma mater и послушать хотя бы несколько лекций профессора Юя.

«Только ради любви», 2023

Комментарий. Данный отрывок ярко демонстрирует насколько важно владеть искусством говорить комплименты. Этот навык у главной героини Чжэн Шуи отточен до профессионализма, что неудивительно, ведь по профессии она – журналист и по долгу службы должна уметь в краткий срок налаживать контакт с людьми, суметь расположить их себе. Именно комплимент позволяет ей завести разговор с Юй Юем. Девушка не просто восторгается его способностями и достижениями, она обсуждает с ним конкретные тезисы из его статей, показывает свою осведомленность биографией оппонента. Все эти коммуникативные приемы позволили Чжэн Шуи наладить общение с Юй Ю с перспективой дальнейшего, плодотворного взаимодействия. Рассмотрим еще пример, который позволяет журналистке с прагматической точки зрения заручиться полезными контактами:

郑书意: 关先生您好, 我是财经界的记者郑书意。

关向成: 你认识我?

郑书意: 我虽然大学学的是新闻专业, 但辅修的是金融学。金融学的第一堂课老师就提起过你, 而且我每天都跟您一起上班。我们杂志社的墙上就是您和时文关先生共同拍摄的封面, 所以说您的名字贯穿了我整个大学时代, 您的身影陪伴着我工作的每个日日夜夜。虽然如今你甚少出现在公众面前, 但是山高水远, 您的威望依旧如泰山屹立。

关向成: 你刚在说你叫什么, 郑书意, 对吗?

郑书意: 是的, 郑书意。

关向成: 我对你有点印象, 我看过你几篇文章, 写得不错, 有深度, 也有态度, 知识没想到本人还是这么年轻的小姑娘!

郑书意: 您过奖了!

“以爱为营”, 2023

Чжэн Шуи: господин Гуань, здравствуйте. Меня зовут Чжэн Шуи, я корреспондент издания «Новости о финансах».

Гуань Сянчэн: Вы меня знаете?

Чжэн Шуи: пусть в университете моей основной специальностью была журналистика, дополнительно я также изучала экономику. На первой лекции по финансовому делу я узнала о вас от преподавателя, более того каждый день работаю «бок о бок» с вами. У нас в издательстве висит ваша общая с господином Ши Вэньгуанем фотография. Поэтому, можно сказать, что во времена моего студенчества ваше имя всегда было на слуху, а сейчас на работе денно и ночью рядом со мной ваш силуэт. Несмотря на редкие выходы в свет, время и расстояние не властны над вашей безупречной репутацией и авторитетом, они нерушимы как гора Тайшань.

Гуань Сянчэн: как вы представились? Чжэн Шуи, верно?

Чжэн Шуи: верно, Чжэн Шуи.

Гуань Сянчэн: теперь припоминаю, я читал ваши статьи. Они неплохие, не банальные и читается в них ваша позиция. Но я никак не мог, предположить, что Чжэн Шуи – столь молодая барышня.

Чжэн Шуи: вы меня слишком меня хвалите!

«Только ради любви», 2023

Комментарий. В данном эпизоде Чжэн Шуи буквально воплотила мечту, живую заговорила со своим кумиром, живой легендой. Она делится трепетными воспоминаниями, рассказывая насколько фигура Сянчэня значима в ее жизни. Здесь она также показывает свою осведомленность фактической информацией. С помощью гиперболы и иностилевой лексики - устойчивых выражений из книжного стиля, стремится максимально продемонстрировать свое восхищение и обратиться к чувствам адресанта

В ответ на трогательную и пламенную речь девушки, Гуань Сянчэн проявляет к ней симпатию, выражает доброе расположение к Чжэн Шуи и как в других примерах не остается перед собеседницей в долгу, одаривая ее комплиментами. Не напрямую, а косвенно он говорит о том, что восхищается тем, что несмотря на молодой возраст, Чжэн Шуи достигла значительных высот в карьере. Этот наталкивает нас на мысль о ритуальном характере и обусловленности комплиментарного поведения в дискурсе китайского языка. Паттерны

коммуникативного поведения определены, и участники общения действует согласно своей социальной роли.

Наконец рассмотрим пример использования комплимента в качестве средства коммуникативного смягчения или митигации, направленного на нивелирование дискомфорта и недопонимания в сторону и установления доброжелательных отношений:

毕若珊的爸爸：也就是说，你是小月的老师吗？

喻游：不完全是…小月她，只是经常来听我的课。

毕若珊的爸爸：经常？！你可以啊！能够让我们家小月自愿听课，你可以啊！

“以爱为营”，2023

Папа Сяо Юэ: так вы учитель Сяо Юэ?

Юй Ю: не совсем... Сяо Юй, она часто приходит на мои лекции слушателем.

Папа Сяо Юэ: часто?! А вы не промах! Если вам удалось заманить нашу Сяо Юэ на свои пары, то вы очень даже ничего!

«Только ради любви», 2023

Комментарий. В данном отрывке папа Сяо Юэ комплиментом старается приободрить, поддержать лицо поначалу сильно растерявшегося и смутившегося Юй Юя. Адресат также, как и в предыдущих примерах в косвенной форме великодушно демонстрирует одобрения и расположение в отношении адресанта. Завуалированно он дает понять, что замотивировать его дочь учиться и регулярно посещать занятия – поступок, заслуживающий восхищения.

Основываясь на анализе, представленном выше, мы пришли к выводу, что комплимент как речевая тактика, представляет собой многоаспектное и многофункциональное явление. Благодаря нему адресат устанавливает доброжелательные отношения с адресантом, заручается его расположением и поддержкой, что в перспективе может стать хорошим фундаментом эффективных и прочных взаимовыгодных отношений. В этом проявляется фатическая, контактоустанавливающая функция комплимента. Помимо этого, следует отметить, что репрезентация комплимента в китайском языке регламентирована определенными речевыми формулами на уровне лексики, грамматики, а также правил кооперация. Например, выражая восхищение говорящий использует «игру на повышение», на передний план выставляя достижения и таланты собеседника, при этом умаяя свои собственные способности (максима скромности-самоочернения). Выполненная работа не претендует на исчерпывающее решение проблемы, при этом поставленные цели и задачи можно считать достигнутыми,

благодаря чему доклад может стать основой дальнейших исследований вежливости в китайском языке, а также разнообразия этикетных тактик и жанров.

ЛИТЕРАТУРА

- Вострикова Е. С. Комплимент как одна из форм фатического общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Вострикова Елена Станиславовна. – СПб., 2010. – 18 с.
- Жень Жэнь. Комплименты в русской лингвокультуре с позиции носителя китайского языка: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5 / Жэнь Жэнь. – М., 2022. – 145 с.
- Седов К. Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров / К.Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007.
- Словари, энциклопедии и справочники онлайн // <https://slovaronline.com/> (дата обращения 01.03.2025).
- Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения – М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1998. – 291 с.
- Чжан Шипэн. Комплимент в русской и китайской лингвокультурах / Чжан Шипэн. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 34 (429). — С. 167-170. — URL: <https://moluch.ru/archive/429/94551/> (дата обращения: 08.03.2025).
- 顾曰国. 礼貌、语用与文化[J]. 外语教学与研究, 1992, 28 (04): 10-17 页.
- 吕婧,胡志清,语言中的性别差异研究. 华中科技大学学报(社会科学版), 2001.
- 以爱为营 Только ради любви. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pU20qYdZjhU&list=PLruwa8OSP0arZoHMieSGL4ixSU5OYpcMJ> (дата обращения: 21.02.25).

Mirzieva, L. R.

*Kazan Federal University, Institute of International Relations and World History,
Department of Chinese Studies and Asia-Pacific Research*

LINGVOCULTURAL ASPECT OF THE REPRESENTATION OF COMPLIMENTS IN THE CHINESE LANGUAGE (BASED ON THE EXAMPLE OF THE SERIES “以爱为营” “ONLY FOR LOVE”)

This report attempts to examine the linguo-pragmatic and functional aspects of the category of compliments through the lens of modern Chinese language. The linguistic material is based on examples of complimentary behavior drawn from serial discourse. Situations of polite everyday communication have been carefully studied and analyzed, particularly focusing on the verbal expression of compliments. This has allowed us to draw valuable conclusions, including the conventional and ritual nature of communication, a phatic orientation towards friendly relations, and the use of various stylistic and linguistic techniques such as mitigation, hyperbole, comparison, set expressions, and etc.

Chinese language, politeness, compliment, communicative strategy, phatic, mitigation

УДК 811.11

М. С. Сигаева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009-0006-4520-6055

mssigaeva@etu.ru

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ШАБЛОНОВ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

В докладе рассматриваются наиболее продуктивные языковые шаблоны, используемые в интернет-мемах. Выявляются лингвистические приемы, используемые для привлечения внимания пользователей и способствующие быстрому распространению мемов. Исследуется эволюция и адаптация языковых конструкций в интернет-опосредованном дискурсе. Полученные результаты демонстрируют, что интернет-мемы представляют собой динамичную форму цифровой коммуникации, в которой текстовые и визуальные элементы взаимодействуют, создавая новые смысловые конструкции.

Когнитивная лингвистика, интернет-мем, интернет-дискурс

В современном цифровом обществе интернет-мемы стали неотъемлемой частью коммуникации, отражая общественные настроения, культурные коды и лингвистические тенденции. Мемы все чаще появляются как реакция на событие или явления и распространяются практически мгновенно, придавая тому или иному событию эмоционально-оценочную окраску. Актуальность исследования ИМ обусловлена их значительной ролью в интернет-дискурсе. С лингвистической точки зрения мемы представляют собой уникальный феномен, в котором взаимодействие графических и визуальных компонентов является средством передачи иронии, интертекстуальных отсылок и метафоричности. Неотъемлемой характеристикой интернет-дискурса в целом и ИМ в частности является использование языковых шаблонов, игры слов, сокращений, намеренного искажения норм языка, что представляет собой перспективный предмет изучения. Быстрая изменчивость популярных шаблонов и появление новых паттернов является ключевой особенностью процесса трансформации языка в цифровую эпоху. Целью работы является анализ особенностей лексической и грамматической составляющей ИМ с целью выявления специфических языковых закономерностей и механизмов трансформации языковых норм. Методы исследования включают лингвистический анализ, контент-анализ.

В самом общем смысле под интернет-мемом понимают «короткие, получившие популярность, образцы сетевого фольклора» [Глазкова, 2020, с. 220]. В более узком смысле ИМ представляет собой креолизированный текст, который часто сопровождается графическим изображением и заключен в определенную форму. Е. А. Глазкова отмечает, что популярность ИМ определяется двумя основными способами: нестандартная вербальная или невербальная репрезентация ключевой идеи или реакция на актуальное событие, новости, высказывание [Глазкова, 2020, с. 221]. Е. В. Трощенко утверждает, что «поликодовый текст получает соответствующий статус мема только тогда, когда он начинает имитативно воспроизводиться и вирусно распространяться в информационном пространстве, подвергаясь разнообразным трансформациям формы и содержания так, что, в итоге, их циркуляция в медиа создает разделяемый лингвокультурным сообществом культурный опыт» [Трощенко, 2022, с. 75–76]. Основными функциями мема в компьютерно-опосредованном дискурсе являются коммуникативная, развлекательная и эмоциональная. Многие мемы основаны на вымысле, который прослеживается либо в визуальном компоненте (использование видоизмененного изображения), либо в вербальном компоненте (использование сопроводительной надписи с алогизмом, абсурдом, намеренным аграмматизмом и т. д.). Часто встречаются интернет-мемы с моделированием несуществующей, невозможной ситуации (например, интернет-мем о говорящих животных). Реплицируемость и вирусность мема – особенно значимые черты для передачи актуальной информации [Сабурова].

Материалом исследования послужили более 100 ИМ, отобранные методом сплошной выборки на сайтах <http://www.knowyourmeme.com>, <http://www.9gag.com>. В ходе анализа лексической составляющей ИМ были определены следующие ретранслирующиеся языковые шаблоны.

1. No one: / Literally no one; Nobody: / Absolutely nobody.

No one:

Literally no one:

My cat at 3 AM: runs around like crazy;

Nobody:

Me: Talks to myself in the mirror for an hour [Know Your Meme].

Данный шаблон используется для репрезентации действий и событий, происходящих без очевидной причины. *Редупликация*, как языковой прием, направлена на усиление смысла и добавление эмоционального оттенка.

2. Not gonna lie... (NGL).

NGL, I didn't understand a word of that; NGL, this is sus; NGL, this guy is any teach guy at school; NGL, when someone says they're NGL – they are GL [Know Your Meme].

Аббревиатура *NGL* (*not gonna lie*) является популярным сленговым выражением, используемым перед честным (или не самым приятным) признанием. Редуцированные грамматические формы *gonna*, *wanna*, *gotta*, характерные для разговорной речи закономерно становятся частью интернет-дискурса в целом и ИМ в частности.

3. One does not simply.

One does not simply eat just one Pringle; One does not simply walk into Mordor; One does not simply do what they want for Christmas; One does not simply become data engineer; One does not simply walk into IKEA [Know Your Meme].

Один из самых частотных и универсальных шаблонов представляет собой *интертекстуальную отсылку* к прецедентной фразе из фильма Властелин колец и употребляется для иллюстрации широкого спектра жизненных ситуаций.

4. You had one job.

Данный шаблон является грамматически и синтаксически верным предложением и предлагает автору возможность описать любую ситуацию, в которой производитель конкретной задачи не смог выполнить ее должным образом. Данный тип ИМ всегда сопровождается графическим изображением, демонстрирующим неудовлетворительный или резонансный результат действия.

5. It be like that sometimes/It (really) do be like that sometimes.

Seeing a therapist: \$100/hour

Telling myself it be like that sometimes: free [Know Your Meme].

В данном ИМ используется популярная сленговая фраза, означающая *it is what it is/that's the way it is sometimes*. Намеренное искажение грамматической нормы в данном примере объясняется происхождением выражения: первоисточником фразы является афроамериканский разговорный английский (AAVE – African American Vernacular English) и отражает философское принятие неизбежности, дословно означая «такое случается/вот так вот». Примечательно, что данная фраза использовалась в африканском варианте языка долгое время и приобрела популярность в интернет-дискурсе благодаря ИМ. Выражение ситуативно используется в описании неприятных, но не катастрофических событий.

6. Said no one ever

Your Facebook status really made me change my political views, said no one ever; I love the sound of my alarm clock, said no one ever; I just love paying bills. Makes me feel so responsible, said no one ever [Know Your Meme].

Структура данного шаблона ИМ представляет собой некое нелепое утверждение, завершаемое фразой *said no one ever*. В данном примере используется инверсивный порядок слов, целью которого является создание эффекта категоричности: фраза завершает мысль и становится панчлайном ИМ. Цель выражения здесь показать, что мнение, которому оно противопоставляется, настолько нелепо, что его никто никогда не высказывал. Стоит отметить, что ряд продуктивных языковых шаблонов, используемых для создания ИМ, вышли за рамки интернет-коммуникации и стали использоваться в рекламных слоганах, повседневной жизни. Круизная компания Carnival Cruise Lines, метрополитен города Нью-Йорк, австралийская компания по производству чистящих продуктов использовали данный языковой паттерн в своих рекламных кампаниях. Оператор общественного транспорта города Чикаго запустил кампанию по популяризации общественного транспорта среди молодежи, слоганом которой стала фраза «*I love paying \$30 for parking! 'said no one ever'»* [The Guardian].

7. I can has cheeseburger?

Данный шаблон относится к группе ИМ из серии lolcats – группы ИМ, объединенных темой котов, характерное особенностью которой является очеловечивание животных. Намеренное грубое искажение грамматической нормы, напоминающее детскую речь, создает комический эффект, ассоциирующий животных с людьми.

8. Sus

U acting kinda sus; I don't know bro you seem kinda sus [Know Your Meme].

Слово *sus* является сокращенной формой от слова *suspicious* и впервые было использовано в онлайн игре Among us. Данная форма слова приобрела популярность в ИМ, репрезентирующих намеки на подозрительную ситуацию или человека. На сегодняшний день слово стало слэнгом и активно используется за пределами интернет-коммуникации.

Исследование материала продемонстрировало, что в ИМ активно используются различные лингвистические приемы с целью привлечения внимания и усиления воздействия на аудиторию. Наиболее продуктивные и реплицируемые языковые шаблоны используют интертекстуальные отсылки к известным произведениям кинематографа или компьютерным играм. Наравне с этим для ИМ характерно нарушение языковых норм на уровне лексики, грамматики или синтаксиса. Важно отметить, что фразы из мемов могут стать настолько вирусными, что могут стать частью разговорной речи и закрепиться в массовой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

- Трощенко Е.В. Мемы как средство деконструкции манипулятивных медиа приемов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022, № 2 С. 74–86. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-74-86.
- Глазкова Е. А. Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 12 ноября 2020 г./под ред. В. В. Барабаша. Москва: РУДН, 2020. С. 221–226.
- Сабурова Н. А., Ившина А. А. Лигвопрагматическая характеристика интернет-мемов в пространстве санкционного контента // Филологический аспект. 2023 №03 (95). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/ligvopragmaticheskaya-kharakteristika-internet-memov-v-prostranstve-sanktsionnogo-kontenta.html> (дата обращения: 30.03.2023).
- Know Your Meme: Internet Meme Database. URL: <https://knowyourmeme.com> (дата обращения: 20.03.2025).
- No one should ever say “said no one ever” URL: <https://www.theguardian.com/commentis-free/2015/may/14/no-one-should-ever-say-said-no-one-ever> (дата обращения: 20.03.2025).

Sigaeva, M. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

ANALYSIS OF LINGUISTIC PATTERNS IN INTERNET-MEMES

The paper considers the most productive linguistic patterns used in internet memes. It identifies linguistic techniques employed to capture users' attention and facilitate the viral spread of memes. The study explores the evolution and adaptation of linguistic constructions in internet-mediated discourse. The findings demonstrate that internet memes represent a dynamic form of digital communication, where textual and visual elements interact to create new semantic constructions.

Cognitive linguistics, Internet meme, Internet discourse

УДК 81'42

Е. С. Скребнев

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009-0006-8915-8796

esskrebnev@stud.etu.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ РАДИКАЛЬНОГО ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ ЭРИКА ЗЕММУРА

Доклад посвящен исследованию особенностей предвыборного дискурса французского политика Эрика Земмура в контексте общеевропейского правого поворота. На материале корпуса предвыборных выступлений первого квартала 2022 года проводится анализ дискурсивных стратегий с применением теории проксимизации П. Цапа. Выявлены ключевые маркеры дискурсивного пространства, исследуется их распределение между центром (IDS) и периферией (ODS). Анализируются пространственные, темпоральные и аксиологические аспекты дискурсивных стратегий политика.

Проксимизация, Франция, Эрик Земмур, политический дискурс, выборы президента Франции

В современном научном дискурсе исследование предвыборной риторики приобретает особую актуальность как ключевого компонента политической коммуникации. Полифункциональная природа предвыборного дискурса, интегрирующая лингвистические, социологические и политологические аспекты, обуславливает необходимость его комплексного изучения. Предвыборные выступления, включающие в себя программные установки и ценностные ориентиры кандидатов, представляют собой репрезентативный материал для анализа стратегий политической коммуникации и механизмов идеологического воздействия. В рамках политической лингвистики особую значимость приобретает исследование риторических приемов и коммуникативных стратегий, направленных на конструирование политической идентичности и мобилизацию электоральной поддержки.

Особый исследовательский интерес представляет анализ предвыборной риторики политических субъектов и партий правого спектра в контексте общеевропейского правого поворота, что подтверждается значительным усилением электоральной поддержки правых политических сил в странах Западной, Восточной и Центральной Европы [Ivaldi, 2023].

Политический ландшафт современной Франции демонстрирует репрезентативную динамику данного феномена, что особенно ярко проявилось в ходе президентских выборов 2022 года и парламентских выборов 2024 года. Электоральные результаты представителей правого политического спектра характеризуются беспрецедентным ростом: кандидат от партии «Национальное объединение» Марин. Ле Пен аккумулировала 23,5% голосов в первом туре и 41,46% во втором туре президентских выборов, в то время как Эрик Земмур, лидер партии «Реконкиста», получил 7,07% голосов, заняв четвертую позицию среди двенадцати кандидатов. На парламентских выборах «Национальное объединение» продемонстрировало существенный электоральный прогресс, получив 29,26% и 32,05% голосов в первом и втором турах соответственно, что обеспечило партии 125 мандатов в Национальном собрании.

Усиление правых политических сил во Франции обусловлено комплексом взаимообусловленных факторов, включая экономический кризис, рост стоимости жизни, общественное недовольство политическим курсом Э. Макрона, а также обострение проблем иммиграции и национальной безопасности [Ivaldi, 2024].

Среди правых политиков современной Франции Э. Земмур занимает особое место, предлагая более радикальную альтернативу по сравнению с умеренной риторикой «Национального объединения» под руководством М. Ле Пен.

В научной литературе отмечается, что политическая риторика Э. Земмура репрезентирует характерные черты радикально-правого популизма, структурно включающего три базовых идеологических компонента: популистский, нативистский и авторитарный [Ivaldi, 2021, p. 2]. Популистская составляющая дискурса Земмура манифестируется через антиэлитарную риторику, апелляцию к необходимости усиления исполнительной власти, артикуляцию концепции сильного лидерства и защиту национального суверенитета, в частности, посредством антимиграционной политики. При этом существенно, что его политическая программа не отрицает фундаментальных принципов демократического устройства [Лапина, 2023, с. 142].

Натвизим Э. Земмура выражается через требование тотальной ассимиляции мигрантов [Ivaldi, 2021, p. 6]. Теоретическим базисом данной позиции выступает концепция «великого замещения» Р. Камю, постулирующая целенаправленное стимулирование глобальными элитами масштабной миграции, ведущей к демографической и культурной трансформации европейского общества [Лапина, 2023, с. 134].

Дискурсивные практики Э. Земмура характеризуются конструированием дихотомической модели французского общества, противопоставляющей

«традиционную» Францию (белую, католическую) «новой» (мультикультурной, преимущественно мусульманской) [Лапина, 2023, с. 143]. Также в его риторике представлена территориальная и социальная сегментация Франции на сельские районы, урбанистические центры и иммигрантские пригороды. Электоральная база Земмура демонстрирует следующую социально-демографическую структуру: представители среднего класса (43%), высших социально-профессиональных категорий (20%), работники физического труда и государственного сектора (37%), с преобладанием возрастной когорты старше 65 лет (46%) [Лапина, 2023, с. 144].

Анализ предвыборного дискурса Э. Земмура представляет значительную научно-теоретическую ценность для понимания специфики современного правового популизма во французском политическом пространстве и его коммуникативных стратегий.

В качестве теоретико-методологического базиса исследования предвыборного дискурса использовалась теория проксимизации П. Цапа, предоставляющая инструментарий для анализа дискурсивных стратегий воздействия на реципиента.

Проксимизация концептуализируется как комплексная дискурсивная стратегия, направленная на когнитивную репрезентацию пространственно и темпорально дистанцированных феноменов (включая антагонистические идеологии и ценности) в качестве источников эскалирующей угрозы для членов дискурсивного центра. Конечная цель проксимизации заключается в легитимации превентивных мер противодействия внешним угрозам. Отметим, что в рамках теории легитимизация понимается как многоаспектный феномен и практика, направленная на достижение социальной консолидации и организации вокруг общей цели [Цап 2016, 2-3].

Методологический алгоритм исследования реализуется в три этапа:

1. демаркация дискурсивного пространства через идентификацию маркеров близости IDS (inside-the-deictic-center) и удаленности ODS (outside-the-deictic-center) от дейктического центра;
2. анализ лексико-грамматической реализации стратегий проксимизации в пространственном, темпоральном и аксиологическом измерениях;
3. интерпретация материала как практики легитимизации с фокусом на перлокутивный эффект, которого хочет достичь автор.

В качестве эмпирической базы исследования использовался корпус предвыборных выступлений Э. Земмура, реализованных в первом квартале 2022 года в различных регионах Франции. Текстовый материал был получен путем анализа официальных стенограмм выступлений, размещенных на

официальном веб-портале избирательной кампании политика [Официальный сайт политика. URL: <https://www.ericzemmour.fr/> (Дата обращения: 01.02.2025)].

Маркеры IDS можно объединить в следующие тематические группы:

- Франция и её жители: *la France* «Франция», *les français/es* «французы/француженки», *la République* «Республика», *notre pays* «наша страна», *la Patrie* «Родина».

- Сельская местность и её жители: *la ruralité (française)* «(французская) сельская местность», *la campagne (française)* «(французская) деревня», *le village* «деревня», *nos agriculteurs/paysans* «наши фермеры/крестьяне».

Для организации дискурсивного пространства политик также активно использовал личное местоимение первого лица множественного числа *nous* и притяжательные прилагательные аналогичного лица и числа *notre, nos* для того, чтобы приблизит себя к своему электорату с целью продемонстрировать, что они разделяют между собой элементы ODS и общие ценности, мысли и переживания. Также сближение политика со слушателем осуществляется за счет частого использования выражения *mes amis* «мои друзья».

В свою очередь маркеры ODS включают единицы, связанные со следующими группами:

- Действующее правительство Франции: *l'État* «государство», *Emmanuel Macron* «Эммануэль Макрон», *les élites (parisiennes/politiques)* «(парижские/политические) элиты».

- Европейский союз: *l'Union Européenne* «Европейский Союз», *les technocrates (européens)* «европейские технократы».

- Большие города и их пригороды: *Paris* «Париж», *les banlieues (parisiennes)* «(парижские) пригороды», *les métropoles* «метрополии».

- Мигранты: *les migrants* «мигранты», *les étrangers clandestins* «нелегальные иностранцы».

- Преступники (в контексте мигрантов в пригороде): *les racailles* «хулиганы», *les caïds* «преступные авторитеты».

- Иностранные государства, от которых может идти угроза: *les États-Unis* «Соединенные Штаты», *Washington* «Вашингтон», *la Chine* «Китай», *Pékin* «Пекин».

Среди маркеров негативных действий ODS по отношению к IDS можно выделить глаголы с семантикой разрушения/уничтожения: *détruire* «разрушить», *déconstruire* «уничтожить» (*Car en voulant détruire l'Histoire de France, c'est la France qu'ils veulent déconstruire.* «Потому что, желая уничтожить историю Франции, они хотят уничтожить саму Францию») и *faire disparaître*

«уничтожить» (...*c'est le peuple français qu'ils veulent faire disparaître* «они хотят уничтожить именно французский народ»), *éradiquer* «уничтожать» (...*c'est justement Bruxelles qui promeut l'invasion migratoire qui éradique progressivement notre magnifique civilisation européenne...* «...именно Брюссель способствует миграционному нашествию, которое постепенно уничтожает нашу великолепную европейскую цивилизацию»).

В темпоральном аспекте организации дискурса прослеживается конструирование трехкомпонентной хронологической модели:

1. Героическое прошлое Франции, репрезентируемое как фундаментальная национальная ценность и источник культурной идентичности. Конструируется за счет упоминание исторически важных событий и места с использованием прошедшего времени (...*dans l'Histoire, Calais a toujours été une frontière symbolique pour la France* «на протяжении всей истории Кале всегда был символической границей Франции»);

2. Кризисное настоящее, детерминированное деструктивной деятельностью политических элит. Выражается с помощью глагольных фраз в настоящем и будущем времени (*Calais est aujourd'hui le symbole d'un double échec : celui de l'Union européenne, et celui d'Emmanuel Macron*. «Сейчас Кале - символ двойного провала: Европейского союза и Эммануэля Макрона.»);

3. Благополучное будущее, связанное с потенциальным президентством политика (...*nous reprendrons le contrôle des frontières de la France !* «мы вернем контроль над границами Франции!»).

Данная темпоральная структуризация дискурса служит реализации стратегии темпоральной проксимизации, где настоящее позиционируется как критический момент, требующий немедленных политических действий для предотвращения утраты национальной идентичности и возвращения к идеализированному прошлому через конструирование оптимистического образа будущего.

Анализ аксиологического измерения дискурса демонстрирует четкую дихотомию ценностных систем, присвоенных представителям IDS и ODS. Для IDS свойственна следующая система доминантных ценностей и характеристик: *la puissance* «могущество», *la prospérité* «процветание», *la liberté* «свобода», *l'égalité* «равенство», *la souveraineté* «суверенитет», *la démocratie* «демократия». Еще автор рассматривает членов IDS как представителей истинной европейской цивилизации (*notre magnifique civilisation européenne* «наша замечательная европейская цивилизация»), которая находится под угрозой из-за действий и решения текущего правительства Франции и Европейского союза.

В противоположность этому, ODS приписывается альтернативная аксиологическая система, включающая ценности и явления, несущие негативное влияние

на IDS: *la technocratie* «технократия», *la bureaucratie* «бюрократия», *la fédéralisation* «федерализация», *l'immigration* «иммиграция», *l'élitisme* «элитизм».

Данная аксиологическая поляризация служит реализации стратегии легитимации политической программы через противопоставление «традиционных» национальных ценностей и «чуждых» глобалистских установок.

Анализ материала позволил подтвердить принадлежность дискурса Земмура к радикальному правому популизму через выявленные стратегий, относящихся к популизму (противопоставление народа и элит, антиэлитарная риторика, использование инклюзивных языковых форм для создания единства с электоратом), нативизму (противопоставление традиционной и новой Франции, негативная маркировка мигрантов), авторитаризму (репрезентация себя как лидера, способного разрешить текущие проблемы страны).

ЛИТЕРАТУРА

- Лапина Н. Ю. Эрик Земмур: человек, взорвавший политическое пространство // Актуальные проблемы Европы. 2023. вып. (№.) 4 (120). – С. 130–154.
- Ivaldi G. Far-right poised to score big at next European elections // The Conversation. URL: <https://theconversation.com/far-right-poised-to-score-big-at-next-european-elections-214702> (Дата обращения: 28.02.2025).
- Ivaldi G. Éric Zemmour ou le nouvel avatar de la droite radicale populiste pan-européenne // Note Le Baromètre de la confiance politique: Sciences Po CEVIPOF, vague 13, 2021, 8 p.
- Ivaldi G. A Tipping Point for Far-Right Populism in France. ECPS Report: 2024 European Parliament Elections under the Shadow of Rising Populism, European Center for Populism Studies (ECPS), 2024, pp. 165–177.
- Cap P. The language of fear: Communicating threat in public discourse. – Springer, 2016. 91 p.

Skrebnev, E. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

LINGUISTIC MARKERS OF RADICAL RIGHT-WING POPULISM IN ÉRIC ZEMMOUR'S PRE-ELECTION DISCOURSE

The report is dedicated to studying the characteristics of the pre-election discourse of French politician Éric Zemmour within the context of the pan-European rightward shift. Using a corpus of pre-election speeches from the first quarter of 2022, the analysis applies P. Cap's theory of proximization to examine discursive strategies. Key markers of the discursive space are identified, and their distribution between the center (IDS) and the periphery (ODS) is investigated. The spatial, temporal, and axiological aspects of the politician's discursive strategies are analyzed.

Proximization, France, Éric Zemmour, political discourse, french presidential election

УДК 811.111

А. Л. Соколова

Санкт-петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ" им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009-0009-0963-9939

alsokolova@etu.ru

К. В. Попова

Санкт-петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ" им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009-0009-6143-1529

popovakarina071@gmail.com

РЕЧЬ ВЫСШЕГО КЛАССА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ТЕЛЕСЕРИАЛЕ «КОРОНА» («THE CROWN»)

В статье анализируются особенности речи британской элиты на основе изучения материала телесериала «Корона» («The Crown»). Представлены характерные черты языка высшего класса Великобритании на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях, рассматривается роль языка как маркера социального статуса.

Великобритания, телесериал «Корона» («The Crown»), классовая система, лингвокультурологические особенности, индикация социального статуса, языковой код

Несмотря на глубокие социальные преобразования, наблюдаемые в последние десятилетия, классовое расслоение остается важным фактором, оказывающим существенное влияние на структуру британского общества, формируя устойчивые представления о социальном положении и роли индивидов в общественной системе. Различия в сфере деятельности, уровне образования, поведении, вкусах, языке используются в обществе в качестве ключевых индикаторов, указывающих на происхождение и доход человека. Главенствующим фактором в определении позиции человека в социуме является речь. Настоящее исследование акцентирует внимание на данной проблеме в парадигме культуры Великобритании.

Классовая система Великобритании складывалась на протяжении сотен лет. Она включает в себя три социальные группы: высший, средний и рабочий класс. Классовое расслоение – это часть культуры Великобритании, которая сохраняется благодаря уважению к традициям и институту монархии [Петрова, 2011, с. 204]. Британцы интересуются жизнью высшего класса

и стремятся подражать их привычкам, следовать моде и разделять их мировоззрение [Cannadine, 1994, с. 2].

Социальный акцент, присущий высшему классу Великобритании получил название «Received pronunciation» (RP), иное, простонародное наименование – «Posh English». Также популярны названия «Oxford English», «BBC English» и «the Queen's/King's English» [Hughes, 2012, с. 3]. Впервые черты языка английской аристократии выделил лингвист А. Росс в статье «Linguistic class indicators in present-day English» (1954), его работу продолжила Н. Митфорд в труде «The English aristocracy» (1955). Авторы ввели понятие для категоризации слов, выражений и различных особенностей языка, присущих высшему классу – «U», и тех, что свойственны среднему и рабочему классам – «non-U».

Язык элиты в Великобритании осуществляет функцию речевого «кода», позволяя его представителям отличать положение человека в социуме. Сдержанное выражение эмоций и чувств и предпочтение вербальной коммуникации определили роль языка как основного фактора и индикатора классовой принадлежности. Эта черта речи высшего класса находит отражение в художественной культуре. В данной работе в качестве источника материала использован британский телесериал «Корона» («The Crown») (2016–2023).

Данный историко-драматический телесериал посвящен правлению королевы Великобритании Елизаветы II (1926–2022). В нем освещена жизнь королевской семьи, которая представлена на фоне мировых исторических событий периода второй половины XX в. Основой исследования выбран первый сезон сериала, показанный в 2016 г., который охватывает события от свадьбы будущей королевы Елизаветы в 1947 г. до отставки У. Черчилля с поста премьер-министра Великобритании в 1955 г.

Далее рассмотрим особенности RP на основных уровнях языка: фонетическом, грамматическом и лексическом. В первую очередь, стоит описать фонетические характеристики. Речь британского высшего класса имеет уникальные особенности произношения согласных и гласных. Например, неполное произношение, удлинение гласных или изменение их звучания, а также четкое произношение шумных сонантов [Ross, 1954, с. 38–39]. Заметны яркие отличия от других акцентов в сфере согласных, к примеру [t] вместо [ʔ] [Wells, 1982, с. 282].

1) Ярко выражено сокращение гласных. Представители элиты их не произносят как в официальной, умеренной по темпу речи, так и в разговорной и быстрой [Fox, 2004, с. 74]. В первой серии первого сезона в сцене, открывающей телесериал, Король Георг VI обращается к будущему мужу дочери «*Phillip Mountbatten...*», произнося «*Phlp Mntbttn*». Сокращается в некоторых случаях и имя королевы: «*My name is Elizabeth*». «*Elizabeth*» звучит как «*Lzbeth*».

2) В некоторых словах допускается неполное произношение, как, например, в *just* – [dzɛst], вместо обычного [dʒɛst]: «*Are you still on track for the record? – I am. Just...*».

3) Другие звуки удлиняются и растягиваются, в частности это заметно в выражениях с обилием огубленных гласных: «*That look between the two of you*» – [ðæt lʊk bi'twi:n di: tu: ɔ:f ju:].

4) Занимает важное положение фонема [a:] – долгий звук, который можно заметить, в таких словах как «*can*» – [ka:n], «*half*» – [ha:f], «*stands*» – [sta:nds]: «*Then you must go and see the one person who can*», «*Nine and a half*», «*I have, and my decision stands*». Помимо этого, в конце некоторых слов, таких как «*fire*» и «*entire*» на долгий [a:] заменяется привычное [aiə], как во фразовом глаголе «*fire away*» – [faɪə ə'weɪ].

5) Звук «лягушка» [æ], элитой произносится как [ɛæ]. Такая фонема может быть обнаружена в словах с гласными «е» и «а» – «*men*» – [mɛæn], «*bed*» – [bɛæd], «*land*» – [lɛænd], «*chats*» – [tʃɛæts] во фразах «*The grey, old men?*», «*She's simply trying to keep peace in her own bed chamber*», «*When? – When we land*». Наиболее заметна эта особенность в том, как королева говорит «*Thank you*» – [θɛæŋk ju:]. Отчетливо слышна замена звука и в произношении Елизаветой слов *man* – [mɛæn], *hat* – [hɛæt].

6) Дифтонги в конце слов звучат открыто, к примеру, в слове «*nowhere*» – [nəʊwɛə]: «*Well, nowhere, he is learning to fly*».

7) Фонема [ɪ] заменяет редуцированный гласный [ə], как в «*me*» – [mi] и «*private*» – [ˈpraɪvɪt]. Примеры фраз из сериала: «*Well, ignore me, then*», «*As a private individual*», «*If you'll allow me*».

8) Характерно для речи членов королевской семьи и элиты употребление длинного звука [ɔ:], вместо короткого [ɒ], например в словах «*soreness*» – [sɔ:nəs], «*do*» – [dɔ:], «*offer*» – [ɔ:fə]. Георг VI в первой серии сериала произносит следующее: «*You told me that, after the operation, I might expect some soreness*». Этот же звук заметен в речи У. Черчилля: «*...may hope to do*». Принцесса Маргарет также использует эту фонему: «*Well he did offer*». То же самое заметно в словах «*off*» – [ɔ:f], «*gone*» – [gɔ:n], «*often*» – [ˈɔ:fn].

9) Четкое, трещащее произношение [r] – ещё одна отличительная черта речи высшего класса, заметная и в артикуляции актеров, в особенности в словах с двумя [r]. Елизавета II произносит: «*You flatterer*» – [ju: 'flætərər], согласный [r] также заметен в следующей фразе: «*Well, you know – Marry?*», «*marry*» – [ˈmæri].

10) Также в некоторых случаях в речи британской элиты не слышно согласной [l], как в слове «*always*» – [ˈɔːweɪz]. Елизавета II в одной из серий произносит следующее: «*I suppose one can always open the windows*».

11) Помимо этого, глаголы с окончанием –ing произносятся со звуком [ɪn], но не [ɪŋ], как во фразе: «*The subtle rhythms of dancing and singing*», dancing – [ˈdɑːnsɪn], singing – [ˈsɪŋɪn].

12) В отличие от других акцентов, в речи высшего класса согласная [t] произносится отчетливо и не заменяется [ʔ]: «*But I'm tired of talking about it*» – [bʌt aɪm ˈtaɪərd ɔːf tɔːkɪŋ əˈbaʊt ɪt].

Всего в первом сезоне сериала обнаружено около 1300 случаев искаженного произношения гласных, в каждой серии в среднем встречается примерно 115 случаев. Согласных звуков с иным звучанием выделяется в среднем 50 в эпизодах, в сериале всего 280. Наиболее часто встречаются долгие звуки [a:] – 210 примеров, а также [ɔ:] – 180 раз на просмотренный материал.

Грамматические конструкции, которые использует высший класс в телесериале иллюстрирует тенденцию к замене личных местоимений на «*one*», нередко и употребление старомодных и формальных выражений.

В одной из сцен происходит диалог между королем и слугой: «*One doesn't want to overdo it. – One doesn't want to look ill, either*». Также показательной является реплика Клементины Черчилль в первом эпизоде: «*I know one shouldn't believe everything one hears*». В третьей серии Королева Мэри выражает свое горе о потере сына, после смерти короля от рака: «*One can only be thankful for all the years one had him*».

В седьмом эпизоде Елизавета II сожалеет о неполноценности своего образования и говорит следующее: «*... to think that one could, if not hold one's own, then at least not have to steer the conversation away to dogs and horses every time*». Данные примеры иллюстрируют избегание высшим классом личных местоимений, их сдержанность и нежелание показать собственную слабость. Чаще всего, как можно заметить из примеров, исключается употребление слов «*you*» и «*I*» в контексте выражения чувств, желаний и мнения.

В материале продемонстрировано эмфатическое использование глагола «*do*» для просьб и убеждения. Его можно услышать при приеме Елизаветой гостей: «*Do sit down*», а также при выражении сожалений: «*Well, I do hope it all calms down*». Этот глагол заменяет собой необходимость добавлять какие-либо слова и поддерживает лаконичность и краткость речи высшего класса, при этом сохраняя вежливый тон.

Часто и употребление модального глагола «*must*», контекстуально связанного в телесериале с темой ответственности и обязанностей королевы, так как

монархиня должна соблюдать традиции и определенные правила, сохраняющие статус и дающие народу некий образ, к которому следует стремиться: «*If one is the Queen, must be the source of honor and all that is good*».

Язык высшего класса подвергается и другим грамматическим изменениям. Модальное *shall* заменяет *should* в формальной речи Елизаветы II: «*I and my children shall be styled and known as the House and Family of Windsor*». Подобное происходит и в неформальном разговоре Елизаветы II и принцессы Маргарет в обсуждении возлюбленного принцессы, *may* используется в место *can*: «*And I'd like to bring Peter if I may*».

Важно отметить, что в речи в частности графа Эдинбургского, мужа королевы можно отметить разговорные и грубые выражения в неформальных разговорах: «*Bugger off*», «*the old slipperies so and so's*». Такие черты нетипичны для стандартов речи высшего класса, однако в телесериале иллюстрируют контраст личной жизни королевской семьи и их публичный облик.

На протяжении первого сезона сериала отмечено около 170 случаев употребления характерной грамматики. Чаще всего встречались конструкции с безличным местоимением «*one*» – 20 примеров на материал.

Использование в речи определенных лексем и фразеологизмов может служить указателем на принадлежность к определенному классу [Ивушкина, 2014, с. 249].

Высший класс склонен к сложным, преувеличенным выражениям, Эдвард VIII после отказа правительства пригласить его жену на коронацию Елизаветы II выразился следующим образом: «*The pusillanimity and vindictiveness knows no limits. Seventeen years have elapsed since the abdication*». «*Pusillanimity*» – малодушие и «*vindictiveness*» – мстительность. К этой лексике можно подобрать более простые синонимичные выражения: «*weakness*» и «*desire for revenge*», однако представители элиты предпочитают усложненные варианты. Данная фраза демонстрирует обширный словарный запас высшего класса и умение его представителей владеть языком даже в спонтанной речи использовать точные и сложные выражения.

Королевская семья также использует наречия и прилагательные для более красочного описания ситуации и выражения эмоций. Часто эти части речи выделяются интонацией в предложении: «*Not an outrageous expectation, one would've thought*», «*They put it all into the hands of a girl who's totally unequipped for it*», «*Utter nonsense*».

Речь членов королевской семьи и высшего класса в телесериале иллюстрирует особый лексикон данной страты. Словарный запас элиты позволяет этой страте создать особый тайный язык, понятный лишь ее представителям,

так как остальная часть общества для описания тех же явлений и предметов использует иные выражения [Fox, 2004, с. 75–81].

В первой серии королева мать через слугу просит Питера Таундсена прийти к ней: «*Drawing room! – Now? – Yes*». «*Drawing room*» – слово из лексикона высшего класса, которым называется небольшая комната для отдыха. В речи низших классов этот термин не используется, его заменяет «*lounge*» или «*living room*».

В восьмой серии принц Филипп во время тура по странам – бывшим британским колониям, находящимся во влиянии Великобритании, спрашивает: «*Will we find a moment during any of this to use the lavatory?*», что указывает на предпочтение высшим классом U слова «*lavatory*», а не non-U «*toilet*».

Отмечено и употребление U лексики «*dinner*», под которой высший класс подразумевает вечерний прием пищи, в отличие от остальных страт: «*What about dinner?*».

Члены высшего класса не используют в речи non-U слово «*pardon*», вместо него встречается «*excuse me*» или «*what*». Например: «*I'd want my husband at home at Christmas with his children. Excuse me*», «*He's here – What? – He apologizes for the lack of warning*».

Народ и классы ниже высшего в телесериале чаще всего называют «*public*» или «*people*». В первом сезоне, однако, не замечено высказываний о *working-class* и *middle-class*, поэтому невозможно судить об использовании эвфемизмов вместо данных названий страт. Для указания класса ниже высшего отмечается использование «*civil*»: «*Can't have people turning up for knighthoods and some civil servant handing them out*».

В речи королевской семьи, в частности Елизаветы II и её сестры Маргарет термины родства «*мама*», «*мать*» – «*mum*», «*mother*» и «*nana*», «*отец*» – «*dad*», «*father*» заменяются на неформальные «*mummy*» и «*papa*». Показательно то, что это происходит не только в детском возрасте, но и во взрослом, хотя в обществе для других классов такая уменьшительно-ласкательная лексика для членов семьи старше подросткового возраста по отношению к родственникам не типична. Так в первой серии обращается к родителям Маргарет: «*I was only thinking of papa*», «*Why, mummy?*». Чарльз, сын Елизаветы, называет Георга VI подобным образом: «*Grandpapa!*».

Статистика показала, что количество употребления особой лексики высшим классом насчитывает 55 раз за первый сезон сериала. Термины родства «*mummy*» и «*papa*» встречались чаще всего – 42 случая.

Речь высшего класса Великобритании выделяется фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями. Среди них особое произношение

согласных и гласных фонем, иной от других страт словарный запас, а также тенденции к использованию формальных, старомодных конструкций. Исследование материала показало, что данные характеристики соответствуют речи английской элиты и королевской семьи. Итоговая статистика проиллюстрировала высокую частотность проявления уникальных черт языка высшего класса. Подводя итог, важно отметить, что выявленные лингвистические особенности тесно связаны с культурными реалиями Великобритании, которые нашли отражение в языке. Структура классов, складывавшаяся на протяжении веков, повлияла не только на социальную иерархию страны, но и на речевую специфику.

ЛИТЕРАТУРА

- Ивушкина Т. А. Королевский английский и аристократический код общения в современной Великобритании // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3(36). С. 246–251.
- Петрова Е. С. «Элитарный английский» и его лексико-грамматическая специфика (лингвокультурогический аспект) // Вестник Ленинградского Государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. №. 1. С. 202–212.
- Cannadine D. *Aspects of Aristocracy*. London: Yale University Press, 1994. 321 p.
- Hughes A., Trugill P., Watt D. *English Accents & Dialects*. London: Routledge, 2012. 207 p.
- Fox K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior*. London: Hodder & Stoughton, 2004. 432 p.
- Hughes A., Trugill P., Watt D. *English Accents & Dialects*. London: Routledge, 2012. 207 p.
- Ross A. Linguistic class-indicators in present day English. *Modern Language Society of Helsinki*, 1954. 37 p.
- Wells J. C. *Accents of English. Volume 2*. Cambridge University Press, 1982. 216 p.

Sokolova, A. L.; Popova, K. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

BRITISH UPPER-CLASS SPEECH IN TELEVISION SERIES ‘THE CROWN’

The work deals with the special features of the speech of the British upper-class. Linguistic traits of the selected social group are analyzed on the basis of the examples taken from British television series “The Crown”. The speech of the upper class is examined within the framework of its phonetic, grammar and lexical aspects. The study focuses on the role of the language as a marker of social status in Britain.

United Kingdom, television series ‘The Crown’, class system, linguistic and cultural special features, markers of social status, language code

УДК 81'272

И. М. Теплыгина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009-0008-0613-8410

irina@wn-travel.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ ВСТУПИТЕЛЬНОГО СОБЕСЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

В условиях роста значимости науки и престижа высшего образования вступительное собеседование на английском языке выделяется как один из главных жанров академического дискурса, отличающийся уникальными структурными, семантическими и прагматическими особенностями. Исследование раскрывает его лингвокультурный сценарий, анализируя коммуникативные стратегии и этапы взаимодействия на основе скриптов и видеоинтервью объемом более 200 тыс. слов. Научная новизна заключается в комплексном подходе, учитывающем влияние цифровых технологий и динамику жанровой системы.

Дискурс, академический дискурс, жанр, вступительное собеседование, английский язык

Особое место среди инновационных образовательных форматов занимает вступительное собеседование на английском языке – устный диалогический жанр, представляющий собой разновидность интервью, который, несмотря на свою институциональную значимость, остается недостаточно изученным. В отличие от таких устных жанров, как лекция, характеризующаяся целенаправленностью, структурностью и интерактивностью [Хутиз, 2021], или научная статья, занимающая центральное место в академическом дискурсе [Стеблева, 2009, Сухомлинова, 2019], вступительное собеседование рассматривается фрагментарно, чаще в контексте анализа коммуникативных стратегий или ошибок иностранных абитуриентов [Askehave & Swales, 2001]. Между тем, этот жанр обладает уникальными структурными, семантическими, прагматическими и социокультурными особенностями, что делает его самостоятельным объектом исследования в рамках академического дискурса. Актуальность изучения обусловлена растущей потребностью в эффективной методике подготовки к вступительным собеседованиям, учитывающей жанровую специфику и направленную на развитие коммуникативных компетенций кандидатов. Цель исследования – выявить и описать особенности вступительного собеседования на английском языке как жанра академического дискурса, включая его лингвокультурный сценарий.

Материалы и методы

Методологическая база включает работы как отечественных, так и зарубежных ученых: В. И. Карасика [2002] (лингвокультурологическая концепция), Дж. Свейлза [1990] (жанровый анализ), Э. Гоффмана [1999] (теория фрейминга), И. П. Хутыз [2021] (фазы собеседования), К. А. Халлидея [2016] (идеационная функция языка). Автор использует общенаучные методы, включая индуктивный и дедуктивный подходы, анализ, синтез и описательный метод. Среди лингвистических методов выделяются дефиниционный анализ, лингвистический анализ дискурса и контекстуальный анализ. Системный подход к изучению дискурса кандидатов при поступлении в вузы основывается на комбинации этих методов, что позволяет глубже понять коммуникативные практики. Материалом исследования стали скрипты и видеointервью вступительных собеседований объемом 95 тыс. слов, что позволило выявить дескриптивные практики и жанровые особенности.

Результаты

Опираясь на анализ предоставленного текстового материала, предлагается следующая структура лингвокультурного скрипта собеседования, в которой выделяется шесть этапов, включающих две группы речевых действий: (1) метадискурсивную и (2) идеационную [Кочетова & Аль-Баяти, 2020]. Вторая группа, в терминах Халлидея, касается «идеационной» функции речи, отражающей характер отношений между участниками общения [Halliday, 2016, p. 49]. Синонимы для названия этой же функции: репрезентационная, когнитивная, семантическая [Halliday, 1970, с. 146]. Для обозначения этой группы речевых действий И. П. Хутыз вводит термин «неметадискурсивная» [Хутыз, 2021, с. 71]. Лингвокультурный скрипт коммуникативного поведения участников жанра вступительного собеседования, отражающий его структурную организацию и типы речевых действий, представлен в табл. 1.

Ситуативные компоненты – цель (оценка знаний и навыков), роли участников (асимметрия между интервьюером и кандидатом) и контекст (академическая среда Cambridge) – задают рамки дискурса и определяют выбор вопросов и ответов [Cambridge University, 2025]. Самопрезентация кандидатов проявляется через демонстрацию знаний и аргументацию, что подчеркивает их индивидуальные способности, а интеракционная составляющая, включающая речевой этикет, стратегии диалога и невербальные элементы, обеспечивает динамику общения. Наконец, этапы и речевые действия, от приветствия до завершения, отражают последовательность процесса, где каждый шаг направлен на достижение академических целей оценки.

Этапы	Цель	Речевые действия	Тип речевого действия
Иницирующий	Начало взаимодействия, установление контакта	Приветствия, представление участников, описание формата собеседования, создание комфортной атмосферы	Метадискурсивный
Ориентирующий	Определение структуры интервью, формирование ожиданий	Описание этапов собеседования, формулировки задач, указания на важные моменты, уточнения правил. Создание четких рамок для дальнейшего общения	Метадискурсивный
Тестирующий	Запрос и обмен информацией, направленный на проверку знаний, навыков и опыта кандидата, демонстрация кандидатом компетенций	Формулировка вопросов, ответов на вопросы, описание опыта, ответы на вопросы, представление опыта, аргументация своей позиции, использование примеров, решения задач, корректировки хода мышления. Важно не само изложение, сколько способность кандидата аргументировать, приводить примеры, решать задачи	Идеационный
Резюмирующий	Подведение итогов, обсуждение дальнейших шагов	Благодарности, краткое резюме, указание на сильные стороны, определение следующих шагов	Идеационный
Оценивающий	Оценка основных компетенций и способностей кандидата	Анализ ответов, оценка знаний, навыков и способностей	Идеационный
Завершающий	Завершение взаимодействия	Прощания, пожелания, советы, рекомендации	Метадискурсивный

Таблица 1. Лингвокультурный скрипт академического жанра вступительного собеседования.

Далее рассмотрим последовательность этапов вступительного собеседования, выстроенную в соответствии с лингвокультурным скриптом (табл. 1) и демонстрирующую, как диалоговые примеры подтверждают структурированность жанра и его функциональность в контексте поставленных целей и задач.

1. Иницирующий этап: «*Hello. Take a seat*» (Cambridge Univ., ex. 1):

P: Hello. Take a seat.

S: Hi. I'm Nick.

P: Nice to meet you. Hello there.

Очевидно, что усилия профессора направлены на установление контакта с кандидатом. С этой целью создается комфортная атмосфера для дальнейшего взаимодействия, что соответствует цели собеседования – оценке компетенций в непринужденной обстановке. Реплики интервьюера, такие как «*Hello. Take a seat*», и ответ «*Hi. I'm Nick*» представляют собой приветствия и самопрезентацию, а фраза «*Nice to meet you*» добавляет вежливости, усиливая позитивный тон начала. Согласно табл. 1, здесь реализуются речевые действия, такие как приветствия, представление участников и создание комфортной атмосферы, что помогает снизить напряжение и подготовить кандидата к основной части.

2. Ориентирующий этап: «*I want to give you a bit of an outline*» (ex. I):

P: Just as we start this interview, I want to give you a bit of an outline of what's going to come next. So, we're going to start off with a question from Nick, and then we're going to talk a little bit about some unseen material. At the end of the interview there'll be some time for you to ask any questions if you have any. You don't have to have any. If there's anything that we say that doesn't make sense or that you'd like us to repeat or rephrase, please, do just say. We'll be more than happy to do that. Okay?

S: Okay.

На этой ступени тьютор преследует цель сформировать у претендента четкие ожидания относительно процесса, что важно для структурированной оценки его компетенций, таких как логическое мышление и способность к аргументации. Реплика «*I want to give you a bit of an outline*» и последующее описание формата отражают речевые действия, указанные в табл. 1: «описание этапов собеседования, формулировка задач и уточнение правил». Закрытый вопрос «*Okay?*» и ответ «*Okay*» подтверждают взаимопонимание, а инструкция «*please, do just say*» подчеркивает гибкость и поддержку, что соответствует академическому контексту и роли интервьюера как фасилитатора. Этот диалог показывает, как ориентирующий этап задает рамки, обеспечивая кандидату ясность и уверенность перед тестированием.

3. Тестирующий этап: «*What role do bases play?*» (ex. IV):

P: Starting with something that hopefully we've already covered, in some degree you should know, what role do bases actually play in the hereditary nature of DNA?

S: So, triplet code... so, three bases together code for one amino acid. And then different combinations of those codons in DNA build up a chain of amino acids and code for proteins.

P: Okay, so why is it three? Why is a code made up of three bases? Why not just one base?

S: Because the three bases are needed, so you can have different combinations to code for different amino acids. There's only four bases, so if you only had a single

base, you would only be able to code for four amino acids. Whereas we have a triplet code which codes for twenty different amino acids.

Данный этап направлен на проверку фундаментальных знаний и аналитических способностей кандидата, что соответствует цели собеседования – оценить глубину предметных знаний и логическое мышление. Вопрос «*What role do bases actually play?*» инициирует запрос информации, а ответ «*three bases together code for one amino acid*» демонстрирует знание и способность к развернутому объяснению. Уточнение «*Why is it three?*» побуждает кандидата аргументировать («*Because the three bases are needed...*»), что соответствует речевым действиям «формулировка вопросов, ответов и аргументация позиции». Мы видим, как интервьюер тестирует гипотетическое мышление, а кандидат самопрезентуется через логическую цепочку, подчеркивая научный контекст и свою способность к анализу.

4. Резюмирующий этап: «*Okay, so you're saying...*» (ex. IV):

P: Okay, so why is it three? Why is a code made up of three bases? Why not just one base?

S: Because the three bases are needed, so you can have different combinations to code for different amino acids. There's only four bases, so if you only had a single base, you would only be able to code for four amino acids. Whereas we have a triplet code which codes for twenty different amino acids.

P: Okay, so you're saying that the three bases increase the number of possible combinations?

S: Yes, exactly.

Здесь интервьюер стремится подвести промежуточные итоги, чтобы убедиться в правильности понимания ответа кандидата, что важно для оценки его способности ясно выражать мысли, соответствующей общей цели собеседования. Реплика «*Okay, so you're saying...*» обобщает сказанное, выполняя речевое действие краткого резюме, как указано в табл. 1, а ответ «*Yes, exactly*» подтверждает точность интерпретации. Здесь интервьюер структурирует процесс, поддерживая диалогичность, а кандидат упрочивает свою самопрезентацию, соглашаясь с резюме, что подчеркивает его гибкость и понимание. Контекст генетики усиливает академичность беседы.

5. Оценивающий этап: «*Oliver answered very well*» (ex. IV):

P: Is it twenty? How many combinations can you have with three?

S: Three. I have to write something down.

P: Well, let's think about this. If you have one base, you can obviously code for, as you said, four different amino acids, right? So you can have A, T, G, C. If you now have two, what's the combination?

S: So, I've got... 12 what I have?

P: A bit more than 12.

S: I'd have 8... I want to... you're right... So I could have 16.

[Комментарий C]: Oliver gave a very positive interview. Actually, I think he answered the questions very well. What I particularly liked was that he didn't give up...

Этот этап отражает скрытую цель собеседования – оценить компетенции кандидата – логическое мышление и настойчивость. Диалог показывает, как интервьюер задает вопросы («*How many combinations?*»), а кандидат отвечает («*I could have 16*»), демонстрируя процесс мышления, который затем оценивается в комментарии («*Oliver answered very well*»). Согласно табл. 1, здесь происходит анализ ответов и оценка навыков, что подчеркивает роль интервьюера как наблюдателя и судьи. Кандидат самопрезентуется через упорство («*I have to write something down*»), а комментарий подтверждает успех, оставаясь внутренним этапом, не видимым кандидату, но ключевым для принятия решения.

6. Завершающий этап: «*Thank you very much*» (ex. V):

P: I wonder if I could ask you to speculate on what you think this map of total fertility rates will look like in 20 years' time.

S: I would say that possibly the fertility rates in the UK and France might decline a little bit.

P: Why might that be?

S: That might be to do with the changing role of women... it's quite difficult to say because there are so many factors...

P: Okay, certainly a complicated picture. Thank you very much.

На завершающем этапе интервьюер стремится завершить взаимодействие на позитивной ноте, что соответствует цели создания благоприятного впечатления и подведения итогов оценки компетенций. Реплика «*Thank you very much*» выражает благодарность, а «*Certainly a complicated picture*» подводит итог обсуждению, выполняя речевые действия прощания и пожелания, как указано в табл. 1. Вопрос «*Why might that be?*» тестирует кандидата, а ответ «*it's quite difficult to say*» демонстрирует аналитическую гибкость, после чего интервьюер завершает процесс, оставляя возможность для вопросов. Этот диалог подчеркивает институциональный контекст и вежливую форму завершения, усиливая академический тон жанра.

Выводы

Анализ собеседований позволил выявить ключевые закономерности. Тестирование проводится на основе проблемных вопросов, направленных на выявление глубины знаний и аналитических способностей. Процесс оценивания ориентирован не на правильность ответа, а на способность аргументировать

свою точку зрения и адаптироваться к контексту. Резюмирование интервью часто включает элементы обратной связи, формируя у кандидата понимание своих сильных сторон. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке к вступительным собеседованиям и совершенствовании методик оценки кандидатов.

ЛИТЕРАТУРА

- Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Кочетова Л. А., Аль-Баяти Я. Ш. С. Лингвокультурная специфика благодарности в арабском деловом общении на английском языке // *Дискурс*. 2020, № 6 (6). С. 126–136.
- Стеблецова А. О. Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. 206 с.
- Сухомлинова М. А. Трансформация жанра англоязычной академической лекции в условиях цифровой коммуникации // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019, № 6. С. 172–178.
- Хутыз И. П. Жанры дискурса академической среды: Традиционное и новое. М.: ВКН, 2021.
- Askehave I., Swales J. Genre identification and communicative purpose: A problem and a possible solution // *Applied Linguistics*. 2001, vol. 22, iss. 2. P. 195–212.
- Cambridge University. Extracts from 5 mock interviews. URL: <https://youtu.be/dUwN6GI-0EQ?si=Zqc6VVPjdqYuYVLh> (дата обращения: 10.02.2025).
- Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Doubleday, 1999. 259 p.
- Halliday M. A. *Language structure and language function* // J. Lyons (ed.), *New Horizons in Linguistics*. Harmondsworth: Penguin, 1970. P. 140–165.
- Halliday M. A. *Aspects of Language and Learning*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2016. 149 p.
- Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: University Press, 1990. 260 p.

Теплыгина, И. М.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

THE LINGUOCULTURAL SCRIPT OF THE ADMISSIONS INTERVIEW IN THE CONTEXT OF ACADEMIC COMMUNICATION

Amidst the growing importance of science and the prestige of higher education, the admissions interview in English stands out as a key genre of academic discourse, characterized by unique structural, semantic, and pragmatic features. This study explores its linguocultural script, analyzing communicative strategies and interactional stages based on scripts and video interviews totaling over 200,000 words. The study's novelty lies in its comprehensive approach, which considers the influence of digital technologies and the dynamics of the genre system.

Discourse, academic discourse, genre, admissions interview, English language

УДК 81.42

М. М. Тонкова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009-0003-2949-3603

marinatonkova@yahoo.com

ДЕКОДИРОВАНИЕ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ ПОДРОСТКОВОГО НАРРАТИВА

Рассматривается роль скрытых смыслов в тексте романа взросления, где подросток выступает в качестве ненадёжного рассказчика. Выявляются причины введения ненадёжного рассказчика в качестве протагониста в художественный текст. Исследуется связь между декодированием скрытых смыслов и сотворчеством читателя, зависящим от его жизненного опыта, эмоционального, интеллектуального и понятийного потенциала. Проанализированный материал подтверждает идею о возможности реконструкции имплицитной информации, скрытой от героя романа Сью Таунсенд «Тайный дневник Адриана Моула», благодаря эксплицитной информации и наличию у адресата комплекса фоновых знаний.

Скрытые смыслы, фоновые знания, декодирование, имплицитная информация, ненадёжный нарратор

Роман взросления относится к литературному жанру, в фокусе которого находится формирование личности подростка, его поведение в различных жизненных ситуациях и мотивация его поступков. Одним из подобных произведений является роман Сью Таунсенд «Тайный дневник Адриана Моула» (*The Secret Diary of Adrian Mole aged 13 ¾*), написанный в виде дневниковых записей английского подростка Адриана Моула. Но в отличие от классических романов взросления, где герои, сталкиваясь с миром взрослых, обретают жизненный опыт, мудрость и выходят из этих коллизий зрелыми людьми, Адриан Моул двигается по кругу, совершая одни и те же ошибки.

Адриан – не просто комический герой популярных романов об английском подростке конца XX века, а рассказчик и действующее лицо чрезвычайно многослойного произведения, где присутствует глубокий подтекст и скрытые смыслы. По определению А.А. Масленниковой, под скрытым смыслом понимается «всякий смысл, вербально не выраженный в тексте сообщения. Этот смысл воспринимается адресатом как подразумеваемый и интерпретируется им на основании языковой компетенции, знаний о мире и содержащихся в контексте показателей» [Масленникова, 1998, с. 6]. Как отмечает

О. В. Воронушкина, «скрытые смыслы находятся в постоянном взаимодействии не только с системой явных смыслов, но и, прежде всего, с внутренним миром человека и окружающей его действительностью» [Воронушкина, 2016, с. 9]. Декодирование скрытых смыслов включает в себя восприятие эксплицитной информации и наличие комплекса фоновых знаний адресата, существующих в виде разнообразных импликаций. Именно способность декодировать интенцию автора позволяет читателю понять дополнительную, но порой скрытую от героев произведения, информацию семантического и эмоционально-психологического характера.

В романе Сью Таунсенд «Тайный дневник Адриана Моула» читатель получает информацию от ненадежного нарратора (термин Уэйна Бута). Ряд исследователей разделяет ненадежных нарраторов и ненадежных фокализаторов – соответственно сознательно недостоверных и ошибающихся в силу ограниченной информированности, психических расстройств или иных причин [Смоленская, 2024]. Однако нам представляется более релевантной трактовка ненадежной наррации как «результата не только авторских интенций, но и стратегий восприятия, как исторически и культурно непостоянного феномена, при котором сама ненадежность оказывается результатом читательской реконструкции» [Жданова, 2009, с. 151]. Данная интерпретация включает подростка в ряд ненадежных рассказчиков. Декодирование новых смыслов имплицитного характера, выводимых из эксплицитной информации, фоновых знаний и умения логически мыслить, не всегда доступно подростку, поскольку он не обладает опытом взрослого, отбирает и трактует факты в соответствии со своим возрастом и знаниями. Используя в качестве нарратора подростка, автор произведения может преследовать различные цели: стимулирование творчества читателя, смещение фокуса при восприятии информации, создание комического эффекта. Комический эффект часто создается из-за несоответствия между получаемой информацией и ее трактовкой главным героем. Так читатель узнает о романе матери Адриана с соседом раньше, чем сам подросток, поскольку Адриан не видит связи между регулярными посещениями соседа: (1) “*Mr Lucas came in this morning to see if my mother needed any help in the house. He is very kind*” [Townsend, 1982, с. 16] и недовольством его отца: (2) “*Mr Lucas was upstairs talking to my mother. When Mr Lucas went, my father went upstairs and had an argument with my mother and made her cry*” [Townsend, 1982, с. 16]. И если для взрослого читателя информация о постоянном общении двух людей и о раздражении третьего по этому поводу является подсказкой для правильной интерпретации событий, то у Адриана эта информация вызывает лишь недоумение: (3) “*They had a row about the box, then my father went on about*

Mr Lucas. Though what Mr Lucas has to do with the dog's bed is a mystery to me” [Townsend, 1982, с. 16]. Даже информация о разводе родителей не сразу формирует причинно-следственные связи в сознании подростка, и лишь через некоторое время он начинает задумываться о природе отношений между его матерью и мистером Лукасом: (4) *“I am starting to get a bit suspicious about my mother's feelings towards Mr Lucas”* [Townsend, 1982, с. 51].

Несоответствие между самооценкой Адриана и отношением к нему окружающих также создает комический эффект. Адриан верит, преувеличивая степень родительской любви, что отец и мать не могут без него жить, поэтому считает, что явится яблоком раздора: (5) *“My mother and father are both speaking to solicitors. I expect they are fighting over who gets custody of me. I will be a tug-of-love child, and my picture will be in the newspapers”* [Townsend, 1982, с. 49]. Но информация о родителях Адриана, полученная читателем ранее, говорит о том, что для них обоих обременительно в настоящий момент заботиться о подростке со сложным характером и многочисленными претензиями. Из-за завышенной самооценки Адриан не всегда способен адекватно трактовать реплики или элементы невербальной коммуникации родителей. Когда в разговоре с директором школы отец Адриана выходит из себя, он перечисляет все свои проблемы, и среди них необходимость отвечать за поступки сына-подростка: (6) *“My wife's left me, I've been made redundant, I'm in charge of an idiot boy – Maxwell, I presume - and you're victimizing my son because of the colour of his socks!”* [Townsend, 1982, с. 85]. Адриан не принимает слова «an idiot boy» на свой счет, хотя читателю, применившему определенные логические правила считывания имплицитной информации, очевидно, что отец Адриана несёт ответственность за своего сына и о нем же столь нелюбезно отзывается. Смех отца в ответ на предложение позвонить матери и сказать, что самое страшное (плановая операция по удалению миндалин) позади, Адриан трактует как эмоциональную реакцию после пережитых волнений: (7) *“Dad, phone mum and tell her that I am over the worst’. My father was overcome with relief and emotion. His laughter was close to hysteria”* [Townsend, 1982, с. 141]. Но в данном случае истерический смех отца вызван несоответствием между его восприятием операции как рутинной и патетикой в словах сына. Выбор этого варианта связан с навыками компетентного читателя адекватно декодировать информацию благодаря способности критически оценивать подростковый нарратив.

Отсутствие у Адриана жизненного опыта проявляется в реакции на прочитанные книги и в безапелляционности суждений, свойственной подросткам, в трактовке поступков героев этих произведений. Например, в процессе чтения романа «Скотный двор» Оруэлла Адриан задумывается, не стать ли ему

ветеринаром, а сложные коллизии в романе мадам Бовари укладываются в его дневнике в одно предложение: (8) “*Madame Bovary ran away from that idiot Doctor Bovary because he couldn't supply her needs*” [Townsend, 1982, с. 65]. Потенциальный читатель, познакомившийся с этими произведениями в более зрелом возрасте, оценивает их иначе благодаря своим фоновым знаниям и понимает авторскую интенцию – показать наивного подростка, который не всегда в состоянии адекватно оценить получаемую информацию.

Иногда отсутствие жизненного опыта у Адриана приводит к тому, что его трактовка событий кардинально отличается от интерпретации этих же событий читателем. Так Адриан не понимает реальных намерений людей, представившихся членами религиозной организации и пытавшихся получить от подростка деньги на якобы благородные цели: (9) “*I will get the money somehow. Nothing is too expensive where peace is concerned*” [Townsend, 1982, с. 184]. Отсутствие у Адриана фоновых знаний, включающих информацию о подобных видах мошенничества, заставляет его поверить в чистоту их помыслов, в то время как читатель видит ситуацию иначе – «смыслы говорящего и адресата находятся в разных плоскостях» [Воронушкина, 2016, с. 86]. Благодаря накопленному личному опыту читателя не удивляет то, что удивляет героя романа. Адриан задается вопросом, почему его сорокалетний отец выглядит старше семидесятилетнего президента Рейгана: (10) “*My father has got no work or worries yet he looks dead haggard. Poor President Reagan has to carry the world's safety on his shoulders yet he is always smiling and looking cheerful*” [Townsend, 1982, с. 167]. С точки зрения подростка, жизнь его отца легка и беззаботна по сравнению с жизнью президента, ответственного за глобальную безопасность. В своих умозаключениях Адриан упускает важную информацию, которой владеет читатель – подросток видит президента, подготовленного имиджмейкерами для краткого общения с народом, Рейган – бывший актер и поэтому фотогеничен, его снимают с определенного ракурса, а жизнь безработного отца не столь спокойна и благополучна, как кажется сыну.

Адриан склонен преувеличивать свои неприятности и страдания, связанные с этими неприятностями. Это чрезмерное преувеличение создается в тексте при помощи гиперболы, сравнений, аллюзий и ощущается читателем как не соответствующее реальной ситуации, поскольку эмоциональное восприятие действительности подростком не совпадает с более рациональным восприятием взрослого читателя. Адриан, покрасив обои в черный цвет в своей комнате, пишет в дневнике: (11) “*Finished last bell at 11.25 PM. Know just how Rembrandt must have felt after painting the Sistine Chapel in Venice*” [Townsend, 1982, с. 82]. Кроме ошибочно выбранного прецедентного имени комический эффект

создается благодаря явному контрасту между трудом создателей Сикстинской капеллы и усилиями Адриана закрасить героев мультфильмов на обоях.

Как трагическое событие воспринимается Адрианом операция по удалению миндалин. Автор, вкладывая в уста Адриана реплики, где присутствуют многочисленные гиперболы, описывающие его страдания, дает возможность читателю увидеть мнительного и тревожного подростка и посочувствовать ему: (12) *“I am in a torrent of pain”* [Townsend, 1982, с. 139]; (13) *“I am unable to speak. Even groaning causes agony”* [Townsend, 1982, с. 140]. Мучительная боль, непереносимые страдания, близкие к агонии стоны – это фокус восприятия Адриана, но интерпретация читателя будет иной и необязательно однозначной. Скрытые смыслы для разных адресатов будут различны из-за различия в фоновых знаниях, в жизненном опыте и в личностных характеристиках. Внимание читателя может акцентироваться как на комическом эффекте, возникающем из-за противоречия между несложной операцией и описанием её явно преувеличенных последствий, так и на новых деталях, дополняющих образ подростка.

Таким образом, декодирование предполагает сотворчество читателя, и чем более ненадёжным представляется нарратор, тем активнее читатель участвует в процессе реконструкции скрытых смыслов. Способность к подобной реконструкции связана с его жизненным опытом, эмоциональным, интеллектуальным и понятийным потенциалом. Если все эти слагаемые, необходимые для интерпретации имплицитной информации у автора и читателя, совпадают, то мы имеем дело с успешной коммуникацией между ними. Но, как писал Дэвид Лодж, *«every decoding is another encoding»* [Lodge, 2011, с. 238], поэтому в процессе интерпретации замысла автора возможно не только декодирование скрытых смыслов, но и создание дополнительных.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронушкина О. В. Концептуальная база системного описания скрытых смыслов // Филология и человек. 2016, вып. (№) 1. С. 1-12 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-baza-sistemnogo-opisaniya-skrytyh-smyslov> (дата обращения: 22.02.2025).
- Жданова А. В. К истории возникновения литературного феномена ненадёжной наррации // А.В. Жданова. – Самара: Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2009, вып. (№) 2. С.151–164.
- Масленникова А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук / Санкт-Петербург, 1998. 35 с.
- Смоленская М. А. Ненадежная наррация и ненадежная фокализация в произведениях неклассической парадигмы художественности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2024, Т. 24, (№) 1. С. 78–86.

<https://cyberleninka.ru/article/n/nenadezhnaya-narratsiya-i-nenadezhnaya-fokalizatsiya-v-proizvedeniyah-neklassicheskoy-paradigmy-hudozhestvennosti> (дата обращения: 22.02.2025).

Lodge D. *The Campus Trilogy: Changing Places; Small World; Nice Work*. London: 2011. 832 с.

Townsend S. *The Secret Diary of Adrian Mole aged 13 ¾*. London: 1982. 187 с.

Tonkova, M. M.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

DECODING HIDDEN MEANINGS IN ADOLESCENT NARRATIVE

In this article we examine the role of hidden meanings in coming-of-age novels where a teenage protagonist is an ‘unreliable narrator’. We reveal the reasons for introducing an unreliable narrator as a protagonist into a literary text. We study a connection between decoding hidden meanings and the reader’s co-authorship based on their own concepts, life experiences, emotional and intellectual capabilities. Our analysis shows that some implicit information hidden from Adrian Mole of Sue Townsend’s novel ‘The Secret Diary of Adrian Mole aged 13 ¾’ can be decoded thanks to the reader’s own background knowledge and the explicit information available to them.

Hidden meanings, background knowledge, decoding, implicit information, unreliable narrator

УДК 811.111:811

О. Н. Чалова

*Минский государственный лингвистический университет,
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
oksana-chalova@mail.ru*

ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОЛНОГО И НЕПОЛНОГО ЗНАНИЯ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Статья посвящена выявлению и описанию специфики использования высказываний с модусом полного и неполного знания в такой разновидности общения, как устный научный диалог, обладающий свойствами как собственно научной коммуникации, так и обыденно-разговорной. Анализ особенностей функционирования рассматриваемого типа высказываний проводится с опорой на три основных критерия: семантический, прагматический и структурный, в результате чего формулируется вывод о чрезвычайном разнообразии и, соответственно, особом статусе высказываний с модусом полного и неполного знания в собственно диалогической научной речи.

Научный диалог, знание, полное знание, неполное знание, модус, диктум

Объектом настоящего исследования является научный диалог, понимаемый нами как вид общения, образующийся на пересечении двух типов дискурса – собственно научного и разговорного [1–3 и др.]. Двойственная природа научного диалога проявляется, в том числе, и на его эпистемическом уровне, который до сих пор остается практически не изученным в лингвистике.

По нашим данным, главной особенностью эпистемического пространства диалогической коммуникации в сфере науки является регулярная экспликация такой эпистемической категории, как знание, что обуславливает определенный интерес к особенностям его вербализации. В свете сказанного целью нашего исследования является установление семантико-прагматических и структурных свойств высказываний с эксплицитным модусом знания и их классификация. Актуальность подобного анализа определяется важностью изучения эпистемической специфики научного диалога в целом и научного дискурса в частности. В качестве материала исследования используются высказывания с соответствующим эпистемическим / ментальным модусом (порядка 300 единиц), представленные в стенограммах русскоязычных научных дискуссий общим объемом 120 тысяч словоупотреблений (как гуманитарной, так и естественнонаучной направленности). Основные методы исследования – семантико-прагматический и структурный анализ.

Наши наблюдения за функционированием высказываний с модусом знания в научном диалоге показывают, что их классификация может быть построена на разных основаниях.

1. Немалый интерес представляет классификация рассматриваемых высказываний с точки зрения типа эксплицируемого знания. В этой связи целесообразно выделять высказывания с модусом полного и неполного знания (предположения / полагания). В категорию **полного / категоричного знания** входят такие подкатегории, как а) собственно знание (*я знаю, что p ; известно, что p* , где p = «пропозиция»), б) понимание (*Понятно, что p и др.*), в) вера (*есть вера в то, что p и др.*) и г) уверенность (*Мы уверены, что p и под.*). К категории **неполного / некатегоричного знания** относятся следующие компоненты: а) собственно неполное / неуверенное знание или неполное понимание (*насколько мне известно, насколько я понимаю и под.*), б) мнение и сомнение / неуверенность (*я думаю, что p ; считаю, что p ; можно предположить, что p ; кажется, что p ; не уверен, что p и др.*). Модус полного знания отражает уверенность говорящего в оценке пропозиции (*Как историк науки я знаю, что надо проделать много ходов, чтобы понять, чем она была вызвана и так далее*). Модус неполного знания выражает не самую высокую степень уверенности говорящего в истинности сообщаемой информации (*То немногое, что я знаю, говорит о следующем*).

Рассмотрим прагматические характеристики эксплицирующих их высказываний подробнее.

При анализе сообщений с соответствующими модусами было установлено, что особое значение в пространстве научного диалога приобретает **модус неполного / некатегоричного знания**. Это проявляется в ряде тенденций. В числе основных тенденций следует назвать активизацию высказываний с данным модусом. Так, маркеры неполного знания содержатся в подавляющем большинстве ответных / реактивных реплик в научном диалоге (*И я не уверен, что смогу в двух словах дать определение, которое было бы уместным в каждом конкретном случае. Мне кажется, что механизм решения проблем можно предложить, тем более что есть опыт наших соседей*). Казалось бы, научный дискурс должен исключать неуверенность говорящего в истинности сообщаемой информации. Однако требования конструктивного и вежливого общения, направленного на регулярное подтверждение идеи об отсутствии монополии на истину в научной сфере (Е. В. Михайлова), вынуждают его участников осторожно и в смягченной форме излагать свои взгляды / идеи / мысли, что и обуславливает высокий удельный вес высказываний с модусом неполного знания. Таким образом, в научном диалоге ссылки на неполное

знание превращаются в весьма эффективный способ уклонения / отвода / блокировки «чужой» критики, а также прием деинтенсификации собственной критики в адрес собеседника, что весьма актуально в условиях диалога и спецификации адресата (реального, а не гипотетического), который в любой момент может взять коммуникативную инициативу и выступить с ответным словом.

Что касается *ссылок на полное / категоричное знание* (собственно знание, понимание и веру), то они имеют вариативную прагматику и могут использоваться для реализации разных целей и задач, но чаще всего в качестве:

- средства аргументации или усиления аргументации / доводов в пользу своего мнения: *Вы уверены, что на ее результаты можно опираться? – Я не смогу ответить, поскольку не смотрела на них с этой точки зрения. Насекомые – это вообще не очень моя область. Но я знаю, что у нее очень серьезный авторитет, в том числе европейский;*

- средства смягчения критики, которое в сочетании с последней образует случай так называемого частичного несогласия, в котором доминирующей является именно область несогласия, а не согласия, выраженного (согласия) ссылкой на понимание: *Я понимаю, но все-таки именно это основное, то что вы не затрагиваете, говорит об обратном;*

- апеллятивного средства или средства побуждения к выполнению определенного действия: *Если проблема обсуждается, то есть вера в то, что она будет решена.*

Активизация эпистемической зоны веры делает научный диалог уникальной разновидностью общения в системе жанров научного дискурса, существенно отличающейся от других видов научной коммуникации, где данная зона не представлена вовсе.

Еще более уникальный характер научному диалогу придает исключительно широкая представленность неполного знания, обуславливающая предельно высокий уровень путативности диалогических форм научной коммуникации, прямо пропорциональный удельному весу средств со значением неуверенности, используемых для оценки истинности пропозиции.

2. Кроме того, возможна дифференциация представленных в научном диалоге высказываний с модусом знания на сообщения с утверждающим модусом и отрицающим модусом. Высказывания *с утверждающим модусом* рассмотрены выше (ссылки на собственно знание, понимание, веру, неуверенное знание, мнение и сомнение). В то же время действия *с отрицающим модусом* включают ссылки на а) негативное знание (незнание): *Я не знаю, что p и под.;* б) негативное понимание (непонимание): *Я не понимаю, что p и под.;* в) неверие (*Я не верю, что p и под.*) и г) отрицающее мнение (*Я не думаю, что*

р и под.). Смена знака (с «плюса» на «минус») полностью модифицирует семантико-прагматические свойства высказываний. Так, ссылки на незнание способствуют реализации в научном диалоге разных тактик – от блокировки критики до уклонения от коммуникативной инициативы (**Я не знаю**, в состоянии ли наука с этим справиться или нет). Ссылки на непонимание способны обогащаться интеррогативной или негативно-оценочной иллюкуцией: в первом случае они легко трансформируются в вопрос, во втором – в критическое замечание (*Единственное, о чем я пытался говорить, – что развитие языка подчиняется эстетическим критериям, и никаких других критериев совершенно не понимаю в этом смысле*). Ссылки на неверие обычно функционируют в качестве способа выражения несогласия (*Вот так и укладывается, что я не верю ни одним, ни другим, ни третьим*). Что касается ссылок на отрицающее мнение (**Я не думаю**, что р = Я думаю, что не р), то они также приобретают негативно-оценочные свойства и функционируют в качестве смягченного приема выражения несогласия с определенным мнением / идеей / теорией (**Не думаю**, что здесь пользователи могут быть экспертами).

Таким образом, любой из рассмотренных способов отрицания пропозиции может выражать оценку (негативную) и одновременно служить средством ее смягчения.

3. Классификация высказываний с модусом знания, представленных в научном диалоге, может быть построена и с опорой на структурный критерий, который позволяет разграничивать:

– высказывания с *предикатными* и *непредикатными* (парентетическими) модусными рамками: предикатные модусы (**Я считаю**, что хоть какие-то следы исихазма в России появляются не раньше Нила Сорского, т. е. в конце XV – начале XVI века) выполняют сигнальную роль, заранее предупреждают адресата об эпистемическом отношении говорящего к содержанию пропозициональной части; непредикатные модусные вставки с их позиционной мобильностью служат весьма удобным средством акцентуации информации, переключения внимания с одного положения на другое (*К этому, я думаю, надо добавить вопрос и этики, которая является, на мой взгляд, центральным элементом смыслового осознания человеческой действительности*);

– высказывания с *авторизованным* и *неавторизованным* модусом: модусная часть может представлять собой безличную / неавторизованную конструкцию (**Известно**, что вопросы агрессии и примирения стоят не только у животных) или носить личностный / авторизованный характер (**Мне кажется**, что перспективным является такое определение: народ – это объединение родов); более того, личностные конструкции обычно маркируются

местоимением 1-го лица ед. числа, что составляет специфику научного диалога и отличает его от монологических научных жанров, где субъект полного или неполного знания эксплицируется, как правило, посредством местоимения «мы» как средства авторской самоидентификации;

– высказывания с *развернутым* и *свернутым* модусом: в первом случае модусная часть ориентирована не только на оценку истинности пропозиции, но и выполнение сигнально-акцентуирующих функций (**Я полагаю, что в условиях кризиса будут подниматься такие ценности, как справедливость, солидарность**); во втором (при слиянии с диктумом) – ограничивается эпистемически-оценочной ролью (*У этих лис сейчас выявлены еще не все гены, но некоторые гены, которые изменились в результате такого отбора, уже известны*).

Структурное разнообразие (как, собственно, и семантико-прагматическое) высказываний с модусом знания свидетельствует об исключительной важности и широкой представленности последних в составе изучаемого типа коммуникации.

Таким образом, наиболее релевантными для классификации высказываний с модусом знания в диалогической научной речи являются следующие параметры: семантика модусных включений (модус полного знания – указывающий на фактивность пропозиции, и модус неполного знания – указывающий на нефактивность / путативность описываемой ситуации), прагматическая направленность речевых действий (выражение аксиологической оценки, уклонение от критики, реализация интеррогативной иллокуции и др.) и структурные характеристики (высказывания с предикатным и парентетическим, авторизованным и неавторизованным, свернутым и развернутым модусом). Структурные и семантико-прагматические особенности высказываний с модусом знания обусловлены спецификой научного диалога, его интенциями и задачами, а также относительно произвольным / экспромтным и эмоционально-экспрессивным характером.

ЛИТЕРАТУРА

- Задворная Е. Г. Виды научной дискуссии и их прагматические характеристики // *Стиль: междунар. науч. журн.* 2008. С. 213–224.
- Задворная Е. Г. Коммуникативные тактики уклонения в научном дискурсе // *Respectus philologicus*. 2006. № 10 (15). С. 61–72.
- Славгородская Л. В. Научный диалог (лингвистические проблемы). Л.: Наука, 1986.

Chalova, O. N.

Minsk State Linguistic University

Francisk Skorina Gomel State University

EXPLICATION OF COMPLETE AND INCOMPLETE KNOWLEDGE IN SCIENTIFIC DIALOGUE

The article is about identifying the specifics of utterances with the mode of complete and incomplete knowledge in scientific dialogue as a type of communication possessing properties of both scientific discourse and everyday speech. The analysis of the features of utterances of this kind is based on three main parameters: semantic criterion, pragmatic criterion, and structural criterion, as a result of which the conclusion about an extreme diversity and, consequently, special status of utterances with the mode of complete and incomplete knowledge in scientific dialogue is formulated.

Scientific dialogue, knowledge, complete knowledge, incomplete knowledge, modus, dictum

УДК 81'42

Е. А. Щелконогова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

shchelkonogovae@mail.ru

О. М. Журавлёва

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000–0003–1421–8783

omzhuravleva@etu.ru

СПЕЦИФИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ПОВЕСТИ «ОХОТА НА ВАСИЛИСКА» А. В. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. Б. ПАСТЕРНАК

В статье рассматривается специфика функционирования интертекстуальных включений как средства раскрытия авторского замысла в повести «Охота на василиска» А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак. Анализируются особенности выбора претекстов и введения интертекстуальных включений в текст. Определяется роль интертекстуальных включений в формировании идейного плана повести.

Интертекстуальность, функции интертекстуальных включений, аллюзия, сюжет, литература для подростков

Актуальность интертекстуальных исследований связана с тем, что прогресс в понимании природы интертекстуальности расширяет представления о процессах порождения и интерпретации текста. В контексте изучения художественных произведений интерес представляют принципы осознанного использования интертекстуальных включений как средства раскрытия авторского замысла. В литературе для подростков подобные приемы не распространены, поскольку она характеризуется ориентацией на адресата с ограниченным жизненным и читательским опытом, а также большим акцентом на идейное наполнение, а не на эксперименты со структурой. Тем не менее, повесть «Охота на василиска» А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак отличается выраженной интертекстуальностью. При помощи описательного метода и интертекстуального анализа представляется возможным оценить выбор интертекстуальных включений и роль, которую авторы им отводят.

Термин «интертекстуальность» был введен в 1967 г. французской исследовательницей Ю. Кристевой [Еременко, 2012]. При разработке своей теории

она опиралась на идеи М. М. Бахтина. Ю. Кристева отмечала, что статус слова в тексте определяется по двум осям: первая раскрывает отношение слова к субъекту и адресату, в то время как вторая отражает его ориентацию на корпус предшествующих или современных ему литературных произведений [Kristeva, 2015]. В результате любой текст представляет собой «мозаику цитирования» [Kristeva, 2015, с. 74].

Таким образом, в широком смысле интертекстуальность – это «соотнесенность текста с его типом или другим текстом (текстами), устанавливаемая на основе критериев, очевидных для участников коммуникации» [Литвиненко, 2008]. При этом интертекстуальность можно рассматривать с точки зрения читателя и с точки зрения автора. Со стороны читателя интертекстуальность предполагает установку на более глубокое понимание текста или разрешение возникающего при чтении непонимания через установление связей данного текста с другими текстами. С позиции автора интертекстуальность – это способ создания собственного текста и утверждения собственного поэтического «Я», в основе которого лежит сложная система противопоставления, идентификации и маскировки по отношению к текстам другим авторам [Фатеева, 2006].

Исследователями неоднократно предпринимались попытки классифицировать интертекстуальные включения. Основой для классификации выступают как формы интертекстуальных единиц, так и их различные характеристики. Т. Е. Литвиненко вслед за И. В. Арнольд отмечает, что интертекстуальные включения могут различаться по таким признакам, как принадлежность к средствам внешней или внутренней интертекстуальности, степень маркированности и узнаваемости, место интертекстуального включения в принимающем тексте, его функция в принимающем тексте, степень и характер формальной и семантической трансформированности цитат, соответствие интертекстуального включения и всего претекста жанру принимающего текста [Литвиненко, 2008].

Отдельную категорию образуют средства создания «синкретической интертекстуальности», т. е. интертекстуальные единицы, позволяющие словесно передать содержание и форму произведений других видов искусства – живописи, архитектуры, музыки и т.п. [Литвиненко, 2008].

В качестве основных типологических форм интертекстуальных включений большинство исследователей выделяют цитату, аллюзию и реминисценцию [Еременко, 2012].

Как цитата, так и аллюзия представляют собой заимствование нескольких элементов претекста. Различие заключается в том, что цитата воспроизводит заимствованные компоненты с сохранением исходной предикации, в то время

как аллюзия предполагает, что предикация осуществляется заново в принимающем тексте. Цитаты и аллюзии в принимающем тексте могут быть атрибутированы или неатрибутированы. С этой точки зрения особую группу образуют используемые в качестве аллюзий имена героев произведений – такие единицы обладают повышенной узнаваемостью, т.е. читателю в большинстве случаев для того, чтобы определить претекст, из которого они взяты, не нужно указание на автора [Фатеева, 2006].

Понимание реминисценции у различных исследователей значительно различается. Так, Е. Г. Еременко обозначает этим термином абстрактный образ или воспоминание (в противоположность конкретному историческому или литературному факту, к которому отсылает аллюзия), который получил отражение в творчестве писателя или в конкретном произведении [Еременко, 2012]. Н. А. Фатеева трактует реминисценцию как отсылку не к тексту, а к узнаваемому событию из жизни другого автора [Фатеева, 2006]. В данном исследовании будет использоваться разделение, намеченное Н. А. Фатеевой: отсылки к тексту другого автора будут отнесены к аллюзиям, а отсылки к фактам биографии другого автора – к реминисценции, так как такой подход позволяет более точно очертить и разграничить эти две формы интертекста.

Материалом исследования выступила повесть А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак «Охота на василиска». В рассматриваемом произведении присутствуют две основные сюжетные линии. В первой линии близкая подруга и одноклассница главной героини Ксюши умирает, отравившись ядом, подмешанным в наркотическую смесь, после чего школа, где учится героиня, оказывается в центре полицейского расследования. Вторая сюжетная линия посвящена тому, как Ксюша и группа единомышленников занимаются постановкой пьесы в двух актах по мотивам литературной серии «Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг. Очевидно, что вторая сюжетная линия воспроизводит некоторые события романов о Гарри Поттере, то есть в значительной степени опирается на интертекстуальность. Элементы претекста, введенные в пространство рассматриваемой повести, можно определить как неатрибутированную аллюзию: авторы не называют прямо ни саму литературную серию, ни ее автора и не приводят цитат из текстов романов, но включают в диалоги и описания действий отдельные единицы, которые распознаются читателем, как компоненты вселенной Гарри Поттера («*Готова ли ты, Лили, стать женой Джеймса*»; «*пошел к боевым магам обсуждать микросхемы в палочке Дамблдора*»). Такая форма позволяет авторам создать эффект погружения: читатель воспринимает процесс постановки не со стороны, в целом, а изнутри, по отдельным составляющим, то есть так же, как воспринимает его главная героиня.

При этом читателям необходимо хорошо знать содержание претекста, чтобы, во-первых, верно атрибутировать интертекстуальные включения, во-вторых, восстановить опущенные связи между ними и самостоятельно реконструировать сюжет, с которым работают Ксюша и ее окружение. Авторы решают эту проблему путем выбора претекста, который будет безошибочно идентифицироваться большинством читателей, поскольку является одной из самых популярных в мире, в том числе в России, серий книг для подростков.

Аллюзия на романы о Гарри Поттере в рассматриваемой повести выполняет две функции.

Первая функция – создание портрета главной героини: Ксюша интересуется литературной серией, которой на момент издания «Охоты на василиска» (2015 г.) были увлечены многие подростки, – это приближает ее к читателю. В то же время она не только читает эти книги или смотрит экранизацию, но и участвует в театральной постановке на ее основе, то есть ее увлечение носит творческий и деятельностный характер. Эта составляющая образа подготавливает читателя к тому, что в дальнейшем Ксюша будет выступать как активный персонаж, который своими решениями и поступками влияет на развитие сюжета.

Вторая функция реализуется в тех фрагментах рассматриваемой повести, в которых первая и вторая линия сходятся в единое целое. Таких фрагментов три:

1. Узнав о смерти подруги, Ксюша впадает в состояние эмоционального и ментального оцепенения: она не может сосредоточиться ни на учебе, ни на репетициях. На одном из прогонов внутреннее напряжение достигает пика, и Ксюша, исполняя роль Лили Поттер вместо того, чтобы изобразить смерть своего персонажа от руки Темного Лорда, бьет антагониста сковородой из реквизита. На следующий день героиня прекращает бездействие и начинает активно помогать следствию.

2. В ходе расследования Ксюша узнает о том, что юноша, в которого она была влюблена, одновременно с ней встречался с еще несколькими девушками. Она не намерена терпеть такое обращение. Процесс размышлений об отношениях с этим юношей заканчивается тем, что героиня переписывает сюжет первого акта пьесы: вместо того, чтобы смиренно ждать своей участи Джеймс и Лили Поттер нападают на Темного Лорда и побеждают его.

3. Расследование показывает, что подруга Ксюши сама добавила яд в курительную смесь, так как считала, что только громкое дело – отравление и госпитализация нескольких школьников – сможет подтолкнуть людей к активной борьбе с наркотиками. Узнав правду, Ксюша превращает второй акт пьесы в высказывание о том, что любое зло можно победить, если сообща предпринимать реальные действия.

Во всех трех фрагментах пространство пьесы, воссоздающее вселенную Гарри Поттера, выступает как модель мира, в которой героиня может в несколько упрощенных и контролируемых условиях пережить и осмыслить то, что происходит с ней в реальной жизни. В первом случае исполнение действия в пространстве пьесы (ударить нападающего на нее злодея) предшествует действию реальному (Ксюша присоединяется к расследованию, т.е. вступает в борьбу со злом). Во втором и третьем случаях пространство пьесы становится пространством рефлексии и отражения уже принятых решений (не терпеть несправедливость; бороться со злом, а не бездействовать). При этом необходимо отметить, что оба акта пьесы (в изначальном варианте – столкновение Джеймса и Лили Поттеров с Темным Лордом и противостояние Гарри Поттера с ним, в измененном – победа Джеймса и Лили Поттеров над Темным Лордом и бой Гарри Поттера с Василиском) используют только одну составляющую разветвленного сюжета претекста – борьбу положительных персонажей с отрицательными. Это позволяет авторам при использовании аллюзии актуализировать один из ключевых мотивов претекста – мотив борьбы добра со злом, причем данный в одной из своих самых архетипичных форм – в виде борьбы светлых сил в темными. Отношения отражения между двумя пространствами – пространством пьесы, которое одновременно является пространством интертекстуальных включений и предстает как нереальный мир, мир сказки, и пространством реальной жизни – формирует идейный план рассматриваемой повести. С помощью интертекстуальности авторы исследуют вопросы, с которыми большинство подростков сталкиваются в процессе взросления: как в реальном мире выглядит борьба добра со злом, о которой пишут в сказках? какие формы может принимать реальное зло? возможна ли победа добра в жизни, где нет всемогущего автора, который проследит, чтобы герои пришли к нужному результату?

С этой точки зрения необходимо отдельно рассмотреть фигуру Василиска, вынесенную в заглавие повести. Когда Ксюша переписывает первый акт повести и заканчивает его поражением Темного Лорда, появляется необходимость ввести нового антагониста для второго акта. Из всех зловредных существ вселенной Гарри Поттера героиня, не задумываясь, выбирает именно Василиска. Сама она объясняет это тем, что наркотическая смесь, из-за которой погибла ее подруга, называлась «Василиск», поэтому ее память первым выдала это слово. Как следствие, Василиск в пьесе отражает как зло в целом, так и конкретное проявление зла, с которым столкнулась сама Ксюша. Образ василиска обнаруживается в мифологиях различных народов Западной Европы, где это существо описывается как чудовищный змей, сверхъестественные силы которого связаны со смертью. Для читателей, знакомых с этим образом,

использование его в качестве воплощения зла выглядит максимально естественным и убедительным. Настолько же естественным и убедительным оно выглядит и для читателей, которые не знакомы с мифологией, но знакомы с романами о Гарри Поттере: они знают, что василиск – это змей, благодаря этому возникает ассоциация с другим, более известным мифологическим существом – змеем или драконом, который во многих народных и авторских сказках выступает отрицательным персонажем и, как следствие, в массовом сознании тесно связан с концепцией «зла». Таким образом, фигура Василиска в рассматриваемой повести представляет собой двухуровневое интертекстуальное включение: на поверхностном уровне – это один из элементов литературной серии «Гарри Поттер», основного претекста, на более глубоком – устойчивый, закреплённый в культуре символ зла. Апелляция к нижнему интертекстуальному уровню позволяет авторам дополнительно подчеркнуть мотив борьбы со злом, пронизывающий повесть.

Таким образом, интертекстуальные включения, осознанно введенные авторами в ткань сюжета, служат в первую очередь для раскрытия идейного плана повествования.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Понимание сюжета и идейного наполнения повести «Охота на василиска» напрямую зависит от верной идентификации и атрибуции интертекстуальных включений и установления связи текста повести с претекстами;

2. Авторы выбирают в качестве претекстов хорошо известные культурные феномены – популярную серию книг и узнаваемый мифологический образ, благодаря чему большая часть юных читателей, даже несмотря на ограниченный по сравнению со взрослыми читательский опыт, оказываются способны распознать и правильно интерпретировать интертекстуальные связи повести;

3. Аллюзия на литературный цикл «Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг выполняет в сюжете две функции: участвует в создании портрета главной героини и выстраивает пространство пьесы-сказки, которая выступает отражением реального мира и создает условия для рассуждения на тему добра и зла в литературе и в жизни;

4. Ключевым интертекстуальным включением становится фигура Василиска, которая отсылает читателя одновременно к романам о Гарри Поттере и к мифологии и выступает как олицетворение зла во всех его формах, подчеркивая ключевую идею повести.

ЛИТЕРАТУРА

Еременко Е. Г. Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2012. №6. С. 130–140.

- Жвалевский А. В., Пастернак Е. Б. Охота на василиска. М.: Время, 2015. 192 с.
- Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2015. 285 с.
- Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями: феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2011. 271 с.
- Литвиненко Т. Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста: монография. Иркутск: Иркутский гос. лингвистический ун-т, 2008. 308 с.
- Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности М.: URSS: КомКнига, 2006. 280 с.

Shchelkonogova, E. A.; Zhuravleva, O. M.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

USE OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN THE NOVEL "OKHOTA NA VASILISKA" BY A. V. ZHVALEVSKY AND E. B. PASTERNAK

The paper discusses the role of the intertextual inclusions in the novel "Vasilisk Hunt" by A. V. Zhvalevsky and E. B. Pasternak. The choice of the pretext and the way to introduce the inclusions into the text are being analysed. The functions of the intertextual inclusions are being determined.

Intertextuality, intertextual inclusion functions, allusion, plot, young adult literature

УДК 81'42

Н. Ф. Щербак

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

alpha-12@yandex.ru

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РАССКАЗА ЭДГАРА ПО «УКРАДЕННОЕ ПИСЬМО»)

Теория известного психоаналитика Лакана в отношении анализа рассказа Эдгара По «Украденное письмо» является важной вехой в формировании психоаналитической теории литературоведческого и лингвистического анализа. Известный анализ Лакана был в дальнейшем значительно трансформированы другими интерпретаторами (в частности, в книге «Украденный По» или в работах французского пост-структуралиста Ж. Дерриды). Психоаналитическая трактовка позволяет говорить о функционировании зоны подсознания и коллективного бессознательного, а также дает возможность декодировать любой устный или письменный текст.

Теория знака, Лакан, психоанализ, поверхностное чтение, Хайдеггер

Теория психоаналитика Лакана в отношении реального, воображаемого и символического имеет большое значение для психоанализа. Совмещение трех областей психики, их связь с языковой деятельностью, позволяют декодировать любые тексты, устанавливая первопричину их написания или составления.

Анализ рассказа Эдгара По «Украденное письмо» был проанализирован Лаканом, в дальнейшем значительно трансформирован в процессе анализа, предпринятого другими интерпретаторами (в частности, в книге «Украденный По») [Лакан, 1999]. Основные идеи Лакана в отношении рассказа Эдгара По [The Purloined Letter, 1988] позволяют, как нам представляется, сделать выводы в отношении современной теории герменевтики.

Во-первых, проблематика письма (письменной речи) – отдельная языковая и философская проблема, освещаемая в художественной литературе. О проблематике письма идет речь, например, в «Алой Букве» Готорна. Сходной проблематикой занимается теория деконструкции Ж. Дерриды. Письмо, в некотором смысле, это аллюзия на «скрижали», то есть заповеди, который Бог дает Моисею. Письмо, которое крадут у королевы по ходу сюжета рассказа По, это тот камень преткновения, который, становясь «бессознательным», наделяется значением. Двигаясь от одного героя к другому, письмо меняет того, к кому оно попадает, словно новое зеркало позволяет увидеть каждого

следующего участника лучше. Следуя Лакану, мы отчетливо различаем, как, попадая, наконец, к министру Д. (одному из героев рассказа), письмо становится женственным. Попав в карман к министру Д., оно уже не любовное письмо, не доверительное послание, не предупреждение — оно доказательство или аргумент, как пишет Лакан. Письмо, надписанное тонким женским почерком и носящее именную печать, неожиданно феминизируется. С этой отправной точки будет развиваться проблематика идентификации. Письмо стремится к своему единственному владельцу – королю. Тому, от кого скрывается истина (или ее означающее – написание письма), и кому письмо принадлежит по праву. Как пишет Лакан, письмо должно обязательно вернуться к своему отправителю.

Лакан акцентирует институциональность ситуации движения письма, которое являет собой символ договоренности, которая соединяет мужчину и женщину в браке. Королевская чета – это символ важнейшего договора, который соотносит мужскую природу и женскую. По Лакану, взаимозаменяемость этих ролей, невозможна.

Чета являет собой символ важнейшего договора, согласующего мужскую природу, с природой женской. Договор, который традиционно играет посредническую роль между всем тем, чего мы не знаем, космосом, с одной стороны, и с общественным устройством, с другой. Ничто не осуждается и не считается более кощунственным, нежели то, что на нее покушается.

Для Лакана важна проблематика идентичности. Если обратиться к этой проблематике, как пишет Нэнси Блейк [The Literary Lacan, 2024, с. 48], «женщина будет всегда симптомом для мужчины, обратное же невозможно». Как пишет Лакан, мужчина для женщины, скорее всего, это *ravage*, *havoc* – опустошение. При этом, одним из важных выводов и наблюдений становится идея о том, что символический ряд закладывает уровень определений и детерминаций.

Лакан констатирует, что слова остаются. Против игры символов вы бессильны – именно поэтому за своими словами нужно следить столь внимательно. А вот письмо – оно уходит. Оно гуляет само по себе.

Во-вторых, особо интересен взгляд Лакана на проблематику а) истины и б) реального. Для того, чтобы прояснить их взаимосвязь, необходимо обратиться к основополагающим принципам психоаналитики Лакана. Как известно, основа психики, по Лакану, это соотнесение а) реального, б) воображаемого и в) символического. Сфера реального – это сфера травмированных областей, две параллельные прямые, которые никогда не пересекаются (или невозможная возможность их пересечения). Сфера реального это –

невозможное, и, одновременно, сфера мученичества (в отличие от истины) [The Literary Lacan, 2024, с. 46]. Сфера же воображаемого – знаменитая «зеркальная стадия» Лакана, наиболее важная для самоидентификации через Другого. Эта стадия, которая и позволяет видеть и идентифицировать себя полностью. Сфера воображаемого или стадия зеркала, однако, конечна. Обсуждая проблематику зеркала, психоаналитики говорят о непереносимости любви. С одной стороны, любовь всегда – перенос. С другой стороны, лишь молчащий психоаналитик может полностью вернуть зеркала, в этом его человеколюбивая миссия. Но в данном случае действует так называемый протез, так как человека – в которого этот протез вкладывается, собственно, не видно, или его там нет.

Еще одна сфера, сфера символического будет открывать возможность иного порядка, эта сфера акцентирует языковую функцию, выводит ее на новый уровень понимания.

Следуя трактовке, данной Нэнси Блейк, мы видим, что реальное – это сфера действия «мученичества», или даже мазохизма [The Literary Lacan, 2024, с. 47]. В силу невозможности реального. При этом истина это сфера действия принципов удовольствия. Для более подробной интерпретации Лакан обращается к творчеству писателя Джеймса Джойса, говорит о важности обращения к его работам в случае, если нас что-то удивляет (puzzle). Далее Лакан констатирует, что Джойс не высказывал какие-то положения, а писал о них. Написанное позволяет дотронуться до реального, но не до истины». Данное высказывание наглядно демонстрирует нам, что в фокусе внимания Лакана оказывается литература, через нее он объясняет функцию и симптоматику литературы, как таковой. Любая литература – симптоматична.

Возвращаясь к проблематике истины, можно говорить о том, что истина, по Лакану, это то, что боится огласки. Смысл письма при этом - меняется от раза к разу. Лакан пишет о том, что министр, получив письмо, вовсе не упрекает королеву, он не пользуется могуществом обладания письмом, он не придает ему никакого символического смысла, он пользуется исключительно мيراжом между ним и королевой, который возникает в связи с нарциссическими отношениями.

По Лакану, письмо, действительно, представляет собой страшное оружие, но, как отмечается в самом рассказе, достаточно пустить его в ход, чтобы немедленно тем самым его лишиться. Дело здесь вовсе не в хитроумии сыщика Дюпена, расследующего историю, а в логике самих вещей.

В-третьих, о выводах Лакана в отношении реального и символического также следует говорить отдельно. Почему не находят письмо полицейские?

Потому что они вообще не знают, что такое письмо. Они не знают этого, потому что они полицейские. Их отношения зиждутся на символе.

Полиция, которая верит в реальное, ищет письмо. Как они сами выразились – *мы искали везде*. И не нашли, потому что искали письмо, а письмо – оно, собственно, нигде. Лакан поясняет, что спрятать что-либо можно лишь в одном измерении – измерении истины. Скрыть можно лишь то, что относится к разряду истины. Сокрыта именно истина, не письмо. Для полицейских истина значения не имеет, для них есть лишь реальность. Именно поэтому они письма не находят.

Дюпен, мудрый сыщик, видящий вещи символического порядка, напротив, наряду с замечаниями своими об игре в чет и нечет, высказывает массу соображений лингвистического, математического, религиозного толка, постоянно рассуждает о символе и доходит даже до утверждения о бессмысленности математики, в чем, как пишет Лакан, я у вас, присутствующих математиков, прошу извинения. Попробуйте – говорит он, – сказать однажды в лицо какому-нибудь математику, что $x^2 + px$ может быть не совсем равняется q , – он вас уложит на месте.

В какой-то момент министр находится в положении королевы, а полиция – в положении короля, который верит лишь в реальное и ничего не видит. Лакан констатирует, давая герою все новые эпитеты. Секрет вытащат прямо у него из-под носа. Дюпен возьмет письмо также как оно было украдено, подстроив пожар за окном, зеркально повторив действия самого М.

Как ведет себя Дюпен? Обратите внимание, пишет Лакан, на то, что между двумя визитами префекта полиции проходит немалое время. Завладев письмом, Дюпен, в свою очередь, не говорит о нем ни слова. Другими словами, владелец письма – в этом значении блуждающей истины как раз и состоит – должен молчать. И в самом деле, кому он может о нем рассказать?

В-четвертых, Лакан выводит обсуждаемую проблематику кражи и возвращения письма в область этики. Я не хочу настаивать, но потихоньку могу вам заметить, что и мы с вами, носящие с собой все украденные письма нашего пациента, тоже берем с него немалую плату. Подумайте хорошенько – ведь если бы мы этой платы не требовали, мы тут же сами оказались бы участниками трагедии Атрея и Фиеста – трагедии, жертвой которой является каждый из тех, что приходит доверить нам свою тайну. Они рассказывают нам всякую чертовщину – и как раз поэтому сами мы в разряде священного и жертвенного отнюдь не находимся. Здесь Лакан имеет в виду ту записку, которую сыщик Дюпен оставляет министру, ссылаясь на факт реализованной мести. В записке есть ссылка на миф о Фиесте и Атрее. Фиест выкрал сына Атрея и воспитал

его в ненависти к Атрею. В свою очередь Атрей свергнул Фиеста, захватил трех его сыновей, и из своих племянников приготовил жаркое для Фиеста. Записка словно намекает на действия самого Дюпена в отношении министра.

Министр и Дюпен, таким образом, являют собой двойников, зеркально отражающих друг друга. В этом потрясающая гармоничность рассказа и психологической загадки. Никто из действующих лиц не оказывается святым.

Интересен также факт, что, если бы министр когда-нибудь использовал письмо, ему пришлось бы в буквальном смысле «съесть каждое свое слово».

Наказание в «реальном» Эдгара По, таким образом, в том, что означающее (знак) имеет абсолютное господство. Литература, или любой текст – это всегда – симптом. Пишущий и должен «съесть» каждое свое слово. Психоаналитик в этом случае (как и в большинстве случаев) – фигура молчащая.

Применение данного типа анализа для литературных текстов позволяет сделать выводы в отношении того, как реализуются индивидуальные особенности психики в процессе создания или написания текста [Холлворд], какие существуют принципиально новые теории значения [Лукьянова и др., 2014], как данные принципы коррелируют с идеями постструктурализма и «чистых интенсивностей», представленных в работах Ж. Делеза [Делез, 1998], при анализе художественных произведений, произведений искусства и кино [Лаврова, 2013].

ЛИТЕРАТУРА

- Делез Ж. Различие и повторение. СПб: Петрополис, 1998.
- Лаврова С. В. Логика смысла Новой музыки. Опыт структурно-семантического анализа на примере творчества Х. Лахенманна и С. Шаррино. СПб: СПбГУ, 2013.
- Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. (пер. Черноглазова А.К.). М.: Гнозис, 1999.
- Лукьянова Е. А., Толочин И. В., Сорокина М. В., Коновалова М. Н. Учебник лексикологии. СПб.: Антология, 2014.
- Холлворд П. Делез vs Лакан. [Электронный ресурс] URL: <https://s357a.blogspot.com/2012/02/vs.html>. (дата обращения: 22.02.2012)
- The Literary Lacan. From literature to Literature and Beyond. Edited by S. Biswas. London, New York, Calcutta, 2024.
- The Purloined Letter. Lacan, Derrida, and Psychoanalytic Reading. Ed. by John Muller and William Richardson. London: The John Hopkins University Press, 1988.

Shcherbak, N. F.

Saint Petersburg State University

**LUDWIG WITTGENTSCHN, GILLES DELEUZE, JACQUES LACAN:
THE REVOLUTION IN LINGUISTICS AND SEMIOTICS AND ITS CON-
SEQUENCES**

The theory of the famous psychoanalyst Lacan regarding the analysis of Poe's story "The Stolen Letter" is an important milestone in the formation of the psychoanalytic theory of literary and linguistic analysis. Lacan's well-known analysis was later significantly transformed by other interpreters (in particular, in the book "Stolen by Po" or in the works of the French post-structuralist J. Derrida). The psychoanalytic interpretation allows us to talk about the functioning of the zone of the subconscious and the collective unconscious, and also makes it possible to decode any oral or written text.

Theory of sign, Lacan, psychoanalysis, surface reading, Heidegger

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ,
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНТАКТОЛОГИЯ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ. ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ
НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

УДК 811.133.1

П. Г. Андреева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им В. И. Ульянова (Ленина)*

a.polly@yandex.ru

Л. А. Ульяницкая

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0002-0163-3243

ulianitckaia_liubov@mail.ru

**ПЕРЕВОД СОВЕТСКИХ РЕАЛИЙ В ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА
«ЧЕМОДАН» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК**

В статье рассматривается вопрос передачи особенностей культуры и быта при переводе художественного произведения на иностранный язык. Производится анализ различных подходов к определению понятий «реалия» и «советизм», а также рассматриваются классификации переводческих трансформаций, предложенной В. Н. Комиссаровым. Особое внимание уделяется переводу советских реалий в повести Сергея Довлатова «Чемодан» на французский язык. Исследуется, как переводчик адаптирует культурные и исторические контексты, характерные для советской эпохи, чтобы сделать их понятными для зарубежной аудитории.

Переводческие трансформации, прямой перевод, транслитерация, лексическое добавление, проза С. Довлатова

Авторы произведений применяют различные приёмы для передачи контекста эпохи, экономической и политической ситуации в стране, а также особенностей характера народа, живущего на определённой территории. Одним из таких приёмов являются реалии. В. В. Виноградов определяет реалии как специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности её географической среды, характерные предметы быта прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия, относя их к классу безэквивалентной лексики [Виноградов, 1980, с. 37]. В. П. Берков и

Г. В. Чернов отмечают, что реалии хорошо понятны носителям исходного языка, но могут быть чужды и непонятны для тех, кто говорит на языке перевода. Иногда реалии могут выходить за рамки литературной нормы и представлять собой просторечия или жаргонизмы. Если же они не относятся к таким словам, то в их определении может быть указано на ограниченность употребления, связанную с исторической или местной спецификой. Реалии могут относиться к любой эпохе и их задача — передать дух времени [Берков, 1973, с. 109], [Чернов, 1958, с. 223]. Для понимания советского общества важными являются советские реалии, советизмы. Этот термин был введён лингвистом И. Ф. Протченко в 80-е годы XX века. Советизмы определяются как лексические единицы, отражающие новые общественные отношения, этапы борьбы, труда и побед советских людей [Протченко, 1975, с. 30]. Начало их появления в языке принято отсчитывать от 1917 года. При исследовании советизмов, И. Ф. Протченко опирался на два основных критерия: идеологический и тематический [Протченко, 1975, с. 33]. Идеологический критерий предполагает анализ советизмов как группы лексических единиц, отражающих систему взглядов и реалий советского времени. Тематический критерий включает объединение слов Советской эпохи в группы по названиям учреждений, собственным именам, организациям и политическим терминам. Однако, как утверждает В. А. Вернигорова, к советским реалиям можно отнести лексемы, которые возникли до начала советского периода, но получили широкое распространение именно в советское время. Это подчёркивает важность стилистического и семантического критериев, согласно которым значение слова может меняться в зависимости от приобретения новой стилистической окраски [Вернигорова, 2010, с. 5]. Важно отметить, что советизмы как отдельная лексическая группа присутствовали не только в произведениях авторов, находившихся в Советском Союзе, но и в работах эмигрантов, которые стремились подчеркнуть характерные черты своей Родины через советские реалии.

Используемые автором реалии при переводе могут вызывать ряд трудностей. Дело в том, что в языке перевода в принципе может не быть эквивалентов для данных реалий, поскольку объекты, явления или процессы, обозначаемые этими реалиями, отсутствуют в культуре носителей. При переводе необходимо учитывать исторический контекст, культурный контекст и семантику реалий. Именно поэтому одной из главных причин успешного перевода художественного текста, помимо лингвистических знаний, является наличие фоновых знаний об особенностях описываемого периода.

В. Н. Комиссаров выделяет следующие переводческие трансформации, которые также используются при переводе реалий:

Переводческое транскрибирование и транслитерация – перевод лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв языка перевода. При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации его графическая форма (буквенный состав);

Калькирование – перевод лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в языке перевода;

Лексико-семантические замены: (конкретизация, генерализация, модуляция):

- *Конкретизация* – замена слова или словосочетания исходного языка с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием языка перевода с более узким значением. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения.

- *Генерализация* – замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением, то есть преобразование, обратное конкретизации.

- *Модуляция* – замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

Контекстуальная замена – окказиональное соответствие, нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для конкретного контекста;

Лексические добавления. В некоторых случаях для того, чтобы правильнее и понятнее передать смысл исходного материала, переводчику может потребоваться ввести несколько дополнительных слов. Причины кроются в различиях синтаксиса, грамматики, отсутствии четких лексико-семантических эквивалентов в языке перевода;

Лексические опущения. Этот приём предполагает игнорирование в процессе перевода некоторых семантически избыточных слов, которые не несут важной смысловой нагрузки, а их значение зачастую комплексно восстанавливается в переводе;

Экспликация или описательный перевод – это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение;

Модуляция или смысловое развитие – это замена слова или словосочетания исходного языка единицей переводящего языка, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

В качестве материала для анализа послужила повесть Сергея Довлатова «Чемодан» [Довлатов, 1986]. Основное действие повести сосредоточено вокруг чемодана, символизирующего жизнь главного героя, его воспоминания и переживания. В чемодане хранятся вещи, напоминающие о прошлом, о родных местах, друзьях и о времени, оставшемся позади. Этот предмет становится поводом для размышлений о судьбе, о том, что придаёт смысл жизни, и что на самом деле имеет значение. Основные темы повести вращаются вокруг ностальгии, идентичности и сложного процесса переосмысления своего места в мире. Автор поднимает вопрос о том, как прошлое влияет на настоящее и будущее, и как эмиграция меняет восприятие привычных вещей.

Сергей Довлатов использует ироничный и лаконичный стиль, который придаёт повествованию легкость, несмотря на глубину затрагиваемых вопросов, многочисленные автобиографические элементы делают текст более личным. С. Довлатов использует советские реалии, поскольку, как было сказано выше, в его произведениях содержится большое количество автобиографических элементов, автор стремится рассказать о реалиях своего времени, сделать акцент на уникальных вещах, которые были характерны для конкретного периода времени и страны. Также, частое упоминание реалий именно советского времени обусловлено сравнением – поскольку часть своей жизни С. Довлатов провёл в эмиграции, что указано в самой повести, он не забывал о Родине и часто вспоминал то, чем жил раньше, сравнивая новое с прошлым. Для анализа было отобрано 34 лексические единицы и их перевод на французский язык (использовался перевод Анник Морар 2020 года).

Среди часто используемых переводческих трансформаций следует выделить **лексическое добавление** – данный прием используется чаще всего: в 8 случаях (23%). Использование развернутого выражения обусловлено необходимостью точной передачи смысла, а добавление контекста и уточняющих слов необходимо для полного понимания термина. Как можно заметить, прием лексического добавления используется в терминах, характерных исключительно для советской эпохи (названия организаций, учреждений и предметов).

Агитпункт	Le local de la propagande
Клуб самодеятельности	Le club d'artistes amateurs
Горисполком	Le comité exécutif du Parti de Leningrad
Горком	Le comité municipal
Гастроном	Le magasin d'alimentation
Стенная газета	Un journal mural titré
Коммуналка	Le appartement communautaire
Котиковая шапка	La chapka en poil de chat

Прием транслитерации и генерализации можно наблюдать в 14 случаях. Транслитерация (8 лексических единиц, 22%) позволяет сохранить звучание, что важно для узнаваемости названия конкретного объекта, передает фонетическое звучание оригинала. На основе указанных примеров, транслитерация используются при передаче имён собственных, марок, названий организаций. Это те советизмы, которые соответствуют тематическому критерию. Особенно следует выделить использование приема транслитерации в паре «чебуреки – tchebourieki», где у данной лексической единицы есть сноска с комментарием «petits pâtés épicés, farcis de viande de mouton». В данном случае использование транслитерации обусловлено тем, что в культуре носителей языка перевода в принципе нет такого понятия, поэтому переводчики решили полностью сохранить идентичность и уникальность объекта путем использования транслитерации, но при этом сделав сноску с комментарием для того, чтобы читатель понял, о чем идет речь. Использование генерализации (5 лексических единиц, 19%) обусловлено отсутствием аналогов и эквивалентов данных слов во французском языке, что делает данные лексические единицы уникальными. Генерализация используется, когда точный перевод термина или выражения может быть непонятен или неуместен в целевом языке; подразумевается использование более общего термина или фразы, чтобы передать основную идею без привязки к конкретным деталям.

Транслитерация

Газета «Правда»	La «Pravda»
Чебуреки и маргарин	Tchebourieki et la margarine
Магазин «Берёзка»	Le magasin «Beriozka»
«Столичная»	La «Stolitchnaïa»
Комсомольское бюро	Le bureau du Komsomol
Верховный совет	Le Soviet suprême
Гостиница «Советская»	L'hôtel «Sovietskaïa»
«Жигулёвское» пиво	La biere «Jigouli»

Генерализация

Кожаная тужурка	La veste de cuir
Гимнастерка	La vareuse
Советская цигейковая шуба	La pelisse sovetique
Концерт художественной самодеятельности	Le concert amateur
Приусадебные наделы	Les encoles individuels

Использование **конкретизации** в примере «ОВИР — *Bureau des visas*» обусловлено необходимостью уточнения и разъяснения значений аббревиатуры и термина. ОВИР (Отдел виз и регистраций, подразделение МВД, существовавшее в СССР и постсоветской России) может быть не знаком многим людям, особенно иностранной аудитории. Уточнение помогает сосредоточить внимание на конкретной функции этого учреждения.

Смена частей речи происходит в паре «*фарцовщик – il traficotait*». В данном случае речь идет об одном и том же явлении (подпольная торговля), но с разных точек зрения: с одной стороны, это деятель (фарцовщик) с активным названием, а с другой – сам процесс или действие (*traficoter – фарцевать*), в котором он участвует. Это может быть обусловлено отсутствием в языке перевода существительного «фарцовщик», поэтому при переводе было принято решение передать смысл при помощи глагола.

В ходе анализа были выявлены периферийные единицы, которые относятся к эпохе советского времени, и поскольку аналоги этих слов есть во французском языке, или же их перевод официально закреплен в академических словарях французского языка, то переводчики не обращались к переводческим трансформациям. Таких примеров оказалось большинство – 11 (29%).

Комиссионный магазин	D`un dépôt-vente
Пионерский лагерь	Camp de poinniers
Коммунистическая партия	Parti communiste
Личные огороды	Les potagers privés
Фанерная люлька	Un berceau en contreplaqué
Фрунзенский универмаг	Le grand magasin Frounzé
Орден «Знак почёта»	La Médaille d`Honneur
Буфет	Le buffet
Партийная газета	Le journal parti
Ларёк	Le kiosque
Барак	Le baraquement

Таким образом, в большинстве случаев был использован прямой перевод, поскольку слова имеют свой аналог в языке перевода. Это обусловлено следующими факторами: 1) языковые заимствования: многие слова или выражения, особенно в области науки и техники, могут быть заимствованы из одного языка в другой, что делает прямой перевод возможным; 2) в некоторых случаях грамматические структуры и лексика в русском и французском языках могут перекликаться, что позволяет сделать буквальный перевод довольно понятным для читателя.

Среди часто использованных переводческих трансформаций следует выделить лексическое добавление, транслитерацию и генерализацию. Это говорит об уникальности слов, существовавших на конкретной территории и имеющих значение для определённого народа. Решающую роль играют исторический и культурный факторы.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. Л.: Изд. ЛГУ, 1973.
- Вернигорова В. А. Понятие реалии в современном переводеведении. Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 137–141.
- Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Москва: Наука, 1980.
- Довлатов С. Д. Чемодан. Санкт-Петербург: Азбука, 2023.
- Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: социолингвистический аспект. Москва: Наука, 1975.
- Чернов Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. Ученые записки 1-го МГПИИЯ, 1958.
- Dovlatov S. *La valise*. Genève: Éditions la Baconnière, 2020.

Andreeva, P. G.; Ulianitskaia, L. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

TRANSLATION OF SOVIET REALITIES IN S. DOVLATOV'S TALE "THE SUITCASE" INTO FRENCH

Various approaches to the concept of “reality” and “sovietis” are described and the classification of translation transformations proposed by V. N. Komissarov is also considered. The translation of Soviet realities in Sergei Dovlatov's story “The Suitcase” into French is studied. Particular attention is paid to the adaptation of some cultural and historical contexts typical of the Soviet era. Using examples from the text, the article illustrates the challenges and nuances of the translation work, and assesses how the chosen translation solutions affect foreign readers' perception of Soviet reality.

Soviet realities, translation transformations, direct translation, transliteration, lexicalization, S. Dovlatov's prose

УДК 81`25

П. И. Безбородова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

pauline.bezborodowa@yandex.ru

О. А. Преображенская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

mminsh@yandex.ru

КОННОТАТИВНОЕ СООТВЕТСТВИЕ ПЕРЕВОДНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ФАУНЫ

Рассматриваются сходства и различия коннотаций животных в русском, английском и французском языках. Изучается влияние культурных и лингвистических факторов на формирование оценочных оттенков посредством анализа коннотативных соответствий животных на примере фразеологии и художественных произведений.

Коннотативные соответствия, система языка, культурные традиции, фольклор, фауна

Термин «коннотация» происходит от латинских слов «con» (вместе) и «noto» (отмечаю, обозначаю) и выражает дополнительные смысловые компоненты, связанные с основным значением языковой единицы [Пелевина, 1983]. Коннотация включает в себя эмоциональные, оценочные или стилистические нюансы, которые закреплены в системе языка и выполняют экспрессивную функцию. Дополнительные значения передают отношение носителей языка к обозначаемым объектам или явлениям. Коннотации могут быть устойчиво связаны с определенным словом в сознании носителей языка.

Сопутствующие значения языковых единиц тесно связаны с культурными традициями, поскольку содержат ценности, образ жизни и мировоззрение народов мира. Культурная коннотация является интерпретацией денотативного значения в категориях культуры, благодаря чему служит индикатором принадлежности к определенной культурно-этнической группе [Федоров, 2002]. Коннотации воплощают историческую и этническую память, закрепляя ассоциативные признаки в семантике слов и фразеологических единиц.

Русские пословицы и поговорки богаты культурными коннотациями, которые отражают ценности и традиции народа. Одним из примеров культурной коннотации являются антропоморфные образы.

Лексико-семантическое поле «фауна» представляет собой совокупность слов, объединенных общим семантическим признаком — отношением

к животному миру. Данная система включает не только названия животных, но и слова, связанные с их поведением, средой обитания и другими аспектами, а также охватывает метафорические и переносные значения.

В русской литературной традиции, особенно в баснях и сказках, антропоморфные образы служат инструментом передачи культурных ценностей, социальных стереотипов и нравственных уроков. Животные-персонажи (волк, лиса и медведь) наделяются устойчивыми коннотациями, которые формируются под влиянием фольклора, мифологии и исторического контекста. Эти коннотации содержат восприятие животного мира и кодируют сложные человеческие качества, впоследствии становясь универсальным средством аллегории.

Образ лисы в русском фольклоре и литературе воплощает ум, изворотливость и лесть. Данное утверждение прослеживается и в творчестве И. А. Крылова. Так, в басне «Ворона и Лисица» лиса при помощи лести обманывает ворону, демонстрируя не только хитрость, но и глубокое понимание человеческой психологии: «Голубушка, как хороша! Ну что за шейка, что за глазки!» [Крылов, 2015].

Образ лисы в русских сказках и баснях редко сводится к одномерной оценке. В народных сказках «лиса-плутовка» («Лиса и Волк») одновременно вызывает восхищение изобретательностью и осуждение ее аморальности. Эта двойственность отражает культурную амбивалентность: ум ценится, но не в ущерб честности.

В английском языке лиса (fox) традиционно ассоциируется с хитростью (cunning) и изворотливостью. Подобное значение встречается в идиомах: *sly as a fox* («хитрый как лиса») или *outfox someone* («перехитрить»).

Во французском языке лиса (renard) глубже укоренена в литературной традиции. Лексема «renard» происходит от имени персонажа средневекового «Романа о Лисе» («Roman de Renart»). В произведении лис Ренар представляется хитрым проказником, использующим изощрённые уловки (ruse), а не просто обман. Проявляется это в выражении *rusé comme un renard* («хитрый как лиса»), где «ruse» подразумевает интеллектуальное превосходство. В отличие от английского, во французской культуре лиса чаще воспринимается как благородный обманщик.

Как русская, так английская и французская лингвокультуры связывают лису с интеллектуальным превосходством и способностью манипулировать. Во всех случаях коннотации включают амбивалентность: хитрость как сила и порок. Однако в русском и английском языках подчеркивается прагматическая хитрость, во французском — изобретательность (ruse) как форма

искусства. Французский и русский образ лисы теснее связан с литературной традицией, английский большее отношение имеет к фольклору.

Медведь в русской традиции ассоциируется с физической силой, грубостью и властью над природой, что коренится в мифологических представлениях о нем как о «хозяине леса». В произведениях Крылова медведь часто становится воплощением неповоротливой силы: в басне «Квартет» «косолапый мишка» символизирует некомпетентность и неумение работать в коллективе. Однако его образ также несет архетипическую связь с русским национальным характером — сочетание добродушия и опасной необузданности.

Во фразеологии медведь часто маркирует негативные качества, например, в выражении «медведь на ухо наступил» (об отсутствии музыкального слуха) или «деревенский медведь» (о неотесанном человеке). Подобные коннотации восходят к древним поверьям, где медведь воспринимался как существо, близкое человеку, но олицетворяющее жестокость.

В английском языке медведь (bear) ассоциируется с физической силой (strength) и грубостью. Идиомы *strong as a bear* или *bear hug* подчеркивают характеристики мощи и неуклюжести. В переносном смысле медведь может символизировать угрозу: *a bear market* — «медвежий рынок». Данный фразеологизм описывает падение акций, вызывая ассоциацию с разрушительной силой.

В пьесе У. Шекспира «The Winter's Tale» медведь описан как символ дикой, неконтролируемой природы:

But, first, how the poor souls roared and the sea mocked them, and how the poor gentleman roared and the bear mocked him, both roaring louder than the sea or weather [Shakespeare, 2017].

«Несчастливые души ревели, а волны хохотали над ними... И бедный дворянин все ревел, а медведь издевался над ним и оба ревели, страшнее, чем волны и буря» [Шекспир, 2019].

Во французском языке медведь (ours) несет коннотацию мощи (puissance), которая включает не только физическую силу, но и авторитет или влияние. Выражение *fort comme un ours* (сильный как медведь) акцентирует выносливость, а в историческом контексте медведь был символом королевской власти — герб города Берн. Лексема «ours» во французском сленге означает «неуклюжий человек», что ближе к английскому восприятию. Однако в отличие от английского, французский медведь не ассоциируется с финансовыми терминами, у него преобладает позитивная символика силы, связанная с природой и традициями, так же, как и в русском языке.

Сравнение коннотаций животных в русском, английском и французском языках выявляет как сходства, так и различия, обусловленные культурными,

историческими и лингвистическими факторами. Все три языка связывают медведя с физической мощью, и во всех случаях присутствует коннотация нелепости и неповоротливости. Однако различия между русским, английским и французским характеристиками животного существенным образом влияют на его семантику.

Английский акцент на угрозе в отношении медведя, как в термине *bear market*, резко отличается от французской направленности на авторитет и исторические геральдические коннотации. Французское слово «*puissance*» включает в себя политико-культурные оттенки, тогда как английское «*strength*» более универсально и не несет подобных нюансов. В свою очередь для русской культуры характерна коннотация добродушия, отсутствующая в других языках. Различия в коннотативных соответствиях отражают разные культурные и исторические контексты, в которых эти слова использовались.

Культурные истоки различий глубоко укоренены в литературном наследии. Французские коннотации денотата «лисы» (*renard*) уходят корнями в средневековый эпос, где хитрость была формой выживания в феодальном обществе.

Напротив, английские ассоциации связаны с сельским фольклором, где лиса – вор, угрожающий фермерам. Подобные нюансы передают восприятие хитрости в разных культурах: во Франции данное качество свидетельствует об интеллекте, в Англии однозначно осуждается. В русских сказках лисица является воплощением хитрости и коварства: обманывает ради собственной выгоды, пытается вызвать к себе доверие или разжалобить, льстит и ворует.

Значительную роль также играет исторический контекст. Во Франции медведь (*ours*) был символом королевской династии Меровингов, что усилило его связь с властью и авторитетом. В Англии образ медведя сохранил «дикую» коннотацию из-за раннего исчезновения медведей как части фауны, в связи с чем его воспринимали как угрозу. В русской культуре медведь имеет исключительную важность. Образ медведя связывали с богом Велесом – богом мертвых и с образами «низшей славянской демонологии» – лешим и оборотнем. Изображение хищника использовано на гербах семи российских городов. Ни на одном из них медведь не показан как агрессивный зверь. В основном животное символизирует хранителя спокойствия и природное богатство городов.

Языковые особенности также способствуют различиям в коннотациях. Английский термин «*cunning*» имеет негативный оттенок, тогда как французское «*ruse*» ближе к «стратегической изобретательности». Французское «*puissance*» шире английского «*strength*», включая политическое и социальное влияние.

Таким образом, лексический фон рассмотренных номинаций имеет большое значение для перевода и межкультурной коммуникации. Перевод «ruse» как «sunning» теряет нюанс интеллектуального превосходства, а английское «bear market» требует описательного перевода на французский («marché baissier»). Французская лексема «renard» скорее относит к средневековому эпосу, тогда как английское «fox» вызывает ассоциации с народными сказками.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. М.: КДУ, 2004.
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС. 2001.
- Крылов И. А. Полное собрание басен. М.: Просвещение, 2015.
- Пелевина Н. Ф. Коннотация и контекст // Вопросы семантики: Сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1983. С. 83–88.
- Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Филология три, 2002.
- Шекспир У. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2019.
- Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare. London. Wordsworth, 2017.

Bezborodova, P. I.; Preobrazhenskaya, O. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

THE CONNOTATIVE CORRESPONDENCE OF TRANSLATED EQUIVALENTS OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD OF FAUNA

The article examines the similarities and differences between animal connotations in Russian, English and French. The influence of cultural and linguistic factors on the formation of evaluative shades is studied by analyzing the connotative correspondences of animals using the example of phraseological units and literature.

Connotative correspondences, language system, cultural traditions, folklore, fauna

УДК 811.111; 81'373

Н. В. Денисова

Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID 0000-0001-5749-2446

n.denisova@spbu.ru

Е. А. Кованова

Санкт-Петербургский государственный университет

e.kovanova@spbu.ru

GLORIUMPTIOUS BLENDS: СЛОВОСЛИЯНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящее исследование посвящено достаточно продуктивной для английского языка словообразовательной модели — словослиянию. Рассматриваются различные подходы к словослиянию, стилистический потенциал и прагматика этого типа словообразования. Проводится анализ слов-слитков, вошедших в Оксфордский словарь в 2020-2024 гг.

Словослияние, блендинг, слова-слитки, лингвокреативность, ономастика, Оксфордский словарь, неологизмы, узус

В зарубежной лингвистической литературе возникновение контаминации/словослияния/телескопии/слов-бумажников часто связывают с именем Льюиса Кэрролла, однако, отмечаются и более ранние случаи слияния слов. Так, например, можно встретить бленд *nobodaddy* (← *nobod*[y]+*daddy*, 1793 г.) у У. Блейка и *snivelization* (← *snivel*+*[civi]lization*, 1849 г.) у Г. Мелвилла [Lahlou, Ho-Abdullah, 2012, p. 14]. В текстах Л. Кэрролла слова-бумажники (*portmanteau words*) – это яркое проявление языковой игры, лингвокреативности, которая представляет собой отличительную черту английской поэзии нон-сенса (Э. Лир, С. Миллиган) и произведений для детской аудитории (Р. Даль, С. Батлер, К. Коуэлл и др.). В художественной литературе словослияние позволяет одновременно заполнить языковую лауну и создать образный и запоминающийся неологизм, отражающий особенности сказочного мира или идиостилевые характеристики персонажа (*gnomad* ← *gnom*[e]+*nomad*, *Trogmanay* ← *tro*[ll]+*[H]ogmanay*; *gloriumptious*, *delumptions* ← *glori*[ous]/*del*[icious]+*[scr]umptions*).

Помимо художественной литературы, явление словослияния широко распространилось в цифровой коммуникации, где часто используется при образовании блендов-онимов для именованя так называемых «суперпар»

(*Brangelina* ← *Bra[d] Pitt+Angelina Jolie*, *TomCat* ← *Tom Cruise+Kat[ie] Holmes*, *Krunt* ← *John Kr[asinsky]+Emily [Bl]unt*) (подр. см. [Денисова, Кованова, 2023а]). Подобные имена могут создаваться журналистами (*Brangelina*, *Bennifer* ← *Ben Affleck+[J]ennifer Lopez*), фанатами (*Timbertrick* ← *Justin Timber[lake]+Chris [Kirkpa]trick*) или самими знаменитостями (*Krunt*; *Jedward* ← *J[ohn]+Edward* – сценический псевдоним братьев *Grimes*).

Особо стоит отметить явление шипп(ер)инга в блогосфере, тесно связанного с понятием «фанфика». Стремление фанатов видеть героев популярных фильмов, сериалов и книжных эпопей романтической парой приводит к появлению онимов, часто образованных словослиянием: *Dramione* ← *Dra[co]+[Her]mione*; *Duna* ← *D[ean]+[L]una* (подр. см. [Денисова, Кованова, 2023b]).

В медиа встречаются и крайне интересные случаи образования слов-слитков, имеющие четкую прагматическую направленность. Приведем два примера. Первый – появление бленда *McConaissance* (←*McCona[ughey]+[re]naissance*). По утверждению актера Мэттью Макконахи, это слово он придумал сам и «скормил» журналисту во время промо-тура фильма «Мад» в 2012 году: “*it was some self-marketing*” [IndieWire, 21/04/2023]. Возможно, Макконахи не предполагал, что его неологизм разойдется настолько широко и поможет ему «перезапустить» карьеру в кино, способствуя смене амплуа героя-любownika. Сегодня неологизм фактически вошел в узус, и кинолюбители обсуждают на форуме Reddit, кто из актеров сейчас испытывает возрождение карьеры: “*Ten years ago we had the Matthew McConaissance. I believe we are currently living in the Nicolas CAge of Enlightenment”*; “*Who will be the next actor/actress to experience a McConaissance?*”; “*What are some examples of actors who revitalized their career? Is their anybody you wanna see have their own “McConaissance”?*”.

Второй яркий пример – это якобы случайное появление бленда *Barbenheimer* в связи с одновременным выходом на большой экран двух голливудских блокбастеров в июне 2023 г.: *Barbie* Греты Герwig и *Oppenheimer* Кристофера Нолана. Представляется, однако, что появление неологизма могло быть частью рекламной кампании, построенной на маркетинговой стратегии контрпрограммирования, использующейся для большего охвата нецелевой аудитории. В результате возникло огромное количество интернет-мемов, а Эмили Блант и Райан Гослинг, исполнители ролей, спорили о «правильном» порядке следования элементов названий фильмов на церемонии вручения премии Оскар. За первые месяцы проката появились и другие бленды, связанные с «двойной премьерой»: *Kenergy* (← *Ken+energy*), *Kenough* (← *Ken+enough*), *Kenaissance* (← *Ken+[re]naissance*), *Kensplaining* (← *Ken+[e]xplaining* –

упомянуто Эмили Блант на церемонии), *OppenHomies* (← *Oppenh[eimer] + Homie(s)*). Любопытно, что «эффект Барбенхаймера» настолько пришелся публике по вкусу, что двойная премьера фильмов *A Complete Unknown* и *Nosferatu* (в США оба фильма вышли 25 декабря 2024 г.) тоже получила название-слиток: *A Complete Un-Nosferatu*, однако повторить популярность предшественника ему не удалось.

Безусловно, цифровая коммуникация способствует более широкому распространению запоминающихся слов-слитков, характерных для разговорной нормы второго уровня: наиболее продуктивной эта модель словообразования будет в области разговорных неологизмов (*adorkable* ← *adorable+dork*; *smize* ← *smi[le]+eyes*), профессионализмов (напр., в клинической токсикологии: *poisontation* ← *poison+[represe]ntation*; *toxanthem* ← *tox[ic]+[e]xanthem* (подр. см. [Meehan, 2014]), сленга (*coronasplaining* ← *corona[virus]+[e]xplaining*; *ronavation* ← *[co]rona+[reno]vation* (подр. см. [Денисова, Кованова, 2022])). В этих стилистических слоях лексики словослияние будет конкурировать со словосложением, усечением и аббревиацией, в целом составляя не менее 12-15%, а то и больше 50% от всех новообразований (см., напр. [Yamane, 2021]). В широкий узус попадают лишь немногие, что, безусловно, связано с частой обновляемостью состава указанных выше лексических подсистем; надолго же приживаются лишь единицы.

Как отмечают исследователи, слова-слитки появляются в результате необходимости (*necessity*) [Nordquist, 2019], в соответствии с законами формальной редукции и языковой экономии (*economy*) и при этом могут быть порождены как намеренно (*intentional*) [Gries, 2006], так и, изредка, ненамеренно (*spontaneous*), даже вследствие речевой/орфографической ошибки (*disruption* ← *destruction+disruption*; *sombriety* ← *somberness+sobriety*) [Adams, 2001].

Как было отмечено выше, узуализация неологизмов, образованных с помощью словослияния, происходит реже, чем может показаться. Об этом, в частности, свидетельствует проведенный авторами настоящего исследования анализ списков слов, вошедших в Оксфордский словарь в период с 2020-го по 2024-й годы. По данным словаря, если учитывать только те лексеммы, которые сам словарь определяет как бленды, такие случаи составляют всего 0,5% от общего числа слов, вошедших в словарь в этот период, или 17 из 3398 лексем. Однако, при ближайшем рассмотрении, сюда могут войти и другие слова – не менее 42, что составит уже 1,24%. Это связано прежде всего с тем, что границы понятия «словослияние» в современной лингвистике достаточно размыты.

Так, можно выделить более узкое и более широкое понимание термина «словослияние». При первом подходе учитываются только слова, образующиеся при обязательном сокращении «соприкасающихся» частей (или части одного из) слов, участвующих в производстве новой лексемы (*humidex* ← *humid[ity]+[in]dex*, *anecdota* ← *anecd[otal]+data*), при этом итоговая единица должна удовлетворять ряду условий [Bat-El, 2006, p. 66-70]. При более широком подходе к словам-слиткам относят и случаи слияния двух начальных относительно произвольных компонентов слов (*incel* ← *in[voluntary]+cel[libate]*; *hazmat* ← *haz(ardous)+mat(erial)*) [Mattiello, 2019]. Последние ряд исследователей также относит к сложносокращенным словам (*clipped compounds*; например, *eco-anxiety*, в котором формант *eco-* – регулярное сокращение, определяющееся в Оксфордском словаре как “combining form”) и слоговым аббревиатурам (*syllabic abbreviations*; например, *comsec* ← *communications security*, *Vo-Tech* ← *vocational technician*). Помимо этого, к сложносокращенным относят и те случаи, когда сокращению подвергаются слова, уже являющиеся сложными (*sitcom* ← *situation comedy*, *zom-com* ← *zombie comedy (comp.n.)*). Следует также отметить, что ряд исследователей проводит границу между относительно произвольными частями «истинного» бленда и так называемыми частотными «осколками основ» (*frequent blend splinters*, напр., *-tainment*, *-tarian*, *-bot*), частотными компонентами сложного слова (*combining forms*, напр., *-gram*, *tele-*, *eco-*, *thermo-*, *-tropic*) и регулярными «аффиксоподобными» формантами в сложных словах (*secreted affixes*, напр., *-holic*); однако, со временем при воспроизводимости «осколки» могут перейти в разряд частотных формантов и аффиксов [Mattiello, 2019]. Еще один широкий подход предполагает учет лексем, созданных с помощью регулярных сокращений/аффиксов и части основы слова (напр., *e-linquent* ← *e-(prefix/comb.form)+(de)linquent*) [Beliaeva, 2014, p. 33].

Таким образом, количество выявленных примеров слов-слитков будет напрямую зависеть от принятой трактовки границ исследуемого феномена. Анализ слов, которые сам Оксфордский словарь определяет как бленды, показывает, что все они действительно образованы от произвольных частей слов-доноров, причем в основном с помощью фузии, т.е. происходит наложение или контаминация соседствующих частей итогового бленда: *adorkable* ← *adorable+dork*, *foofy* ← *f[luf]fy+[p]oofy*, *humidex* ← *humid[ity]+[in]dex*, *coden* ← *code+[i]den[tifier]*, *craftivist* ← *craft+[ac]tivist*, *schlocky* ← *schlock[y]+[h]ockey*, *athleisure* ← *athle[ti]c+leisure*, *cucamelon* ← *cucu[mber]+melon*, *anecdota* ← *anecd[otal]+data*, *dramality* ← *dram[a]+[re]ality*, *glamazon* ← *glam[our]+[Am]azon*, *seggae* ←

seg[a]+[reg]gae, *confuddle* ← *con[fuse/found]+fuddle/[be]fuddle*, *sharenting* ← *share+[p]arenting*, *zippie* ← *zip+[hip]pie*. Исключения составляют лишь два слова: *brinicle* ← *brin[e]+[ic]icle* (амальгамация) и *vote-a-rama* ← *vote[r]+a+rama*. В последнем случае отнесение лексемы к бленду не вполне последовательно, поскольку в качестве одного из этимонов выступает формант *-rama*, определяемый как “combining form”; в остальных случаях подобные образования всегда трактуются словарем как словосложение (например, схожее по структуре слово *blockorama* ← *block+[pan]orama*, *-orama* – combining form). Таким образом, сам словарь определяет только приведенные в списке выше 17 слов как образованные словослиянием (blending).

Непоследовательность в определении словообразовательной модели Оксфордским словарем можно проиллюстрировать и другими примерами: уже упомянутое *seggae* (← *seg[a]+[re]ggae*), согласно словарю, образовано путем словослияния (blending), а *sheisty* (← *sh[it]+[ff]eisty*) – путем словосложения (compounding). Слово *pescaterian* словарь определяет как случай сложения итальянского заимствования *pesce* и английского *vegetarian*; однако *fishetarian*, при очевидной структурной и семантической схожести с предыдущей единицей, образовано уже путем деривации от *fish* и *vegetarian*. При этом форманта *-tarian* в словаре нет, хотя этот осколок вполне продуктивен и, как указывает Маттиэлло, имеет все шансы войти в словарь как частотный компонент сложного слова [Mattiello, 2019]. Аналогично, слова с менее частотными «осколками основ» типа *-scape* (*hellscape* ← *hell+(land)scape*, *brandscape* ← *brand+(land)scape*, *birdscape* ← *bird+[land]scape*) Оксфордский словарь трактует как случаи словосложения, в которых *-scape* представляет собой частотный компонент сложного слова, однако другие словари дают иные трактовки: деривация, где *-scape* – суффикс (Collins), словослияние (OxfordLanguages, YourDictionary). В случае с нижеприведенными, похожими на первый взгляд по структуре словами, трактовки словаря и вовсе разные: *birdicide* ← *bird+[hom]icide* – словосложение, где *-icide* – combining form; *bullycide* ← *bully+[sui]cide* – словосложение, где *suicide* – etymon; *femicide* ← *fem[ale]+[hom]icide* – заимствование в сочетании с *-icide* – combining form. В некоторых случаях Оксфордский словарь дает двойные трактовки: слияние и деривация для *foofy*, сложение и слияние для *coden*, слияние и искажение от *yippie* в случае с *zippie*.

Если взять за основу более широкое толкование феномена словослияния Н. Беляевой, то в исследуемых списках обнаруживается в два с половиной раза больше слов-слитков. Согласно Н. Беляевой, слиток – это лексическая единица, образованная путем слияния двух (или более) исходных слов, при

обязательном выполнении двух условий: 1) сохраняется только часть их графического и/или фонетического состава, и 2) итоговое слово не состоит из последовательности морфов [Beliaeva, 2014, p. 30]. Тогда в фокус исследования попадают такие любопытные единицы, как *skinship* ← *skin*+*kinship*, *fingle* ← *fin*[er]+[fa]ngle, *kitchenalia* ← *kitchen*+*[paraphern]alia*, *shero* ← *she*+*[h]ero*, *remoaner* ← *rem*[ainer]+*moaner* (фузия); *broadloid* ← *broad*[sheet]+*[tab]loid*, *shockvertising* ← *shock*+*[ad]vertising*, *soysage* ← *soy*+*[sau]sage*, *cuckservative* ← *cuck*+*[con]servative*, *Jewdar* ← *Jew*+*[ra]dar*, *Jewfro* ← *Jew*+*[A]fro*, *babyccino* ← *baby*+*[cappu]ccino* (амальгамирование) и ряд других, часто сопровождающихся стилистическими пометами типа *colloq.*, *slang*, *derog.*, *reg.*

Проведенное исследование наглядно показывает, что данная словообразовательная модель достаточно продуктивна для разговорного функционального стиля современного английского языка и обладает коннотациями, что отражается в стилистических пометах, если слово-слиток входит в узус. Большая часть разговорных неологизмов-слитков принадлежит к области слэнга, для которого характерна частая обновляемость лексического состава, поэтому фокусные исследования слитков-слэнгизмов показывают высокую продуктивность этой словообразовательной модели, однако обращение к словарю дает совершенно иные результаты: продуктивность модели в целом не очень высока, если говорить об узусе. Кроме того, границы понятия «словослияние» настолько размыты, что не только разные словари дают взаимоисключающие трактовки способа словообразования лексем, но и в рамках одного словаря встречаются крайне спорные случаи определения этих способов. Следует отметить, что словослияние, помимо яркой стилистической окрашенности (экспрессивность, оценочность), характеризуется высокой степенью лингвокреативности и отвечает принципу языковой экономии, часто заполняя лакуны, существующие в языке. Как было отмечено выше, слова-телескопы позволяют выполнять и ряд прагматических задач (рекламные кампании) благодаря необычной и запоминающейся форме.

ЛИТЕРАТУРА

- Денисова Н. В., Кованова Е. А. Неология эпохи коронавируса: сравнительно-сопоставительное исследование русских и английских неологизмов шутливо-иронического характера / Актуальные проблемы языкознания. 2022. Т. 1. № 1. С. 143–149.
- Денисова Н. В., Кованова Е. А. (2023а) Суперпары и суперимена: о чем говорят бленды-онимы? / LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14-21 марта 2023 г. Сборник тезисов. Санкт-Петербург, 2023. С. 793–794.

- Денисова Н. В., Кованова Е. А. (2023b) Шипперинг как лингвокогнитивный феномен: английские онимы-бленды в блогосфере / Актуальные проблемы языкознания. 2023. Т. 1. № 1. С. 171–177.
- Adams V. Complex words in English. Oxfordshire: Taylor and Francis, 2001. 184 p.
- Bat-El Outi. Blends. In: Brown Keith (Ed.), Encyclopedia of Language and Linguistics, Oxford: Elsevier, 2006. Pp. 66–70.
- Beliaeva N. A study of English blends: From structure to meaning and back again. Word Structure 7, 2014. Pp. 29–54.
- Gries S. Shouldn't it be breakfunch? A quantitative analysis of blend structure in English. Linguistics, 42(3). 2006.
- IndieWire, 21/04/2023. URL: Matthew McConaughey Coined the Term 'McConaissance' (дата обращения: 16.03.2025).
- Lahlou H., Ho-Abdullah I. A Cognitive Approach to Compounds and Blends. Lambert Academic Publishing. 2012.
- Mattiello E. A corpus-based analysis of new English blends. Lexis [Online], 14 | 2019, Online since 16 December 2019. URL: <http://journals.openedition.org/lexis/3660> (дата обращения 16.03.2025).
- Meehan T. J. Wordsmithing in Medical Toxicology: A Primer on Portmanteaus / West J Emerg Med. 2014 Jul;15(4). Pp. 558–560.
- Nordquist R. What Are Word Blends? 2024. Электронный ресурс. URL: <https://www.thoughtco.com/blend-words-1689171> (дата обращения: 16.03.2025).
- Yamane K. Sannies and Locktails: A Semantic Study of Coronavirus Slang. 2021. URL: <https://nara-u.repo.nii.ac.jp/record/694/files/AN00181569-20210100-1005.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).

Denisova, N. V.; Kovanova, E. A.

Saint Petersburg State University

GLORIUMPTIOUS BLENDS IN MODERN ENGLISH

The present paper addresses blending, a productive word-building pattern in modern English. Blends are stylistically marked, expressive, and catching to the eye and ear, which makes them a perfect choice for a catch-phrase or a slogan. They often serve to fill in a language gap, but seldom make it to the dictionary. Most scholars disagree on the distinction between blends and other morphological categories, such as clipped compounds, which is attested by the present study of the new entries in the Oxford English Dictionary during the period of 2020-2024.

Blending, portmanteau words, language creativity, onomastics, Oxford English Dictionary, neologisms, usage

УДК 81:008

О. М. Журавлёва

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0003-1421-8783

omzhuravleva@etu.ru

КУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК УГРОЗА УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Культурные реалии, являясь безэквивалентной лексикой, вызывают затруднения при переводе, для их адекватной интерпретации требуется адаптация, которая бы сохранила стилистическую и эмоциональную составляющую, а смысл был бы передан таким образом, чтобы сообщение одинаково воспринималось на языке оригинала и перевода. Трудности также неизбежны, если реалии трансформировались со временем, и по этой причине могут быть неверно истолкованы самими же носителями культуры. В результате именно наличие культурных реалий в различных текстах может помешать достижению коммуникативной цели.

Национально-специфическая лексика, культурные реалии, перевод, трансформация культурных ценностей, коммуникация, коммуникативная цель

Культуры как феномен существуют во времени и пространстве. С точки зрения размещения в пространстве современная лингвокультурная карта мира достаточно пестрая, при контактах между культурами задействуются все коммуникационные каналы, а интерпретация получаемой информации происходит при посредничестве переводчиков, которые становятся полноправными субъектами межкультурной коммуникации. Кроме того, каждая культура имеет свою историю, а события прошлого отражены в источниках, как документальных, так и в художественных, не только язык которых претерпел определенные изменения, но и значение привычных лексических единиц, и теперь эти материалы также требуют перевода и осмысления.

В процессе устной и письменной, межличностной и массовой коммуникации как внутри одного сообщества, так и при взаимодействии нескольких лингвокультур для достижения коммуникативной цели необходимо правильно интерпретировать полученную информацию. Диалог лингвокультур реализуется при помощи перевода, адаптации или локализации в зависимости от его содержания и цели. Особенно сложными при переводе оказываются специфические для конкретной культуры элементы – реалии, адекватная

интерпретация которых на язык перевода зависит от таланта и знаний переводчика. Неоднозначной бывает и интерпретация значения реалий более ранних эпох своей же лингвокультуры, поскольку со временем происходит смещение значения лексических единиц, его расширение или, наоборот, сужение. Носители культуры иногда испытывают затруднения в правильной интерпретации таких единиц. Стремление же понять их значение представителями иной культуры, еще более затруднительно.

По справедливому наблюдению Е. А. Стучинской, результатом неверной интерпретации реалий становится непонимание «смысловой, эмоциональной или прагматической стороны содержания текста» [Стучинская, 2016, с. 132]. Следовательно, только обладая знаниями о культурном контексте, в котором возник текст (в самом широком его понимании), появляется шанс точно передать его смысл. Переводчик, таким образом, становится посредником между оригиналом (первичной информацией) и результатом (интерпретированной информацией).

При передаче реалий в переводе представляется наиболее применимой одна из концепций, указанных Л. К. Латышевым – концепция динамической (функциональной) эквивалентности, которая заключается в «достижении совпадения реакции читателя исходного текста – носителя исходного языка, и читателя перевода – носителя языка перевода» [Латышев, 1989, с. 9]. Художественные произведения с точки зрения насыщенности реалиями значительно более сложные для перевода по сравнению с иными текстами. Вне зависимости от того, насколько реалистично повествование, оно, так или иначе, связано с тем миром, в котором живет автор, создавший его, поскольку автор создает текст, находясь под воздействием окружающего мира. По наблюдению Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина «любой художественный текст – материальный объект реального мира и в то же время содержит в себе отображаемый художественными средствами и эстетический освоенный мир реальности» [Бабенко, 2003, с. 31]. Восприятие реальности становится значимым фактором для автора, который привносит в текст образы в соответствии со своими эстетическими предпочтениями.

В случае передачи реалий, известных в лингвокультуре, к которой принадлежит автор текста, и отсутствующих в культуре, на язык которой осуществляется перевод, сохраняется возможность применить описательный перевод, охарактеризовать явление, которое, даже при отсутствии его в культуре-реципиенте, можно объяснить. Значительно сложнее передать значение таких феноменов прошлого, которые не существуют не только в культуре-

реципиенте, но и в современном мире. Поиск близких по значению образов может оказаться непродуктивным, а выбранная лексическая единица неверной.

По справедливому и тонкому наблюдению Ю. М. Лотмана «культура вечна и всемирна, но при этом всегда подвижна и изменчива» [Лотман, 2021, с. 10]. Реалии, существующие в определенной культуре в определенный момент времени, подвергаются трансформации при пересечении двух «барьеров» – временного и пространственного, некоторым из них предстоит пересечь оба барьера, чтобы реализовать коммуникативную цель и быть правильно интерпретированными в современном сообществе. Ошибочная интерпретация будет означать коммуникативный провал.

Трансформация во времени

М. Пастуро, анализируя средневековые источники европейского происхождения, подробно описывает трансформацию, произошедшую с образом кабана в период раннего средневековья: животное, которым восхищались римские охотники, кельтские друиды и германские воины, к XI в. попадает в дьявольский bestiary, а к XIII в. стало ассоциироваться с шестью из семи смертных грехов [Пастуро, с. 74–77]. При этом описания данного животного мало чем отличались, но произошла переоценка ценностей, и вызывавшие восхищение качества приобрели негативный (и даже infernalный) оттенок. Столь существенное смещение ценностей средневекового общества, характерное для нескольких европейских культур, проявилось в письменных источниках, изображениях, повсеместно воздействуя на восприятие современников. Поэтому при анализе лексических единиц, в которых реализуется образа кабана, важно правильно установить время происхождения источника, чтобы достичь коммуникативной цели – соотнести его упоминание, изображение или символический образ с качествами положительными или отрицательными.

Трансформация значения характерна как для лексических единиц, связанных с определенным образом, так и для любых объектов. Их описание также может встречаться в разнообразных текстах. Невербальной реалией является любой специфичный для культуры артефакт. Его правильная интерпретация не менее значима. Например, изображение человека в яркой цветной одежде четко соотносилось с его социальным статусом. Дороговизна красителей ткани являлась причиной того, что только богатые представители общества могли себе позволить яркие цветные одежды. Однако увеличение объемов торговли позднее сделало цветные ткани более доступными, и тогда, с целью выделиться, знать предпочла изменить цветовую гамму в одежде, выбирая светлые оттенки: розовый, голубой, жемчужный [Махиня, 2021]. Неверная интерпретация

социального положения, несомненно, скажется на создании правильного образа и, в итоге, коммуникативная цель сообщения не будет достигнута.

Примером, непосредственно связанным с лексическим компонентом, является процесс перевода Библии на национальные языки. Так, текст Библии на английском языке, хотя и понятный лексически, оказалось со временем затруднительно воспринимать из-за недопонимания содержания, использованных образов. Проблема была решена на основе принципа, сформулированного Ю. Найда, американским лингвистом, поставившем во главу угла простоту и ясность, однозначность использования лексики. Благодаря ему с начала XX в. предпочтение стали отдавать методу «динамической эквивалентности» [Гончарова, 2023, с. 24], уже упоминавшемуся в связи с именем отечественного лингвиста Л. К. Латышева. В результате устаревшие образы были заменены на привычные и понятные. Тот же принцип принят и в современных переводах Библии на русский язык. В обоих языках дословный перевод, предпочтение которому отдавалось до к. XIX в., хотя и выполненный на национальном языке, не может в силу затрудненного понимания достичь коммуникативной цели первоисточника.

Трансформация в пространстве

Яркий пример коммуникативного провала из-за лексического недопонимания приводит Ю. М. Лотман: во время чтения смолянкам «Евгения Онегина» строки о гардеробе Онегина с перечислением таких предметов одежды как «панталоны, фрак, жилет» вызывали у девушек смущение, поскольку панталоны воспринимались ими исключительно как предмет женского нижнего белья [Лотман, 2021, с. 105]. Заимствованное слово оказалось неправильно понятым, в то время как во французском языке обозначало мужские брюки. Читая произведение в переводе, например, на английский язык, читатель и XIX в., и даже XXI в. не усомнился бы в значении, поскольку лексическая единица «pantaloons» по-прежнему используется в значении «брюки».

При переводе произведений XX или XXI в., особенно художественной литературы, от переводчика могут потребоваться глубокие знания в равной степени культуры, экономики, политики разных стран. В качестве иллюстрации можно привести фразу из романа Дж. Арчера «Первый среди равных»: «I've been invited to join the front-bench team to cover Housing and Local Government» [Archer, 1984]. Из контекста переводчик узнает, что речь идет о Парламенте, а фоновые лингвокультурные знания о том, что первую «скамью» в палате общин всегда занимают министры, позволят правильно передать смысл словосочетания «the front-bench team», чтобы читатели поняли, что герою романа выдали министерский портфель. В романе американского писателя

Д. Брауна, из-за использования в качестве фона описываемых событий президентской предвыборной кампании также много реалий, и их интерпретация напрямую связана с кругозором переводчика. Так, например, указание на обувь президента «L. L. Bean hiking boots» [Brown, 2002, с. 34] имеет важный подтекст, и перевод «массивные тяжелые ботинки, как у туриста» хотя и раскрывает полностью особенности обуви, тем не менее, не создает у читателей восприятия, аналогичного коммуникативной цели оригинала. Важно, что это известный американский производитель, хорошо узнаваемый, и этот элемент одежды позволяет президенту продемонстрировать, что он отдает предпочтение отечественному производителю, что, по сюжету романа, должно было сказаться на его рейтинге.

Таким образом, при переносе реалий – явлений, артефактов, характеристик – очень важно, в первую очередь, понять причину их использования автором, определить коммуникативную цель, и только после этого создать эквивалентный текст на языке перевода, не только понятный, но, возможно, содержащий дополнительную информацию.

Трансформация в пространстве и во времени

При переводе произведения, относящегося к ушедшей эпохе, на иностранный язык происходит двойной перенос значения, кроме лингвокультурной адаптации требуется преодолеть разрыв во времени создания текста и его публикации на языке перевода.

Для иллюстрации хорошим примером могут послужить классические произведения. Большое количество разнообразных реалий, социальных, гастрономических, бытовых использовано Н. В. Гоголем в романе «Мертвые души». Это яркое и самобытное художественное произведение переводили на английский язык с XIX в. и переводят до сих пор. В одном из современных переводов, осуществленных Д. Дж. Хогарт (D. J. Hogarth) в 2001 г., лексема «крепостные» преобразуется то в «serving-men», то в «servants» [Gogol, 2001]. Этот вариант интерпретации специфичной для российской культуры социальной группы не позволяет читателю понять особенности и значение данной категории населения. Дополнение подчиненного положения полностью зависимых от своего помещика крестьян образом «службы» нельзя признать удачным.

Вне зависимости от того, в каких источниках встречаются реалии – исторических или современных, они ярко и образно характеризуют культуру, придают особый колорит эпохе, помогают лучше представить место действия и участников описываемых событий. Правильная интерпретация реалий с учетом места и времени, к которым они относятся, помогает понять содержание текста, позволяет достичь коммуникативной цели, поставленной его автором.

Ошибочное восприятие реалий, напротив, мешает пониманию, искажает смысл и значение содержания всего текста.

Реалии являются связующим звеном между конкретным источником, где они использованы, временем его создания и средой. Также и любой текст, любой художественный объект прочно связан с культурой, в том числе, за счет наличия в нем реалий. В связи с тем, что реалии могут со временем трансформироваться, необходимо учитывать данную особенность, интерпретируя их значение как для самой, претерпевшей изменения, культуры, так и для других. И только в этом случае удастся достичь коммуникативной цели, а состоявшуюся коммуникацию признать успешной.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста: Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2003. 495 с.
- Гончарова А. А. Из истории создания национальных переводов Библии (на примере английских и русских вариантов) // *Спутник высшей школы*. 2023. № 3(14). С. 20–28. DOI 10.55346/27825647_2023_3_20. EDN EGJXKE.
- Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). М.: Международные отношения, 1981. 246 с.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 544 с.
- Махиня Е. В., Петушкова Г. И., Коробцева Н. А. Историческая ретроспектива костюма, как культурного артефакта // *Костюмология*. 2021. №2. Т. 6. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/22IVKL221.pdf> (дата обращения 10.03.2025).
- Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: «Александрия», 2019. 448 с.
- Стучинская Е. А. Адекватность перевода реалий как актуальная проблема кросс-культурной коммуникации // *Наука. Университет*. 2016: Материалы семнадцатой международной ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и аспирантов, Новосибирск, 25 марта 2016 года. Новосибирск: Издательство Сибпринт, 2016. С. 129–132. EDN XAQVJP.
- Archer J. *First among equals*. London: Hodder and Stoughton, 1984. URL: <https://www.rulit.me/books/first-among-equals-read-648258-25.html> (дата обращения: 12.03.2025).
- Brown D. *Deception point*. NY: Pocket books, 2002. 558 p.
- Gogol N. V. *Dead Souls*. Translated by D. J. Hogarth, 2001. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1081/1081-h/1081-h.htm#link2HCH0002> (дата обращения: 10.03.2025).

Zhuravleva, O. M.

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

CULTURAL REALITIES AND THEIR TRANSFORMATION AS THE THREAT FOR SUCCESSFUL COMMUNICATION

Cultural realities as a part of non-equivalent vocabulary creates difficulties for translation. To interpret them adequately adaptation is needed in order to preserve stylistic and emotional aspects, and the sense to make perception of the original and translation equal. The troubles are also inevitable if the cultural realities have transformed with time, which is why they are surely not clear even for the representatives of the initial culture to say nothing about the alien culture. As a result the use of realities in texts can be the obstacle to reach communication goal.

Specific for culture lexical units, cultural realities, translation, transformation of cultural values, communication, communication goal

УДК 811.133.1

Е. Я. Никитина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0002-3680-5252

floriatosca@mail.ru

П. И. Кляркина

Санкт-Петербургский государственный университет

piko20012@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУСИЗМОВ ВНЕ РОССИЙСКОГО КОНТЕКСТА В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ

*В статье рассматривается использование ряда слов, пришедших во французский язык из русского (*niet, bérézina, apparatchik, stakhanoviste* и т. д.), в языке сайтов известных французских газет и журналов (*Le Figaro, Le Point, Paris Match* и т. д.) в контекстах, не связанных с российской действительностью. Описывается функционирование слова в контексте, предпринимается попытка выявить выходящие на передний план оттенки значения и коннотации по сравнению с языком-источником.*

Французский язык, заимствования, русизмы, советизмы, контекст

Тема взаимовлияния языков неизменно привлекает внимание исследователей. Словам русского происхождения во французском языке посвящены, среди прочих, масштабные работы Анохиной [2002] и Ивановой [2003]. Однако функционирование русизмов в современном французском языке изучено недостаточно.

Когда заходит речь о русизмах во французском и других западноевропейских языках, на ум прежде всего приходят слова, обозначающие специфические реалии русской жизни, не существующие в других странах: *samovar, balalaika, vodka, matriochka, kvas, izba* и т. д. Большинство этих слов, конечно же, используется в текстах, тематически связанных с Россией, однако существует ряд слов, которые в современном французском языке употребляются не только и не столько в российском контексте. Особенности функционирования этих лексем ученые уделяют гораздо меньше внимания, поэтому именно на них мы сосредоточимся в рамках данного исследования.

Эта группа слов представляет особый интерес, потому что при заимствовании зачастую меняется оттенок значения или коннотация слова. Так,

например, французское слово *oukase*, будучи примененным к России, означает то же, что русское «указ» (царский или президентский), но, будучи употребленным вне российского контекста, приобретает отрицательную коннотацию – «сумасбродное, безапелляционное приказание», исходящее от начальства, но необязательно от главы государства, например: *Le paradoxe, c'est qu'avec cette oukase, Disney nous prive de diffuser Le Voyage d'Arlo, un dessin animé qu'il produit et distribue* [Le Figaro]. В этом отрывке говорящий критикует нелепое требование компании «Дисней»; отметим неожиданное использование слова *oukase* в женском роде. Подробную историю освоения французским языком слова *oukaze* см. в [Степанюк, 2012].

Нейтральное русское «нет» дало во французском экспрессивное *niet*, означающее резкий отказ. В качестве наречия оно часто сопровождается демонстративом *c'est*, а в качестве существительного – артиклем: *Un LR à Matignon? Le niet de l'aile gauche de la macronie* [Le Point]; *Droit de vote des étrangers : le « niet » de Manuel Valls* [Le Figaro]; *« Macron n'est pas assez présent pour nous, mais Marine Le Pen, c'est niet »* [Le Figaro]; *Loi immigration : « Si le texte est détricoté à l'Assemblée nationale, ce sera niet »*, prévient Bruno Retailleau [Le Figaro].

Особняком стоит слово *bérézina* f, означающее, согласно определению словаря Ларусс: “Fam. Échec complet de quelque chose; défaite catastrophique de quelqu'un”. В отличие от большинства русизмов во французском, это слово не существует не только в других европейских языках, но и в русском, где присутствует только в виде имени собственного – названия белорусской реки Березины, переправа через которую в холодном ноябре 1812 г. стала началом разгрома Наполеоновской армии. На сегодняшних французских новостных сайтах можно встретить, например, такие заголовки: *Conseil national de la refondation: la Bérézina du président Macron* [Le Point]; *Après la bérézina de l'automne 2023, Sanofi rassure les marchés* [Le Figaro]; *Air France-KLM: les coulisses d'une longue bérézina* [Le Figaro]; *Jean-Louis Bourlanges: «La capitulation des gauches devant Mélenchon est une bérézina idéologique»* [Le Figaro].

Как мы видим, слово *bérézina* на новостных сайтах может писаться как с заглавной, так и со строчной буквы и сопровождаться как определенным, так и неопределенным артиклем; в последнем случае при нем может находиться прилагательное, и именно в этом случае позволительно говорить об окончательном превращении существительного *bérézina* из собственного в нарицательное. В большинстве примеров значение этого слова никак не связано ни с Россией, ни с Наполеоном: чаще всего оно употребляется в статьях о политике, но может также использоваться и в новостях об экономике, спорте и т. д. Впрочем, иногда нарицательное *Bérézina*, происхождение которого, вероятно,

известно большинству читателей, все же становится поводом для игры слов. Например, издание *Télérama* дает такой заголовок своей разгромной рецензии на фильм Ридли Скотта о Наполеоне: “*Napoléon*”, de Ridley Scott: *c’est la Bérézina*, а радиоведущий Лоран Дойч объясняет, что взятие Москвы Наполеоном было не такой уж «Березиной», как принято считать: *Lorant Deutsch: pourquoi la prise de Moscou par Napoléon n’était pas la bérézina qu’on croit* [RTL].

В XX в. лексика французского и других западноевропейских языков пополнилась за счет большого пласта советизмов, прежде всего обозначающих общественно-политические реалии, таких как *bolchévik*, *goulag*, *kolkhoze*, *koulak*, *léninisme*, *soviet* и т. д. Большая часть этих слов в современных французских СМИ употребляется для описания реалий СССР, однако такие советизмы, как *kalachnikov* или *trotskiste* могут также употребляться и вне российского контекста, поскольку автоматом Калашникова пользуются по всему миру, а на политическом поле Франции есть несколько партий, официально называющих себя троцкистскими.

Некоторые советизмы, преимущественно употребляемые при описании СССР, могут также использоваться для обозначения подобных явлений в других странах мира. Например, в статье издания *Le Point* об уйгурке, сбежавшей из китайского лагеря перевоспитания, этот лагерь называется *le goulag chinois*, а в статье о заключенной северокорейского трудового лагеря Ёдок в газете *Le Figaro* мы встречаем следующие выражения: *dans les goulags nord-coréens; Yodok, le plus grand goulag du pays; Yodok, un goulag dans une région montagneuse isolée au nord-est du pays*, которые свидетельствуют о том, что во французском языке существительное *goulag* стало исчисляемым и превратилось в синоним слова «(трудовой) лагерь», чего пока не произошло с русским словом *ГУЛАГ*, которое, в отличие от французского слова, до сих пор пишется заглавными буквами, хотя, возможно, не всем носителям русского известно, что это аббревиатура.

Упомянем также советизмы *politburo* (например *chinois*) и *intelligentsia*, который может обозначать интеллектуалов любой страны. Советизм *nomenklatura f* широко употребляется для неодобрительного обозначения правящей элиты той или иной страны: от Китая и Габона до Франции и Монако (например, *La nomenklatura monégasque entraînée dans la tempête Rybolovlev* [Le Figaro]).

Слово *apparatchik* довольно крепко укоренилось во французском политическом дискурсе и чаще всего употребляется в отношении французских политиков. Любопытна разница между использованием французского слова *apparatchik* и соответствующего русского слова. В русском языке слово «аппаратчик» имеет два значения: «человек, обслуживающий какие-либо аппараты»

и «управленец, функционер» (обычно с оттенком неодобрения). В российских интернет-изданиях, таких как РИА Новости или РБК, слово «аппаратчик» употребляется в обоих значениях, причем указанную во многих словарях отрицательную коннотацию наш материал не подтверждает: скорее наоборот, часто встречаются обороты типа «опытный аппаратчик», где коннотация явно положительная, например: «Глубоко верующий чиновник путинской эпохи, опытный аппаратчик, знакомый с президентом с начала 1990-х, адепт патриотического воспитания – РБК поговорил с коллегами и знакомыми нового главы Санкт-Петербурга Александра Беглова».

Французский язык заимствовал слово *apparatchik* только во втором значении. В 2017 г. вышла книга журналиста Ж.-Б. Форре *La république des apparatchiks*, где автор обрушился с критикой на многих французских политиков, в том числе на движение *En marche*, главой которого являлся президент Э. Макрон, говоря о нем следующим образом: *En Marche! est aussi une entreprise de recyclage d'apparatchiks*. В интервью изданию *Médiacités* (2018) автор книги сказал, что слово *apparatchik* вошло во французский политический дискурс 15–20 лет назад, имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию и обозначает людей, которые никогда ничем не занимались кроме политики [*Médiacités*].

Впрочем, иногда слово *apparatchik* может употребляться и вполне нейтрально, например: *Le sénateur de la capitale, 53 ans, a reçu le soutien d'Anne Hidalgo, la maire actuelle qui ne se représentera pas en 2026. Apparatchik du Parti socialiste, il espère décrocher l'investiture de son parti contre le député Emmanuel Grégoire* [*Le Nouvel Observateur*]. Бывший премьер-министр Франции Эдуар Филипп выбирает для своего романа *Dans l'ombre* такое эффектное начало: *Je suis un apparatchik. (...) L'apparatchik, c'est un guerrier qui sert un maître, un professionnel qui connaît son milieu, qui utilise ses armes, qui pare les coups qu'on veut porter à son patron*, где фактически уподобляет аппаратчика самураю, служащему своему господину [*Philippe, 2011*].

Любопытно, что слово *apparatchik* может употребляться во французском языке и в женском роде: вероятно, потому что продуктивный суффикс *-ik* во французском отсутствует, а созвучный ему суффикс *-ique* является суффиксом существительных женского рода, хоть и всегда неодушевленных (типа *politique, logique*); русское слово «аппаратчица» во французском языке не используется: *Cette posture, faussement confortable, est étrange. Elle renvoie l'image d'une apparatchik bien installée à la Mairie. Alors, qu'est-ce qu'Anne Hidalgo a voulu nous dire ici ?* [*Le Figaro*]; *C'est une femme de terrain, pas une apparatchik (...) et on a besoin de recréer ce lien entre le national et les territoires* [*Ouest-*

France]; *La députée afro-américaine aux cheveux courts frisés parfois teints en blond, toujours souriante, est une **apparatchik** appréciée par ses pairs démocrates au Congrès* [Paris Match].

Наконец, одними из самых интересных слов русского происхождения во французском языке являются существительное и прилагательное *stakhanoviste*. Это слово происходит от фамилии донецкого шахтера Алексея Стаханова, который в 1935 г. добыл за одну смену количество угля, соответствовавшее 14 нормам, что прославило его и положило начало стахановскому движению. В переносном смысле стахановцами иронично стали называть людей, работающих очень много. Примерно такое же толкование дает французскому существительному *stakhanoviste* словарь TLFi: *Fam. Travailleur, travailleuse qui fait du zèle; personne qui pratique une activité d'une manière excessivement intensive*. Однако реальное словоупотребление русских слов *стахановец* и *стахановский* и их французских аналогов значительно различается. Начнем с того, что в российских СМИ эти слова чаще всего используются в прямом значении, при изложении истории А. Стаханова; однако иногда можно встретить выражения типа *стахановские сроки* или *стахановский темп роста цен*, либо упоминание о том, что перед Новым годом весь коллектив фирмы превращается в стахановцев.

Французское существительное *stakhanoviste* употребляется гораздо чаще и в других контекстах. Очень часто эту характеристику журналисты дают творческим людям – актерам, режиссерам, композиторам и т. д., которые не просто много работают, а с большой частотой выпускают новую продукцию: *Sortis à un mois d'intervalle, Presence et The Insider représentent bien les deux jambes sur lesquelles chemine la filmographie du **stakhanoviste** Steven Soderbergh* [Libération]; *Son nouveau film, To Rome With Love, déçoit. **Stakhanoviste**, Woody Allen prend le risque de tourner en rond* [Le Figaro]; *Quentin Dupieux (...) ce **stakhanoviste de la comédie barrée et ultra-courte**, qui a réalisé six films ces quatre dernières années* [Le Figaro]. Впрочем, речь может идти не только о мире кино и театра: стахановцами французские журналисты окрестили и Джека Кеворкяна по прозвищу «доктор Смерть» (***Jack Kevorkian, stakhanoviste de l'euthanasie illégale*** [L'Express]), и спортсменку, занимающуюся греблей на каяке (***Pauline Guet, la kayakiste stakhanoviste*** [La République des Pyrénées]). Судя по выбору тем, подчас весьма серьезных, иронический компонент у существительного *stakhanoviste* в отличие от русского «стахановец» значительно приглушен или вовсе отсутствует.

Любопытно, что слово *stakhanoviste* иногда употребляется для характеристики людей, живших задолго до самого Стаханова. Так, Рембрандта газета Le Figaro называет *stakhanoviste de l'autoportrait*, Россини – *stakhanoviste de la note*, а

хирурга, повсюду сопровождавшего Наполеона и проведшего тысячи ампутаций, издание *Le Point* называет *notre chirurgien stakhanoviste*. Можно объяснить этот эффект утратой связи с этимологией, но возможно, дело в том, что в отличие от предыдущей группы примеров, контексты здесь явно иронические.

Прилагательное *stakhanoviste* неожиданно встретилось нам на страницах газеты *Le Figaro*, посвященных обзорам ресторанов: критик рассказывал о *cantine stakhanoviste* и *service stakhanoviste*, сетовал на *le côté un peu stakhanoviste au déjeuner* и даже упоминал *sushi stakhanoviste*. В этих случаях на первый план, по-видимому, выходит сема быстроты.

Таким образом, вопреки распространенному мнению русизмы в современном французском языке используются далеко не только для наименования реалий русской культуры. Целый ряд русизмов широко используется в языке современных французских интернет-изданий вне связи с российским контекстом. При этом, как мы попытались показать в рамках нашего исследования, функционирование этих лексем представляет собой весьма пеструю и очень интересную картину, требующую дальнейшего изучения на более широком материале.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохина Ю. О. Русская безэквивалентная лексика и стереотипы России (на материале французского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- Иванова Е. А. Русская лексика как источник пополнения французского словаря и дискурса XV-XX вв. (системно-функциональный аспект). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.
- Степанюк Ю. В. Аспекты освоения русизма "Oukase" во французском языке // Вопросы филологических наук. 2012. № 6. С. 23–38.
- L'Express. URL: <https://www.lexpress.fr> (дата обращения: 17.03.2025).
- La République des Pyrénées. URL: <https://www.larepubliquedespyrenees.fr> (дата обращения: 17.03.2025).
- Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr> (дата обращения: 17.03.2025).
- Le Nouvel Observateur. URL: <https://tempsreel.nouvelobs.com> (дата обращения: 17.03.2025).
- Le Point. URL: <https://www.lepoint.fr> (дата обращения: 17.03.2025).
- Libération. URL: <https://www.liberation.fr> (дата обращения: 17.03.2025).
- Médiacités. URL: <https://www.mediacites.fr> (дата обращения: 17.03.2025).
- Ouest-France. URL: <https://www.ouest-france.fr> (дата обращения: 17.03.2025).
- Paris Match. URL: <https://www.parismatch.com> (дата обращения: 17.03.2025).
- Philippe E., Boyer G. Dans l'ombre. 2011. URL: <https://www.editions-jclattes.fr/livre/dans-l-ombre-le-roman-qui-inspire-la-serie-evenement-sur-france-tv-9782709637077/> (дата обращения: 17.03.2025).
- Télérama. URL: <https://www.telerama.fr> (дата обращения: 17.03.2025).
- Trésor de la langue française infirmatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения: 17.03.2025).
- RTL. URL: <https://www.rtl.fr> (дата обращения: 17.03.2025).

Nikitina, E. Ya.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

Klyarkina, P. I.

Saint Petersburg State University

**USE OF RUSSISMS OUTSIDE THE RUSSIAN CONTEXT
IN THE LANGUAGE OF MODERN FRENCH INTERNET MEDIA**

The article examines the use of a number of words that came into French from Russian (niet, bérézina, apparatchik, stakhanoviste, etc.) in the language of the websites of well-known French newspapers and magazines (Le Figaro, Le Point, Paris Match, etc.) in contexts unrelated to Russian reality. The article describes the functioning of the word in context, and attempts to identify the foreground nuances of meaning and connotations in comparison with the source language.

French language, borrowings, Russisms, Sovietisms, contexts

УДК 316.723

В. А. Сулова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

varyabaka@gmail.com

О. М. Журавлева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0003-1421-8783

omzhuravleva@etu.ru

М. В. Веселова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0003-1330-1526

mvoroshnina@gmail.com

ХАРАКТЕРИСТИКИ И НАИБОЛЕЕ ЯРКИЕ ЧЕРТЫ СУБКУЛЬТУРЫ ОТАКУ В РОССИИ

В статье анализируются основные черты субкультуры отаку с точки зрения теории межкультурной коммуникации. При помощи методики включенного наблюдения, а также проведенного анкетирования характеризуются особенности их вербальной и невербальной коммуникации, стереотипы, мировоззрение.

Межкультурная коммуникация, субкультура отаку, японская культура, языковая картина мира, анкетирование

Общество делится на большое количество разных групп, для которых свойственно образование собственной культуры, то есть складывается определенная система ценностей и правил поведения. Таким образом внутри национальной или этнической культуры формируются более мелкие объединения – субкультуры. Это явление можно трактовать как систему адаптированных идей, норм, ценностей, идеалов господствующей культуры для некоторого социального меньшинства. Существование таких групп зачастую обусловлено определенной деятельностью, в процессе которой зарождается и изменяется присущий данной группе фундаментальный культурный пласт, при этом не отвергающий основную общепринятую культуру, а дополняющий ее своими ценностями. В процессе своего развития членами субкультуры

вырабатывается уникальный образ, язык в виде сленга или жаргона, символика и атрибутика, общая единая идеология.

Одним из динамичных социальных процессов второй половины XX в. во всех странах являлось формирование молодежной субкультуры, со временем разделившейся на разнообразные течения и направления, которые вскоре начали претендовать на обособление в самостоятельные субкультуры. Япония не стала исключением.

После поражения во Второй Мировой войне в среде молодежи, а нередко и людей более старшего поколения, проявилось преклонение перед культурой победителей – «коллективного запада», но в большей степени США. На этой почве возникли первые молодежные субкультуры, схожие с западными контр-культурами, но со своим этническим колоритом, сформировавшие собственную идеологию и пути ее выражения [Опин, 2023, с. 133-135].

Одной из самых популярных и быстро распространяющихся современных субкультур смело можно назвать японскую молодежную субкультуру «отаку». Само слово «отаку» состоит из двух частей – уважительного префикса «о-» и корня «-таку», имеющего значение «дом». Таким образом, название субкультуры дословно переводится как «ваш дом».

Данный термин впервые был упомянут Акио Накамори, японским эссеистом, в цикле статей «Исследование «отаку»». Данный термин первоначально использовалось фотографами-любителями в общении друг с другом. По мнению общества они были фанатиками, когда дело доходило до их хобби, и социофобами. Таким образом, у термина «отаку» появился негативный окрас в пределах Японии [Денисова, 2009, с. 120]. Интересно отметить, что данный термин многозначен. Так, например, во всем мире им принято обозначать страстных фанатов японской поп-культуры, зачастую именно аниме или манги, без негативного подтекста. В самой Японии оно может обозначать и просто людей, увлекающихся чем-либо, как было с вышеупомянутыми фотографами. В определенном контексте японцы могут использовать этот термин с негативной коннотацией, чтобы обозначить затворника, не несущего пользы обществу [Кудасов, 2017, с. 101].

Представители данной субкультуры появились в России в самом конце XX в. и получили прозвище «анимешники», что по сути неверно, поскольку лишь односторонне характеризует субкультуру, подчеркивая только одно из увлечений молодежи. С 2003 г. в Санкт-Петербурге начали проводить АниФесты (аниме-фестивали) в публичных местах, несколько лет выпускались тематические журналы (например, *АнимеГид* или *Anime Magazine*), в настоящий момент на базе Центральной районной библиотеки им. А. П. Чехова действует

«Центр Манги и Комиксов». В целом интерес к японской культуре в России в последнее время растет, что, в том числе, способствует популяризации и распространению субкультуры отаку среди российской молодежи.

Для выявления характеристик, присущих субкультуре отаку в России, было проведено анкетирование, в котором приняло участие 87 человек, подавляющим большинством из которых оказались женщины (90,8 %) в возрасте до 30 лет (81,6 %). Респондентами можно считать самую активную часть субкультуры, поскольку именно они откликнулись за просьбу ответить на вопросы анкеты. С большинством была установлена успешная коммуникация, позволившая применить метод включенного наблюдения.

Анализируя ценности и приоритеты субкультуры, можно с уверенностью сказать, что отличий от характеристик данной субкультуры в Японии не наблюдается – большинство увлекается творческими хобби (75,9 %) и занимается самореализацией (70 %), в то время как карьеру или семью приоритетом считают только 41,4 % и 36,8 % респондентов. Неожиданным оказалось предпочтение, которое отдали участники анкетирования размеренному темпу жизни (77 %), но при этом две трети опрошенных склонны заниматься несколькими делами одновременно. Таким образом неспешность не связана с отсутствием занятий или увлечений, а является намеренно выбранным и осознанным приоритетом.

Для оценки невербальных характеристик анализировались ответы на вопросы относительно зрительного контакта во время коммуникации, дистанции при общении и отношения к прикосновениям. Представители субкультуры примерно в равной степени предпочитают поддерживать или не поддерживать зрительный контакт с собеседниками, однако физического контакта во время разговора стараются избегать (данная черта свойственна 79,3 % участников опроса). Таким образом, тактильность совершенно точно не является типичной особенностью субкультуры. Данная характеристика подтверждается с стремлением представителей субкультуры отаку держать некоторую дистанцию при разговоре (это характерно для 83,9 % опрошенных), однако дистанция не будет и слишком большой, что свидетельствует о том, что субкультуре не свойственно избегать коммуникации, бояться ее или относиться к собеседникам излишне настороженно. Чуть больше половины опрошенных не знает или не использует особых жестов (оставшиеся в меньшинстве участники опроса отметили, что специфические жесты используются в субкультуре и, в основном, они заимствованы из аниме).

Примерно половина опрошенных предпочитает выражать эмоции сдержанно, однако трети свойственно открытое выражение эмоций, что разбивает стереотип о значительной замкнутости субкультуры.

Стиль в одежде, хотя и разнообразный, но в большинстве случаев имеет элементы или же целый образ, типичный для субкультуры. В дополнение к имиджу некоторые респонденты ярко красят волосы. В целом отсутствие желания скрывать принадлежность к субкультуре является подтверждением наличия толерантной среды, открытости участников опроса, доступностью, соответствующей для создания образа одежды и, в целом, благоприятной атмосферы для подобных проявлений.

Представители субкультуры активно используют сленг, названные респондентами лексемы и выражения можно распределить на несколько тематических групп, подчеркивающие их творческие увлечения, интерес к японскому языку, аниме и манге. Так, к группе популярного среди представителей субкультуры коллекционирования относятся лексемы *дримка* (обозначает желанную вещь), *акрилка/стенд* (сокращение от акриловая фигурка/стенд), лексемы, обозначающих разные типы фигурок: *комплитка* (от англ. completed model), *прайз* (от англ. prize), *ненд* (с яп. nendoroid), *попан* (от англ. pop up parade), *фига* (сокращение от лексемы фигурка), *стоппер* (от англ. noodle stopper), *трейдинг* (от англ. trading figure), *ичибанка* (от яп. ichiban kuji); лексемы, обозначающие разные виды игрушек: *плюш* (сокращение от плюшевая игрушка), *батон* (разновидность плюшевых игрушек, название получила из-за своей формы), *гашпан* (от яп. gashapon – игрушки из японских торговых автоматов); лексемы, связанных с продукцией, в основном, аниме: *мерч* (от англ. merchandise – обозначает любую продукцию с аниме или мангой); *мерчфд* (сокращение от merchandise fandom – часть субкультуры, увлекающаяся коллекционированием), *оверпрайс* (от англ. overpriced – обозначение товара по завышенной цене), *лот* (выложенный на японском аукционе набор товаров), *коллективка* (объединение людей, разделяющих лоты между собой для удобства и снижения цены), и другие.

В группе японских лексем, которые представители субкультуры используют в их прямом значении наиболее часто встречаются: *охайо* (от яп. ohayo – доброе утро), *конничива* (от яп. konnichiwa – добрый день), *итадакимас* (от яп. itadakimasu – приятного аппетита), *накама* (от яп. nakama – товарищ, единомышленник), *сайонара* (от яп. sayonara – до свидания), *оясуми* (от яп. oyasumi – спокойной ночи), *аригато* (от яп. arigatou – спасибо), *моши-моши* (от яп. moshimoshi – алло), *каваи* (от яп. kawaii – милый), *сугои* (от яп. sugoi – крутой), *татакаэ* (от яп. tatakae – борись; приобрело культовый статус в субкультуре после частого употребления главным героем популярного аниме «Атака Титанов»).

Особую группу лексем составляет лексика, используемая для описания человека или персонажа: *хикка* (от яп. hikikomori – затворник), *вайфу*

(от англ. wife – персонаж или человек женского пола, который очень сильно тебе нравится), *хасубандо* (от англ. husband – персонаж или человек мужского пола, который очень сильно тебе нравится), *тян* (от японского суффикса -тян (-чан), применимого к девушкам – обозначает девушку), *кун* (от японского суффикса -кун, применимого к парням – обозначает парня), *цундере* (от яп. tsundere – тип человека, который ведет себя агрессивно или язвительно по отношению к объекту симпатии). Кроме того, целый ряд лексем применяется для обозначения различного типа людей в субкультуре: *турист* (человек, который заинтересовался аниме после того, как оно приобрело огромную популярность и требует поменять многолетнюю культуру под себя, т.к. ему что-то не понравилось), *олд* (от англ. old – человек, давно увлекающийся мангой или аниме, давний член субкультуры), *ньюшка* (от англ. new – человек, недавно начавший увлекаться японской поп-культурой, недавно ставший членом субкультуры), *фандом* (от англ. fandom – сообщество людей, увлекающихся одним произведением или хобби)

В отдельную группу необходимо выделить лексику, связанную с аниме и мангой: *тайтл* (от англ. title – обозначение какого-то аниме), *онгоинг* (от англ. ongoing – аниме в процессе выпуска, выходят новые серии), *проходняк* (сокращение от проходное аниме, обозначает произведение на один раз), *опенинг* (от англ. opening – открывающая заставка аниме), *эндинг* (от англ. ending – закрывающая заставка аниме), *сэйю* (от яп. seiyu – человек, озвучивающий аниме в оригинале), *даббер* (от англ. dubber – человек, озвучивающий аниме в переводе), *додзя* (от яп. doujinshi – фанатская самиздат манга, зачастую основанная на другой работе), *хиатус* (от англ. hiatus – ситуация, когда мангака или анимационная студия берут перерыв в работе над произведением), названия жанров аниме и манги, *ост* (от англ. original soundtrack – музыка, написанная для аниме).

Некоторые респонденты указали, что применяют японские суффиксы (например, *-тян*, *-кун* или *-сан*) в повседневной жизни. И очень незначительное число опрошенных отметили, что либо не использует сленг, либо не может отделить его от обыкновенной речи.

Среди российских представителей субкультуры отаку самыми популярными хобби в ходе опроса оказались коллекционирование, рисование, игра на музыкальных инструментах и пение. Косплеем увлекается чуть больше трети респондентов. Это, несомненно, самый яркий и зрелищный вид творческого увлечения, но в то же время и самый дорогой, что мешает его популяризации.

Большинство респондентов не отметили наличия запретных тем для обсуждения в субкультуре, не замечают гендерного распределения ролей, видят себя представителями, скорее, индивидуальной культуры, чем коллективной,

страдают от возрастной дискриминации, отмечая, что старших представителей субкультуры обвиняют в инфантилизме, а младших – в нежелании взрослеть, с чем также связывают многочисленные стереотипы. Также были отмечены «нейтральные» стереотипы, связанные с яркими образами, интересом к японскому языку и культуре, желанием уехать в Японию, что подтверждается в очень незначительной степени. Среди отрицательных стереотипов представители субкультуры выделили стремление к затворничеству, одержимость аниме, агрессию, психические заболевания, активно насаждающееся СМИ.

Российские отаку неконфликтны, но всё же треть респондентов отметила, что не со всеми субкультурами они могут найти общий язык. Среди опрошенных только 4,6 % негативно относятся к другим субкультурам. Однако по наблюдениям четверти участников опроса отношение к ним со ухудшается, как только они проявляют свою принадлежность к субкультуре.

Подводя итог проведенному на основе анкетирования и включенного наблюдения исследованию, можно с уверенностью утверждать, что отаку в России представляют собой сформированную субкультуру, во многом схожую с представителями сообщества в Японии, но также имеющую и свои специфические черты, свои ценности, приоритеты, устойчивые модели поведения, а также определенный тип вербальной и невербальной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Денисова А. Семантика субкультуры «аниме» // Аналитика культурологии. 2009. № 2(14). С. 120–122.
- Кудасов А. Е., Кузнецова Т. Ю. К вопросу о понятии отаку и его субкультурной идентичности // Аллея науки. 2017. № 6. С. 99–102.
- Опин И. С. Японские молодёжные субкультуры: история формирования и развития // Молодой ученый. 2023. № 1 (448). С. 133–135.

Suslova, V. A.; Zhuravleva, O. M.; Veselova, M. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

MAJOR FEATURES OF OTAKU SUBCULTURE IN RUSSIA

The article reveals the major features of otaku subculture in Russia. Research is based on the intercultural communication theory and methods of participant observation, questioning, free interviewing. The use of verbal and non-verbal communication is studied as well as the main concepts, stereotypes and the world view.

Intercultural communication, otaku subculture, Japanese culture, linguistic picture of the world, questionnaire

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 82–277.7

М. А. Белова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

margaritab037@yandex.ru

И. В. Зайцева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

gumfa@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛНОМЕТРАЖНЫХ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ «ШРЕК»)

Статья посвящена изучению феномена языковой игры и способов ее перевода на русский язык на материале американских мультипликационных фильмов «Шрек», «Шрек 2», «Шрек Третий» и «Шрек Навсегда». Был проведен сравнительный анализ оригинальных реплик и их перевода на русский язык. В результате работы были выявлены основные трудности и особенности перевода игры слов в рамках аудиовизуального перевода мультипликационных фильмов.

Языковая игра, игра слов, каламбур, юмористический эффект, мультфильмы «Шрек», двусмысленность, аудиовизуальный перевод

Перевод языковой игры с иностранного языка на русский представляет собой одну из самых сложных задач, поскольку требуется передать как ее содержание, так и форму с сохранением производимого комического эффекта. Перевод с передачей не только смысла, но и формы достигается очень редко, и при этом не избежать лингвистической или экстралингвистической переводческой потери. Языковая игра, в свою очередь, остается инструментом, способным повышать эмоциональность и добавлять образности речи, что обуславливает ее частое использование авторами фильмов, в том числе и мультипликационных. Языковая игра также называется «игрой слов», «каламбуром» или «словесной остротой», «двойным смыслом» и т. д.

Ключевой задачей предпереводческого анализа является определение основы создания игры слов в языке оригинала. Существует несколько основных принципов, лежащих в основе языковой игры и ее перевода. О. В. Троицкая предлагает рассмотреть конкретные разновидности игры слов, в которых основополагающими являются следующие рассматриваемые приемы: омонимия; паронимия и созвучие; ложная этимология; полисемия; авторское переосмысление устойчивых словосочетаний и фразеологизмов [Троицкая, с. 43]. Кроме того, отдельным приемом реализации игры слов является нарушение лексической сочетаемости – в таком случае срабатывает эффект неожиданности, создающий комичность высказывания в связи со сломом фиксированных коллокаций, закрепленных в сознании носителя языка.

Переводчики обращаются к различным переводческим трансформациям в зависимости от контекста, целевой аудитории и особенностей исходного и переводящего языков. Основными приемами перевода языковой игры с английского на русский язык являются такие переводческие трансформации, как опущение, компенсация и калькирование [Чиж, с. 168]. Еще одним не менее важным способом перевода игры слов является целостное преобразование, описанное Я. И. Рецкером [Рецкер, с.112].

Два основных пути при переводе в таком случае – это передать смысл, но отказаться от игры слов, либо сохранить каламбур, но изменить форму, отклонившись от точного значения или даже полностью сосредоточившись на языковой игре. Особенности аудиовизуального перевода также создают ряд сложностей при переводе каламбуров.

Во-первых, при переводе языковой игры крайне редко удается сохранить в первоизданном виде семантику авторской игры слов. Элементы нового ядра каламбура переводчик может найти в ближайшем контексте, что может быть проблематично в видеоматериале мультфильмов, где редко используются длинные монологи или диалоги.

Во-вторых, прием, к которому прибегают переводчики при отсутствии возможности по определенным причинам осуществить перевод на целевой язык – прием опущения – затруднителен при переводе видеоматериала, так как переведенный текст должен соответствовать по объему тексту исходного языка для адекватного сопоставления аудио- и видеоряда при дубляже. Также при опущении часть идеи или важные детали сюжета могут быть утеряны [Войцех, с. 384]. Тот же риск присутствует и при целостном преобразовании.

В-третьих, используя прием компенсации, который может помочь восполнить потерю информации и оказать аналогичное воздействие на зрителя,

переводчики также рискуют не уложиться в отрезок, отмеренный для анимирования данного высказывания в оригинале.

Также при переводе мультфильмов важно учитывать возрастную категорию целевой аудитории, так как некоторые мультипликационные произведения стремятся и по визуальному, и по содержательному наполнению быть доступными и интересными для представителей разных возрастов, как, например, и мультфильмы «Shrek» («Шрек»), вызывающие большой интерес у взрослых зрителей из-за использования двусмысленности, пародий и отсылок на произведения массовой культуры. Детей мультфильмы этой серии привлекают за счет красочности, позитивности, знакомых героев и динамичности фантастических приключений [Данилевская, с. 206]. В исследуемых мультфильмах представлено множество скептических современных шуток, гиперболизация, скрытые и явные цитаты, аллюзии, пародии и смыслы – это чистое искусство постмодерна [Гордеева, с. 204]. В данной работе рассматривается официальный перевод на русский язык, сделанный Дмитрием Усачевым (подстрочный перевод) и Екатериной Барто (литературный перевод).

В четырех мультипликационных фильмах медиафраншизы «Shrek» («Шрек») было выявлено 31 единица языковой игры. В наибольшем количестве случаев их основной является переосмысление устойчивых выражений, то есть устойчивых коллокаций и фразеологизмов.

Например, – *We wear our fear right out there on our sleeves. – Wait a second. Donkeys don't have sleeves.* – «– Наши страхи написаны у нас на лбу. – Сожалею, почерк неразборчивый» [«Shrek», 2001].

Игра слов в рассматриваемом случае построена на устойчивом англоязычном выражении *wear one's heart on one's sleeve* – что означает «иметь душу нараспашку, не скрывать своих чувств» [The Free Dictionary]. В данном случае это устойчивое выражение приобрело другой смысл, так как из чувств выделяется именно чувство страха, испытываемое героем. В переводе образ из оригинала видоизменен, но за основу также взято устойчивое словосочетание. Это изменение не только сохраняет смысл и иронию оригинала, но также придает переводу свежий и оригинальный оттенок за счет целостного преобразования. Также добавлено новое сравнение с почерком, что придает дополнительную остроту высказыванию, вполне характерную для героя.

Еще один пример, построенный на полисемии: *He croaked.* – «Он квакнулся» [«Shrek 2», 2004].

В приведенном случае игра слов может быть воспринята только в совокупности с видеорядом, так как в момент произнесения данной фразы персонаж короля в облики лягушки находится при смерти и двусмысленность реплики

формируется при соотнесении с этим образом, что создает комичность. Одно из значений глагола *croack* в английском языке является разговорным вариантом описания внезапной смерти человека. Частичный эквивалент этого в русском языке – «крякнуть, крякнуться» [Химик, с. 196]. Несмотря на более удачное использование полисемии в оригинале, переводчики создали неологизм и компенсировали данный перевод, сделав его не только понятным, но и таким же комичным для носителей русского языка.

5 из рассмотренных случаев игры слов построены на полисемии лексических единиц. К примеру, *Why don't we pop in there for a spell?* – «Так может забежим принять по рюмашке?» [«Shrek 2», 2004].

Фраза произносится главным героем возле домика Феи Крестной, по сюжету мультфильма занимающейся производством эликсиров. В свою очередь, выражение *for a spell* в английском языке обычно означает «ненадолго, на время» [The Free Dictionary], но лексема *spell* также имеет значение «заклинание» или «эликсир», за чем герои и пришли к Фее Крестной, благодаря чему и создается двусмысленность. При интерпретации данной полисемии единицы *spell* переводчики обратились к компенсации, при которой хотя и сохранился комический эффект, игра слов стала очень косвенной: эликсиры хранятся в колбочках или бутылочках, форма этих сосудов не напоминает «рюмашку» внешне и позволяет составить ассоциацию лишь по материалу.

Еще 3 каламбура, составляющие 10% от общего числа, были созданы за счет фонетического созвучия: *Man, you are a cat-astrophy* – «Ты ходячая кот-астрофа» [«Shrek Forever After», 2010].

В рассматриваемой реплике игра слов строится на созвучии части слова *catastrophy* словом *cat*. Так как это высказывание адресовано герою Кота в сапогах, намеренно выделенное сходство подразумевает, что этот герой является раздражителем. Благодаря созвучию пар лексических единиц «катастрофа» и «кот» в русском языке и *catastrophy* и *cat* в английском, такой перевод с помощью компенсации, как «Ты ходячая кот-астрофа», сохраняет эту игру слов, оставляя оригинальность и комичность и в русском дубляже. Вслед за этой фразой следует реплика второго персонажа: *And you are ri-donkey-lous*. – «А ты – осло-столоп». Игра слов в данном случае построена на созвучии согласных части слова *ridiculous* и *donkey*. Неологизм – слово *ri-donkey-lous* подразумевает, что кто-то является нелепым или смешной, но с использованием слова *donkey* становится очевидно, что реплика адресована герою Осла. Перевод «А ты – осло-столоп» также сохраняет эту игру слов благодаря компенсации, передает смысл и остроумие оригинала с использованием пары лексических единиц «осел» и «остолоп».

Оставшиеся 2 рассмотренных каламбура, составляющих 6%, основываются на омонимии, как следующая игра слов: *You might have seen a house fly, maybe even a super fly, but I bet you've never seen donkey fly.* – «Может, ты видел Карлсона или Питера Пена, но вот порхание осла ты не видал» [«Shrek», 2001].

В приведенном примере каламбур стал возможен благодаря омонимии лексической единицы *fly* в английском языке, которая одинакова и при произношении, и при отображении на письме как глагол и как существительное. В данной фразе в оригинале, во-первых, присутствует двухуровневая языковая игра, раскрывающаяся не только в целой фразе, но и в конкретной части на фонетическом уровне: *housefly* и *housefly*. Если первый вариант может интерпретироваться как «муха», то второй вариант может являться отсылкой на известную историю «The Wonderful Wizard of Oz» («Волшебник страны Оз») американского писателя Л.М. Баума, известная и русскоязычной аудитории в связи с наличием практически идентичного по сюжету произведения А.М. Волкова «Волшебник изумрудного города». В этих произведениях присутствует эпизод с перемещением главной героини в волшебную страну – ее дом уносит ураганом. Так как рассматриваемые мультипликационные фильмы полны сказочных персонажей, это также может быть ассоциацией у англоязычного зрителя, но в русском языке данный смысл теряется.

Примечательно, что переводчики также обратились к широко известным литературным произведениям: «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» Астрид Линдгрен и «Питер и Венди» Джеймса Барри. Их герои имели способность летать. В интерпретации переводчиков, тем не менее, используются прямые отсылки в отличие от скрытых аллюзий оригинала. Юмористический эффект, достигаемый в оригинале за счет языковой игры, не сохранен.

Следует заметить, что восприятие аудио- и видеоматериала одновременно происходит за доли секунд, и текст, и его форма должны быть сразу понятны зрителю, иначе существует риск потери элементов смысла и способствует неадекватному восприятию кинокартины. В связи с этим для построения игры слов чаще всего используются устойчивые выражения, так как они чаще звучат в устной речи и считаются носителями языка, то есть подразумевают практически мгновенное формирование ассоциативной связи, благодаря которой игра слов успешно создает юмористический эффект.

Так как игра слов является не только важным элементом коммуникации, но и составной частью культуры, передача языковой игры с сохранением юмористического эффекта, соотношения аудио- и видеоматериала и адаптации ее при этом к другой культуре и языку является сложной переводческой задачей.

ЛИТЕРАТУРА

- Войцех К. Д. Особенности языковой игры в кинематографическом дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2020, № 2. С. 382–389.
- Гордеева Д. С. Социокультурные пространства в анимационном фильме «Шрек» // Знание. Понимание. Умение. 2011, № 2. С. 203–207.
- Данилевская Н. В. Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006. 696 с.
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика // Международные отношения. М.: 1974. 217 с.
- Троицкая, О. В. Игра слов в английском оригинале и переводе // Русская речь. 2005, № 2. С.40–46.
- Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. 269 с.
- Чиж М. С., Данилова И. И. Особенности перевода каламбура // Успехи современного естествознания. 2012, № 5. С.168–168
- «Шрек»: кинофраншиза на русском языке / пер. Дмитрий Усачёв, Екатерина Барто. – Москва: киностудия дубляжа «Пифагор».
- Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus – The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 15.02.2025).
- «Shrek»: animated film / dir. Andrew Adamson, Vicky Jenson. – USA: «DreamWorks Animation» studio, 2001.
- «Shrek 2»: animated film / dir. Andrew Adamson, Kelly Asbury, Conrad Vernon. – USA: «DreamWorks Animation» studio, 2004.
- «Shrek Forever After»: animated film / dir. Mike Mitchell. – USA: «DreamWorks Animation» studio, 2010.
- «Shrek the Third»: animated film / dir. Chris Miller. – USA: «DreamWorks Animation» studio, 2007.

Belova, M. A.; Zaitseva, I. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

LANGUAGE PLAY AS A MEANS OF CREATING A HUMOROUS EFFECT AND ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN (BASED ON THE SERIES OF AMERICAN ANIMATED FILMS «SHREK»)

The article is dedicated to studying the phenomenon of language play and its translation into Russian, using the American animated films «Shrek», «Shrek 2», «Shrek the Third», and «Shrek Forever After» as material. A comparative analysis was conducted between the original dialogues and their Russian translations. As a result of the work, the main difficulties and features of translating wordplay within the framework of audiovisual translation of animated films were identified.

Language play, wordplay, pun, humorous effect, «Shrek» animated films, double meaning, audiovisual translation

УДК 81'25

Н. С. Щеников

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

schenikov.ns@yandex.ru

И. В. Кузьмич

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID: 0000-0002-3213-6266

irinakuzmich@inbox.ru

ТЕХНИКА ВЫБОРА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ВИДЕОИГР НА МАТЕРИАЛЕ «ХЕЛЛДАЙВЕРС 2»

Подбор переводческих эквивалентов при локализации текста видеоигры играет важную роль в эквивалентности оригиналу конечного результата переводческой работы. Переводчик должен учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Анализ перевода текста видеоигры «Хеллдайверс 2» показывает необходимость комплексного подхода при принятии переводческого решения.

Перевод, локализация, видеоигра, лингвистические факторы, экстралингвистические факторы, эквивалентность перевода, адекватность перевода

Основные критерии качественного перевода – адекватность и эквивалентность. В настоящем исследовании рассмотрены разные стратегии выбора переводческих эквивалентов при переводе видеоигр на примере игры «Хеллдайверс 2» (*Helldivers 2*), разработанной студией «Эрроухэд Гейм Студиос» (*Arrowhead Game Studios*) и выпущенной компанией «Сони Интерактив Энтертейнмент» (*Sony Interactive Entertainment*). В Российской Федерации игра поступила в продажу 08.02.2024 в русскоязычной версии, текст которой является официальным переводом. В данной работе проанализирован перевод разных по составу единиц перевода и сформулирована следующая гипотеза: при подборе эквивалентов следует обращать внимание не только на лингвистические факторы, т.е. непосредственно устный и письменный текст игры, но и на экстралингвистические составляющие, например, игровой процесс и графику.

Следует отметить, что в России видеоигры являются весьма популярным хобби. По данным ВЦИОМ, 19% граждан России играет в видеоигры постоянно, при этом 40% из них – это молодые люди в возрасте 18-24 лет. Также

нужно учитывать и то, какой процент населения владеет английским: английским языком в России, в основном, владеют молодые люди. Среди них 15% людей в возрасте 18-24 лет владеют английским на высоком уровне, ещё 51% человек в той же возрастной категории владеют чтением, переводом и элементарными разговорными фразами [wciom]. К тому же, в рейтинге владения английским языком Россия относится к странам со средним уровнем знания английского, уступая Белоруссии, Гане, Италии, Испании, Коста Рике, Молдове, Албании, и Уругваю, но превосходя Боливию, Францию, Кубу, Украину, Парагвай, Уганду, Армению и Южную Корею [EF]. Такую корреляцию групп людей, играющих в видеоигры и владеющих английским языком на достаточно высоком уровне можно также объяснить тем, что они часто контактируют с английским языком либо в процессе игры, особенно если в игре есть перевод текста, но нет перевода речи, либо через зарубежных игроков – как носителей языка, так и тех, для кого английский является языком межнационального общения в случае, если речь идёт об онлайн-игре. При этом не стоит забывать, что, даже несмотря на распространённость знания английского языка среди российских игроков, они составляют лишь небольшую часть от всей играющей аудитории, в связи с чем иногда приходится прибегать к применению значительных переводческих трансформаций. Из всего выше сказанного можно предположить, что при работе с текстом игры следует допускать перевод без значительных трансформаций, если этому способствуют лингвистические и экстралингвистические факторы, но если их недостаточно, то можно руководствоваться собственным опытом и, исходя из этого, подбирать допустимые трансформации.

Игра *Helldivers 2* представляет собой кооперативный ПвЕ (*PvE*, т. е. *player vs. environment* – игроки против компьютерного противника) шутер или стрелок (от англ. *shooter*), где игроки берут на себя роль солдат элитных войск под названием «адские десантники» (отсюда и название серии игр), которые занимаются зачисткой планет от врагов «Супер Земли» – инсектоидных терминидов (они же «жуки»), роботов-автоматов (они же просто роботы) и инопланетян-просветлённых (они же «кальмары»). Эстетика игры копирует американский художественный фильм «Звёздный десант» (*Starship Troopers*), снятый в 1997 году режиссёром Полом Верховеном на киностудии «ТриСтар Пикчерз» (*TriStar Pictures*). В жанр военной фантастики вплетена доведённая до абсурда сатира, а текст игры содержит множество каламбуров с использованием слов *freedom*, *liberty* (оба означают «свобода»), *democracy* («демократия»), *prosperity* («процветание») и т.д. Таким образом, можно увидеть, что текст «Хеллдайверс 2» содержит много иронии и юмора, построенных на

военной тематике. Эту особенность следует учитывать при переводе текста игры и выборе эквивалентов.

Приняв всё вышесказанное во внимание, необходимо также выработать соответствующую стратегию перевода. Для начала стоит уточнить понятие «переводческий эквивалент». В настоящее время переводческим эквивалентом принято называть правильно найденное соответствие в данной конкретной ситуации [Рецкер, 2007, с. 13]. При переходе в сферу перевода видеоигр переводческий эквивалент можно определить как подходящее в конкретной игре и в конкретной игровой ситуации соответствие. Стоит отметить, что полного количественного и частеречного соответствия лексического и синтаксического составов между оригиналом и переведённым текстом достичь невозможно, но можно найти соответствия путем сохранения исходного смысла и общих понятий, использованных при описании явлений [Комиссаров, 1990, с.51-62].

В процессе анализа перевода текста «Хеллдайверс 2» выявлено достаточное количество единиц, для перевода которых были использованы словарные соответствия. К этой категории относятся, прежде всего, «воинские» звания – обозначения уровня аккаунта игрока, используемые наравне с цифровым обозначением. Так, звания, содержащиеся в составе слова *cadet, sergeant, captain, marshal, admiral, commander, general* и *private* были переведены как «кадет», «сержант», «капитан», «маршал», «адмирал», «командир», «генерал» и «рядовой». Перевод данных единиц подобным образом обусловлен тем, что применение словарных соответствий полностью соответствует замыслу оригинала – отобразить опыт игрока и, косвенно, затраченное им на игру время. Подобный приём был также использован при переводе названий типов противников: большинство из них допускают дословный перевод, например, *Hive Guard* – «страж улья», *Bile Titan* – «желчный титан», *Devastator* – «разрушитель», *Berserker* – «берсерк», *Harvester* – «жнец», *Overseer* – «надзиратель». Таким же образом был осуществлён перевод некоторых наименований оружия: *AR-23 Liberator* – «освободитель», *LAS-17, P-4 Senator* – «сенатор», *ARC-12 Blitzzer* – «налётчик», *Double-Edge Sickle* – «обоюдоострый серп». Следование словарным соответствиям применялось и при переводе многокомпонентных единиц, например, названий наборов с внутриигровыми предметами, которые называются «заслугами» (*Warbond*): например, набор *Steeled Veterans* обозначен как «Закалённые ветераны», так как в переносном значении *steel* означает «закалять», *Polar Patriots* – «Полярные патриоты», а *Urban Legends* – «Городские легенды».

Тем не менее, использование словарных соответствий не всегда приводит к эквивалентному переводу, поэтому в большинстве случаев применялись

переводческие трансформации. Одной из них является компенсация – передача утраченных элементов смысла иными средствами. Её применение в официальном переводе можно увидеть на примере перевода названия автоматического дробовика *SG-225SP Breaker Spray&Pray*: словосочетание *spray and pray* означает беспорядочную и непрерывную стрельбу с надеждой попасть в цель. Данное название было трансформировано в «крушитель ураган», чтобы описать характер стрельбы из данного оружия. Иногда компенсация может применяться для разграничения понятий и наименований, которые в иной ситуации переводились бы одинаково. Так, в игре есть два равноценных по силе действия противника из разных фракций, которые исполняют одинаковую роль разными способами: это *Charger* (в официальном переводе «громила») у терминидов и *Hulk* («глыба») у автоматонов. В оригинальном тексте игры нет совпадающих названий, поэтому их не должно быть и в переводе. Словом *charger* в английском языке называют боевую или строевую офицерскую лошадь, а слово *hulk* в прямом значении обозначает бездействующее судно, а в переносном – крупного неуклюжего человека. Переводчики, работавшие над официальным переводом «Хеллдайверс 2», ни в одном из случаев не обратились к словарным соответствиям, но учли экстралингвистические факторы: живучесть и разрушительная сила персонажа *Charger* трансформировались в слово «Громила», а внешнее сходство его противника с именем *Hulk* с большим камнем дало перевод «Глыба». Однако есть примеры и неудачного использования компенсации, что видно на примере наборов *Warbonds*. Данное слово является слитной формой написания *war bond*, что означает «военная облигация», в переводе это название было трансформировано в «заслуги». Можно предположить, что подобная замена основывается не на лингвистических факторах, а на экстралингвистических, т.е. игрок получает предметы за медали, которые он «заслужил». Такая трансформация отходит слишком далеко от словарного определения единицы в оригинале, из-за чего может возникнуть непонимание функции данных наборов в игре, поэтому более дословный перевод – например, «облигации» – был бы более подходящим. Прием компенсации оказался эффективным средством достижения адекватного и эквивалентного перевода в рамках анализируемого текста.

Использование словарных соответствий и приёма компенсации являются самыми частотными среди всех приёмов перевода в настоящем исследовании. Тем не менее, переводчики применяли и другие трансформации. Так, в некоторых случаях использовалась генерализация, например, при переводе набора *Viper Commandos* – «Змеи-коммандос»: слово *viper* (дословно «гадюка») через генерализацию было трансформировано в «змея». Данный приём также можно

увидеть в переводе оружий BR-14 Adjudicator – «эксперт» и PLAS-15 Loyalist – «верный», хотя здесь возможно и применение дословного перевода и транскрибирования: «арбитр» и «лоялист» соответственно. В случае с набором *Chemical Agents* – «Химзащита», был применён антонимический перевод, так как данное словосочетание означает химические вещества, используемые при выполнении как боевых задач армией, так и правоохранительных мероприятий полицией. Можно также заметить, что здесь использована нейтрализация игры слов, ведь слово *agents* тут может быть интерпретировано и в прямом значении – агент, т. е. человек, выполняющий служебную функцию. В данном случае можно также предложить альтернативный перевод, который сохранил бы исходную игру слов, основанную на прямом значении слова *agent*: «Химические войска». В переводе звания *Free of Thought* – «без мыслей», получаемого из набора *Truth Enforcers* («блестители правды»), было применено опущение: вместо дословного перевода («свободный от мыслей») была выполнена трансформация с сохранением смысла оригинала. Можно предположить, что такой перевод был сделан с целью экономии места, но при этом перевод другого звания – *Space Chief Prime* – «главный космический мичман» – выглядит и звучит весьма громоздко. Кратко стоит отметить те трансформации, которые возникли не из-за выбора переводчиков, но из-за амбивалентности некоторых синтаксических структур английского языка: звание *Skull Admiral* в официальном переводе передаётся как «адмирал «Череп», *Death Captain* – «смертоносный капитан», а *Fleet Admiral* – «адмирал флота».

Анализ материала текста видеоигры «Хеллдайверс 2» позволяет сделать вывод о том, что выбор переводческих эквивалентов при переводе игры основывается как на лингвистических факторах, так и экстралингвистических, которые доступны переводчику вследствие природы данного типа медиа-продуктов. Грамотная локализация видеоигр позволяет игрокам разных культур не только открывать для себя новые горизонты мира фантазий, но и при необходимости эффективно взаимодействовать между собой, поскольку качественный перевод даёт им равноценное понимание собственно контента и всего контекста.

ЛИТЕРАТУРА

- Видеоигры – кто в них играет? // ВЦИОМ. Новости – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/videoigry-i-kto-v-nikh-igraet> (дата обращения: 13.03.2025).
- Иностранный язык: перспективная инвестиция? // ВЦИОМ. Новости – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inostrannyj-yazyk-perspektivnaya-investicziya> (дата обращения: 14.03.2025).

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/Дополнения и комментарии Д.И. Еромоловича. – 3-е изд., стереотип. – М.: «Р. Валент», 2007. – 244 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/videoigry-i-kto-v-nikh-igraet> (дата обращения: 13.03.2025).

EF English Proficiency Index by Country 2025 // World Population Review – URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/ef-english-proficiency-index-by-country#how-ef-calculated-english-proficiency> (дата обращения: 14.03.2025).

Shchenikov, N. S.; Kuzmich, I. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

TRANSLATION EQUIVALENTS SELECTION TECHNIQUE IN VIDEO GAMES TRANSLATION ON THE MATERIAL OF HELLDIVERS 2

When localizing the text of a video game, selection of translation equivalents plays a significant role in reaching equivalence and adequacy of the end result of translation process. The translator should consider both linguistic and extralinguistic factors. This article explores the impact of those factors on Russian translation of Helldivers 2.

Translation, localization, video games, translation equivalents, linguistic factors, extralinguistic factors, translation equivalence and adequacy

ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81–13

Д. Д. Климов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

dimitry.klimow@gmail.com

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Доклад посвящен анализу звукоизобразительной (звукоподражательной и звукосимволической) лексики шведского языка. Цель исследования – выявление взаимосвязи между звуковой формой звукоподражательных слов и акустическими характеристиками имитируемых звучаний. В докладе также приводится классификация звукоизобразительных слов шведского языка на основе значения. Полученные результаты указывают на перспективы дальнейшего изучения звукоизобразительной лексики шведского языка, включая углубленный анализ ее фонетико-семантических закономерностей.

Фоносемантика, семантический анализ, фоносемантический анализ, шведский язык, звукоподражательная лексика, звукоизобразительная лексика

Введение

Звукоизобразительная (ЗИ) лексика представляет собой лексическую категорию, характеризующуюся прямым соотношением звуковой формы и (акустических или иных) свойств обозначаемых объектов или процессов. Она подразделяется на звукоподражательную (имитация природных звучаний звуками речи) и звукосимволическую (имитация движений речевого аппарата при помощи артикуляции) [по Воронин 2006].

В современной лингвистике звукоподражание рассматривается не только как выразительное средство художественной речи, но и как объект научного анализа, позволяющий проследить взаимосвязь между фонетической структурой слова и его значением. Особое внимание уделяется изучению фоносемантических закономерностей, выявляемых при сопоставлении звуковых элементов слова и акустических характеристик имитируемых явлений.

Шведский язык представляет интерес с точки зрения фонетической организации звукоподражательных единиц. Специфические особенности шведской фонетики, такие как наличие тонового акцента, а также фонотактические ограничения шведского языка никогда ранее не изучались с точки зрения их

влияния на иконическое (звукоизобразительное) словосоздание. Звукоизобразительная лексика шведского языка отражает в своей структуре как общие для языков мира принципы имитации акустических процессов, так и языковые конвенции, характерные исключительно для шведской языковой системы [по Abelin, 1999]. Изучение шведской звукоподражательной лексики, таким образом, позволяет проследить сложное взаимодействие фонетической формы и значений слов, обусловленное ограничениями шведского языка.

1. Материал, теоретическая база и методы исследования

Основными теоретическими источниками исследования выступают работы, посвященные фоносемантическому анализу, в частности работы С. В. Воронина [Воронин, 2006], а также А. В. Красновой [Краснова, 2018] и М. А. Флакман и соавторов [Флакман и др., 2022].

В работе применяется разработанный С. В. Ворониным метод фоносемантического анализа (ФСА), который представляет собой последовательность операций, включающих элементы типологического сравнения, этимологического анализа и таксономии звукоизобразительных явлений; ФСА направлен на установление звукоизобразительного (иконического) происхождения слова. Таким образом, использование фоносемантического анализа позволяет выяснить звукоизобразительный статус языковой единицы шведского языка.

В настоящем исследовании мы опирались на данные этимологических и толковых словарей, поскольку специализированных словарей, посвященных звукоизобразительным шведским словам на настоящий момент не существует. Основными источниками для отбора материала послужили «Словарь Шведской Академии» SAOB [Svenska Akademiens Ordbok] и этимологические словари – «Этимологический словарь шведского языка» Э. Хельквиста [Hellquist, 1922] и «Этимологический словарь» Б. Эрнби [Ernby, 2010].

В выборку включались слова, имевшие помету «звукоподражательное» (шв. *av ljudhärmande ursprung*) в указанных этимологических словарях, а также, слова, денотатом которых является звук. Например, слово *kuttra* «ворковать» определяется как звукоподражательное (шв. *ljudhärmande*) в словаре SAOB, а для слова *prassla* «шелестеть» такой пометы нет, однако денотатом самого слова выступает звук («шелест»).

Всего (на настоящий момент) методом сплошной выборки из указанных словарей было отобрано 180 слов шведского языка, (предположительно) звукоизобразительных по происхождению. Они и послужили материалом настоящего исследования.

2. Фоносемантический анализ шведских звукоизображений: предварительные замечания

Звукоподражательная лексика (как подвид звукоизобразительной лексики) занимает особое место в системе языка, поскольку отражает непосредственное сопоставление звуковой стороны слов с акустическими характеристиками объектов и процессов, которые они изображают. В шведском языке, как и в других языках мира, звукоподражательные слова представляют собой фонетически организованные единицы, где структура звука, его длительность, артикуляционные особенности и интонация служат отражением акустических параметров денотата.

Теоретическая основа классификации ЗИ-лексики, предложенная С. В. Ворониным [2006], позволяет разделить звукоподражательные слова на ряд основных типологических классов и гипер-классов, что составляет основу для их межъязыкового сравнения [Воронин, 2006]. С. В. Воронин [2006, с. 44] выделяет следующие гипер-классы звукоподражаний (верхний индекс в указанных ниже примерах указывает на один из двух тонических акцентов, где «1» – акут (простое музыкальное ударение), а «2» – гравис (сложное музыкальное ударение)):

1. *Инстанты* – передают удар, воспринимающийся человеком как краткий шум (стук, хлопок, взрыв). Примером из шведского языка может послужить слово *klapp* [kl'ap:¹] «похлопывание», где отрывистое звучание передаётся взрывными смычными. Общая фонетическая характеристика слов, таких как *klapp* [kl'ap:¹], *knäppa* [kn'ɛp:²] «щелкать» заключается в наличии отчетливого эксплозивного элемента – смычного согласного (/k/, /p/, /g/), который при краткости звучания создает акустический эффект отдельного ударного импульса.

2. *Континуанты* – передают длительные звучания. Они подразделяются на тоновые (напр., шв. *yla* ['y:la²] «выть»), где низкий длящийся тон передаётся низким гласным) и шумовые (напр., шв. *hyssja* [h'ys:ja²] «шикать», где длящийся шум передаётся щелевым). Тоновые континуанты представляют собой отдельную группу, состоящую из единиц, фонетически характеризующих преобладание длительного, устойчивого звучания, у которых в составе доминируют сонорные и тоновые сегменты. Так, слова *stöna* [st'ø:na²] «стонать, стон» и *jama* [j'a:ma²] «мякать» демонстрируют протяженную тональную организацию.

3. *Фреквентативы* – передают звуковые конструкции, состоящие из сверхбыстрых последовательностей ударов, где отдельные элементы практически сливаются в единое диссонантное («неровное» «режущее») звучание (напр. шв. *skrapa* [skr'a:pa²] «скрести»), где «режущий, резкий» диссонантный

элемент передаётся звуком [r]). Среди фреквентативов выделяются «чистые фреквентативы» *kurr* [k'ər:¹] «урчание» и *morra* [m'or:a²] «рычать», отражающие диссонансное звучание при помощи главного элемента – согласного [r] в финальной позиции слова.

Также Воронин [2006] выделяет гипер-классы, то есть, смешанные классы слов, передающие сложные акустические звучания (удар и шум, шум и диссонанс, и др.):

4. *Инстанты-континуанты* – передают звучания, сочетающие удар (передается взрывным смычным) с последующим или предшествующим неударом – то есть, в сочетании или с тоном (передается сонорными), или с шумом (передается щелевым) – напр., шв. *klinga* [kl'inja²] «звенеть» (удар + тон); шв. *plask* [pl'ask¹] «плеск» (удар + шум + удар).

5. *Фреквентативы квазиинстанты-континуанты* – передают звучания, в которых диссонантный удар сочетается с предшествующим или последующим призвуком-шумом или тоном (напр., шв. *trumma* [tr'əm:a²] «барабанить» (удар + диссонанс + тон), *prassla* [pr'as:la²] «шелестеть» (удар + диссонанс + шум), *krasch* [kr'æ:¹] «столкновение» (удар + диссонанс + шум).

Работа по дальнейшей фоносемантической классификации шведских звукоподражаний в настоящее время продолжается.

3. Семантическая классификация звукоподражаний шведского языка

В рамках настоящего пилотного исследования была проведена предварительная классификация звукоизобразительной (звукоподражательной и звуко-символической) лексики шведского языка на основе их значений. Нами были выделены следующие основные семантические группы: (1) имитация звуков природы, (2) имитация звуков, издаваемых человеком, (3) имитация звуков, издаваемых животными, и (4) имитация звуковых явлений техногенной среды.

Рассматриваемые звукоизобразительные глаголы приведены в форме инфинитива. Римскими цифрами указана одна из четырех групп склонения (vI, vII, vIII, vIV). Существительные представлены в форме единственного числа с указанием неопределенного артикля, где *en* – это существительные общего рода, а *ett* – среднего.

(1) Группа «звуки природы» включает в себя следующие звукоизобразительные единицы (звукоподражания):

Porla [p'o:[a²] (vI) «журчать»; *sorla* [s'o:[a²] (vI) «журчать»; *ett sorl* [s'o:¹] (n) «журчание»

Prassla [pr'as:la²] (vI) «шелестеть»; *ett prassel* [pr'as:el¹] (n) «шелест»

Klucka [kl'øk:a²] (vI) «булькать»; *ett kluck* [kl'øk:¹] (n) «бульканье»

Knäppra [kn'ɛp:a¹] (vII) «щелкать»; *Spraka* [spr'a:ka²] (vI) «потрескивать (о пламени)»

Knastra [kn'as:tra²] (vI) «хрустеть»; *ett knaster* [kn'as:ter¹] (n) «хруст».

Всего в эту группу на данный момент входят 46 слов из 180.

(2) Группа «звуки, издаваемые человеком», включает в себя следующие звукоизобразительные единицы (это звуко-символические слова-интракинесемизмы, согласно классификации Воронина [2006]):

Hosta [h'ʊs:ta²] (vI) «кашлять»; *Harkla sig* [h'ar:kla² sej] (vI) «откашливаться»; *en hosta²* [h'ʊs:ta²] (n) «кашель»

Hicka [h'ik:a²] (vI) «икать»; *en hicka²* [h'ik:a²] (n) «икота»

Mumsa [m'əm:sa²] (vI) «жевать». *Smaska* [sm'as:ka²] (vI) «чавкать»; *slafsa* [sl'af:sa²] (vI) «чавкать», также указывает на значение «делать что-либо неаккуратно (особенно есть), издавая неприятные звуки»

Snarka [sn'ar:ka²] (vI) «храпеть»; *en snarkning* [sn'ar:kniŋ²](n) «храп»

Nysa [n'y:sa²](vI) «чихать», *fnysa* [fn'y:sa¹] (vII) «фыркать», также указывает на значение «презрительно фыркать, смотреть свысока»; *snusa* [sn'ɯ:sa²] (vI) «сопеть»

Kurra [k'ør:a²] (vI) «урчать (про живот)»; *ett kurr* [k'ør:¹] (n) «урчание (про живот)»

Stöna [st'ø:na²] (vI) «стонать»; *ett stön* [st'ø:n¹] (n) «стон», *gnälla* [gn'el:a²] (vII) «хныкать», *ett gnäll* [gn'el:¹] (n) «хныканье»; *tjata* [ɕ'a:ta²] (vI) «ныть», также указывает на значение «надоедать, пустозвонить»; *ett tjat¹* [ɕ'at:¹] (n) «ныть»

Skratta [skr'at:a²] (vI) «смеяться», *ett skratt* [skr'at:¹](n) «смех»

Pussa [p'øs:a²] (vI) «целовать (чмокать)»; *en puss* [p'øs:¹] (n) «поцелуй»

Hyssja [h'ys:ja²](vI) «шикать».

Всего в эту группу на данный момент входят 56 слов (из 180).

(3) Группа «звуки, издаваемые животными», включает в себя следующие звукоизобразительные единицы (звукоподражания):

Skälla [ɕ'el:a²] (vI) «лаять», также указывает на значение «ругаться»; *en skall* [sk'al:¹](n) «лай», *gläfsa* [gl'ɛf:sa¹] (vII) «тявкать»; *yla* ['y:la²] (vIII) «выть»; *morra* [m'or:a²] (vI) «рычать (о собаках)»

Jama [j'a:ma²] (vI) «мяукать»; *mjama* [mj'a:ma²] (vI) «мяукать»; *en jamning* [j'am:niŋ²] (n) «мяуканье»; *väsa* [v'ɛ:sa¹] (vII) «шипеть»

Pipa [p'i:pa¹] (vII) «пищать (про птиц, мышей); *ett pip* [p'i:p¹] (n) «писк».

Bräka [br'ɛ:ka¹] (vII) «блеять»

Surra [s'ør:a²] (vI) «жужжать»; *ett surr* [s'ør:¹] (n) «жужжание»

Kvittra [kv'it:ra²] (vI) «чирикать»; *kuttra* [k'öt:ra²] (vI) «ворковать», также указывает на значение «изъявлять нежность»; *kraxa* [kr'aksa²] (vI) «каркать», также указывает на значение «сипеть, хрипеть»

Gal [ga:l¹] (vIV) «кукарекать»; *kackla* [k'ak:la²] (vI) «кудахтать»

Kväka [kv'ε:ka¹] (vII) «квакать»; *ett kväk* [kv'ε:k¹] (n) «кваканье»

Gnägga [gn'εg:a²] (vI) «ржать (о лошади)», также указывает на значение «громко смеяться».

Råma [r'o:ma²] (vI) «мычать».

Всего в эту группу на данный момент входят 25 слов из 180.

(4) Группа «звуковые явления техногенной среды» включает в себя следующие звукоизобразительные единицы (звукоподражания):

Krascha [kr'æ:a²] (vI) «сталкиваться (о машинах)»; *en krasch* [kr'æ:¹] (n) «столкновение»

Gnissla [gn'is:la²] (vI) «скрежетать»; *ett gnissel* [gn'is:el¹] (n) «скрежет»

Rassla [r'as:la²] (vI) «греметь (о металле)»; *ett rassel* [r'as:el¹] (n) «грохот»
skallra [sk'al:ra²] (vI) «греметь»; *en skallra* [sk'al:ra²] (n) «погремушка»; *klinga* [kl'ij:a²] (vI) «звенеть»

Tuta [t'ɯ:ta²] (vI) «гудеть (клаксон)»

Trumma [tr'øm:a²] (vI) «барабанить»; *en trumma*² (n) «барабан».

Всего в эту группу на данный момент входят 53 слова.

Таким образом, в исследованной предварительной выборке звукоизобразительной лексики шведского языка преобладают слова из группы «звуки, издаваемые человеком». Они составляют ~31,1% от всей выборки.

Заключение

Таким образом, представленный фоносемантической и семантический анализ служит основой для дальнейшего изучения звукоизобразительной лексики шведского языка, включая углубленный анализ фонетико-семантических закономерностей звукоподражательной лексики шведского языка и ее типологических особенностей в сравнении с другими языками. Дальнейшее рассмотрение материала будет опираться на фоносемантическую классификацию звукоподражательных единиц, что позволит детально проследить системные особенности шведской звукоподражательной лексики и определить универсальные принципы ее фонетической организации.

ЛИТЕРАТУРА

Воронин С. В. Основы фоносемантики. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2006. 239 с.

Краснова А. В. Универсальные характеристики звукоизобразительной лексики и их специфические проявления в турецком языке: дис. канд. фил. наук: СПб., 2018. 186 с.

- Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования / М. А. Флакман, Л. О. Ткачева, Ю. Г. Седёлкина и др. М.: Мир науки, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://izd-mn.com/PDF/69MNNPM22.pdf> (дата обращения: 17.03.2025).
- Abelin Å. Studies in sound symbolism. Göteborg: Department of Linguistics, Göteborg University, 1999. 279 с.
- Ernby B. Norstedts etymologiska ordbok. Norstedt, 2010. 798 с.
- Hellquist E. Svensk etymologisk orkbok. CWK Gleerup, 1922. 1248 с.
- Svenska Akademiens ordbok (SAOB): [Электронный ресурс]. URL: <https://www.saob.se/> (дата обращения: 17.03.2025).

Klimov, D. D.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

IMITATIVE WORDS OF THE SWEDISH LANGUAGE: PRELIMINARY REMARKS

The study is devoted to the analysis of imitative vocabulary of the Swedish language. The purpose of the study is to identify the relationship between the sound form of the Swedish words and the acoustic characteristics of the imitated natural sounds. The study provides a semantic classification of the imitative words of the Swedish language. The classification of selected onomatopoeic units and the subsequent analysis of different classes and hyperclasses based on the works of S. Voronin are provided.

Iconicity, Swedish language, onomatopoeia, phonosemantics, phonosemantic analysis

УДК 81'342.4

В. Н. Малышева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0009-0003-9837-3533

malvaleriam@gmail.com

ФОНЕСТЕМЫ КАК ПРИМЕР ЯЗЫКОВОЙ КОМБИНАТОРИКИ. АНГЛИЙСКИЕ СЛОВА С ФОНЕСТЕМОЙ FL- СО ЗНАЧЕНИЕМ «ПОРХАТЬ»

В статье рассматривается вопрос, как сложение начальных и конечных фонем при формировании звукоизобразительного слова отражает разные характеристики означаемого предмета или явления. Исследование строится на материале, отобранном из Oxford English Dictionary методом направленной выборки. В рамках отобранных слов рассматривается ряд синонимов с фонемой FL- со значением «порхать» (flap, flicker, flirt, flutter, flatter, flitter, flit), указывающих на разные составляющие этого движения, регистрируемые с помощью органов чувств.

Фонемы, фоносемантика, звукоизобразительная лексика, иконичность, звукоизобразительная система языка

Понятие фонемного звукового символизма

Проявление фонемного звукового символизма (ФЗС) выделяют как часть звукоизобразительной системы языка, к нему относят случаи, когда «две (реже три) фонемы, имеющиеся в фонетическом облике у группы слов, приобретают устойчивую ассоциативную связь с каким-либо значением, либо рядом значений» [Флакман и др., 2022, с. 70]. К примеру, у группы слов с фонемой CR- [kr-] в английском языке определяется наличие семы «сломанное с характерным треском, хрустом» (*crack, crash, crush*) и ряда других с ним связанных, а для фонемы TW- характерна передача значения вращательного, дергающегося, мерцательного движения (*twerk, twinkle, twirl*). Фонемы способны передавать значения, связанные с получением сенсорного опыта: визуального, слухового, тактильного, – то есть описывать особенности походки, ощущение остроты или шероховатости, громкости звука и др. Термин «фонема» введен в научный оборот в работе Дж. Фёрта «Речь» [Firth, 1930], ФЗС подробно изучается на материале английского языка [Householder, 1946; Marchand, 1969 [1959]; Hinton et al., 1994; Smith, 2016 и др.] и других языков [Rhodes 1981; Hamano 1998; Abelin 1999; Blust, 2003; Leonardi, 2015; Joo & Liu, 2020].

Большинство исследований английских фонем касается слов, содержащих инициальную фонему. В то же время ряд авторов определяет в английском языке конечные, или финальные фонемы, или «финальные символы – субморфемные сочетания, устойчиво ассоциирующиеся с определенным значением, часто абстрактного характера: *-itter* «прерывистость», *-ow* «ровный», *-ash*, «бурный», «удар», «осколки» [Bolinger, 1950, с. 131; Marchand, 1969, с. 419]. Среди слов фонемных групп нередко встречаются звукоизобразительные слова, составленные из начальной фонемы и «финального символа».

Материал и задача исследования

Исследование ставит *задачей* проследить, как значение субморфемных элементов фонетической природы – фонем – отражает мотивировку развития синонимичных слов одной фонемной группы. Всего было проанализировано 44 английских слова с начальным сочетанием FL-, отобранных методом направленной выборки из Большого Оксфордского словаря (БОС) [OED]. Отобранные слова проверялись на наличие повторяющихся, «объединяющих» сем, среди отобранных слов выделен синонимический ряд «порхать», представленный семью словами (*flap, flicker, flirt, flutter, floter, flitter, flit*). Выбранный ряд анализировался с точки зрения собственной семантики слов и окружения каждого из них схожими по форме словами, содержащими финальную фонему.

Семантическое значение фонемы FL-

В исследованиях фонемы FL- отмечается ее способность передавать значения движения [Jespersen, 1922; Waugh, 1994], движения сквозь воздух [Marchand, 1969; Bergen, 2010], звук воды, порхания крыльев [Tournier, 2007], повторяемого или плавного движения [Drellishak, 2006]. В отобранном корпусе слов значения «движение сквозь воздух» (16 слов, например, *flutter* «порхать», *flight* «полет»), «движение сквозь воду» (11 слов, например, *float* «плыть по поверхности воды») наиболее многочисленны, кроме того эти значения также фиксируются в группах *fl*-слов языков германской группы немецкого и исландского [Мальшева, 2025, с. 543]. Часть слов группы восходит к ПИЕ корню **pleu-* «течь» (*fleet, flow, fly*), то есть идея движения сохраняется уже на протяжении долгого времени. Вместе с тем, фокус данного исследования направлен на семантику слов, составленных из двух фонем, и значение каждой из них в таких словах уточняет значение корня целиком. Как замечает Филпс, фонемы «при образовании слов сочетаются не с морфемами, а с субморфемами» [Philps, 2001, с. 1125], где под субморфемами понимаются начальные и финальные фонемы.

Среди английских *fl*-слов обращает на себя внимание синонимический ряд *flap* (1585), *flicker* (ОЕ), *flirt* (1566), *flutter* (ОЕ, также вариант *floter*), *flitter*

(1483), *flit* (1535) «порхать» (в скобках приведен год первой фиксации в БОС слова в таком значении). Данный ряд слов входит в подгруппу фонестемных слов со значением «движение сквозь воздух», а вторая часть слова, конечная фонестема, уточняет характер этого движения и указывает на признак, послуживший основой для звукоизобразительной передачи значения.

Конечные фонестемы

Формирование конечных фонестем Марчанд связывает с рифмой, которая выступила как словообразовательный фактор развития символических слов, к которым исследователь относит фонестемы. Смыслоразличительным элементом в ряду слов с одинаковой финальной частью, таким образом, становится начальный элемент: фонестема или единичная фонема [Marchand, 1969, с. 419].

Марчанд приводит список из 80 «финальных символов», среди которых в рамках данного исследования обратимся к тем, которые входят в состав корней исследуемых *fl*-слов со значением «порхать» [Marchand, 1969, с. 419-426]. Все примеры слов с конечной фонестемой, кроме *hit*, внесены в Этимологический словарь звукоизобразительных слов английского языка [Flaksman, 2024]. Перевод слов приводится по БОС [OED], в скобках указана дата первой фиксации значения в словаре:

(1) *-ap*, брит. [ap], амер. [æp], значение «хлопать, хлопок», «резкий удар», «резкий звук». Примеры слов: *clap* «хлопать, издавать жесткий подобный взрыву звук», «ударить со звуком» (c1300), *tap* «слегка ударить со звуком», «издавать звук как при ударе по барабану» (?c1225), «резко ударить (в связи с сопровождающим удар звуком), стучать в дверь» (1774, сев., шотл.), *plap* «упасть со звуком удара о плоскую поверхность, издать тихий шлепок» (1846); также *chap, rap, snap, swap, slap, yap*.

(2) *-ick* [ik], значение «быстрое действие», «острый», «щелкающий звук». Примеры слов: *pick* (a1250) «клюнуть», *tick* «легкое касание, поглаживание» (c1440), «быстрый негромкий сухой звук при касании небольшого предмета твердой поверхности» (1680), *flick* «щелчок, особенно в случае удара чем-либо гибким, например, кнутом, или ногтем» (1447), «звук щелчка» (1844), *nick* «порез, прорезь» (?1475), *click* «щелкать (о движении и звуке)» (a1500 (a1393)), *crick* «стрекот кузнечика» (1601 – значение и дата по [Marchand, 1969, с. 420]) (возможно также в значении «[резкий] мышечный спазм», c1424); также *kick, prick, snick*.

(3) *-irt* брит. [ə:t], амер. [ɛrt], значение «быстро двигаться», «небольшое количество». Примеры: *squirt* «брызгать» (a1475), «быстро, молниеносно двигаться, лететь» (1570), *spirt* «брызгать, выстреливать жидкость небольшими

порциями» (1582), *spirt* «короткий промежуток времени, небольшое пространство» (?1550), «легкий порыв ветра» (1726), «порыв, резкий или короткий всплеск активности» (1829).

(4) *-it* [ɪt], значение «быстрое движение или исчезновение». Примеры: *spit* «плевать» (ОЕ), «распылять» (1611), *slit* «разрезать чем-либо острым» (с1275), *hit* «ударить, поразить цель броском» (с1275), *skit* «пугаться, быстро перемещаться» (1611).

(5) *-utter* брит. [ʌtə], амер. [ədər], значение «произносить», а также «прерывистость». Примеры из [Bolinger, 1950, с. 131]: *mutter* «бормотать» (а1325), *stutter* «заикаться» (1570), *putter* «бурчать» (1611), «издавать быстрый прерывистый звук, как при работе двигателя» (1824); также *sputter*, *splutter*.

Вместе с тем, данные сочетания имеют и иную трактовку. Передача кратких звучаний, например, хлопков, стука, щелканья, в ономатопах происходит посредством использования взрывных согласных [Воронин, 2004, с. 49–50], что можно наблюдать в словах на *-ap*, *-ick*, *-it*. Ср. *pop* «хлопать (о выстреле, хлопушке)», *tat* диал. «прикасаться, постукивать, хлопать». Таким образом, *fl*-слова с такими элементами будут относиться к типу чисто шумовых «предударных» инстантов-континуантов, для которых характерна передача удара (краткого звука), следующего за шумовым неударом (длительным звуком): *flap* «звук, производимый развевающимся флагом или крыльями птицы», *flick* «звук удара чего-либо мягкого (ногтя, хлыста)» [Воронин, 2004, с. 109–110].

Мотивировка *fl*-слов со значением «порхать» согласно входящим в состав фонестемам

Разные слова со значением «порхать» выделяют разные черты этого процесса. Слово *flap* (1567) находится в ряду слов *-ap* с обобщенным значением «хлопать», «резкий удар», «резкий звук», мотивировано звуком, сопровождающим движение, и его резкостью; ср. другие его значения: «порыв ветра, хлопок» (1330), «взмах, звук от взмаха» (1774). Слов *flit* (1535) в ряду слов *-it* со значением «быстрое движение или исчезновение» делает отсылку к скорости движения. Слово фиксируется как заимствованное из норвежского языка (с1175) в значении «перемещать», и его этимон также восходит к ПИЕ **pleu-* «течь». Так в развитии нового значения сочетаются этимологическая преемственность и звукоизобразительные качества. Слово *flutter* (1483) можно отнести к той же группе значений с учетом добавления R-форманта, который в звукоизобразительных словах передает значения множественности, повторяемости [Бартко, 2002], что обращает внимание на цикличность порхания. R-формант также есть в слове *flicker* (ОЕ), здесь сочетаются значения многократности действия, а также его быстроты и характерным щелкающего звука (*-ick*). R-формант также

входит в состав конечной фонестемы *-utter*, благодаря чему в *flutter* (ОЕ, также вариант *flotter*) и передается значение прерывистого звука, сопровождающего взмахи крыльев. Слово *flirt* (1566), находящееся в ряду слов *-irt* со значением «быстро двигаться», также указывает на скорость выполнения движения.

Таким образом, синонимичные *fl*-слова со значением «порхать» с помощью формы слова отражают скорость выполнения движения, его резкость, прерывистость, многократное повторение, сопровождающий его хлопающий или щелкающий звук.

Заключение

В настоящем исследовании был рассмотрен ряд слов фонестемной группы FL-, в которых звукоизобразительным элементом является не только собственно фонестема, но и все звуки, эти слова составляющие. Обращает на себя внимание способность финального элемента передавать как звукоподражательное значение (*-ap* «резкий удар», *-ick* «щелчок»), так и звуко-символическое (*-ap* «хлопок», *-ick* «быстрое действие»), что говорит о проявлении синестезии в таких словах. В то же время открытым остается вопрос, является ли это проявление (а) свойством собственно цельного финального элемента или (б) входящих в состав слова фонем, и их группировка в «финальные символы» не имеет решающего значения для словообразования и развития новых значений.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартко Н. В. Английские звукоизобразительные RL-глаголы: фоносемантический анализ. Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2002.
- Воронин С. В. Английские ономотопы: фоносемантическая классификация. СПб, 2004.
- Малышева В. Н. Семантическая организация лексики в германских языках (на примере фонестемной группы *fl*-). / Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9–13 декабря 2024: Тезисы докладов / Под общ. ред. А. А. Кибрика, Ю. В. Мазуровой, М. К. Раскладкиной. М: Институт языкознания РАН, 2025. С. 542–544.
- Флакман М. А., Ткачева Л. О., Седелкина Ю. Г. [и др.]. Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования. Монография. М.: ООО «Издательство «Мир науки», 2022. Сетевое издание. URL: <https://izdmn.com/PDF/69MNNPM22.pdf> (дата обращения: 17.03.2025).
- Abelin A. Studies in sound symbolism. Göteborg: Dep. of ling. Göteborg Univ., 1999.
- Bergen B. K. Phonesthemes: Frequency and Psychological Reality. Paper Presented at the Emory University Conference Workshop Sound Symbolism: Challenging the Arbitrariness of Language, 26-27 March, 2010. URL: http://psychology.emory.edu/soundsymbolismworkshop2010/Bergen_SoundSymbolism_2010.pdf/ (дата обращения: 17.03.2025).
- Blust R. The Phonestheme *ŋ*-in Austronesian Languages. // *Oceanic Linguistics*, 2003.
- Bolinger D. Rime, assonance, and morpheme analysis. // *Word*, 1950, v. 6, №2. С. 117–136.
- Drellishak S. 2006. Statistical Techniques for Detecting and Validating Phonesthemes. Paper Presented at the 81st Annual Meeting of the Linguistic Society of America, Anaheim, CA.
- Firth J. *Speech*. London: Oxford University Press, 1930.

- Flaksman M. An Etymological Dictionary of English Imitative Words. Berlin: Peter Lang Group AG, 2024.
- Jespersen O. Language — Its nature, Development and Origin. London: George Allen & Unwin Ltd, 1922.
- Hamano S. The sound-symbolic system of Japanese. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- HARP – Online Etymological Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 17.03.2025).
- Hinton L. & Nichols J. & Ohala J. Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Householder F. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme. 1946.
- Joo I. & Liu M. Profiling Sound Symbolism: The case of Mandarin phonestheme *-ang*. Paper presented at 21st Chinese Lexical Semantics Workshop (CLSW2020), Hong Kong, China, 2020.
- Leonardi F. M. Phonesthemes in Latin Language. 2015. URL: https://www.academia.edu/17549197/Phonesthemes_in_Latin_Language_2015_ (дата обращения: 17.03.2025).
- Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. Munich: Beck, 1969 [1959].
- Online English Dictionary, 3d ed. (OED). URL: <https://www.oed.com> (дата обращения: 17.03.2025).
- Philps D. Reconsidering phonaesthemes: Submorphemic invariance in English ‘sn- words’. // *Lingua*, 2011, 121(6). С. 1121–1137.
- Rhodes R. On the semantics of Ojibwa verbs of breaking. Papers of the twelfth Algonquian conference, ed. by William Cowan. Ottawa: Carleton University Press, 1981. С. 47–56.
- Sagi E., Otis K. Semantic Glimmers: Phonaesthemes Facilitate Access to Sentence Meaning (October 18, 2008). 9th Conference on Conceptual Structure, Discourse, & Language (CSDL9). URL: <https://ssrn.com/abstract=1304380> (дата обращения: 17.03.2025).
- Smith C. A. Tracking semantic change in *fl*- monomorphemes in the Oxford English Dictionary. // *Université de Caen Journal of Historical Linguistics*. 2016, 6:2. John Benjamins Publishing Company. С. 165–200.
- Tournier J. Introduction descriptive à la lexicogénétique de l’anglais contemporain. Paris: Champion–Slatkine. 2007 [1985].
- Waugh L. R. Degrees of Iconicity. *Journal of Pragmatics* 22. 55–70. 1994.

Malysheva, V. N.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

PHONAESTHEMES AS AN INSTRUMENT OF LANGUAGE COMBINATORICS. ENGLISH FL-WORDS DENOTING FLUTTERING MOTION

The present article raises the issue of combining initial and final phonaesthemes in sound symbolic word coinage. This combination renders different features of the denoted subjects or phenomena. The study is based on the material selected from the Oxford English Dictionary by the method of continuous sampling. A list of synonyms within the obtained corpus of fl-words, meaning the fluttering motion (flap, flicker, flirt, flutter, flouter, flitter, flit) is analyzed in order to trace different features of the motion rendered by these words and registered sensorily.

Phonaesthemes, phonosemantics, onomatopoeia, iconicity, language imitative system

УДК 81-114.2

М. А. Флаксман

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID: 0000-0002-8258-4825

maflaksman@etu.ru

ПРЯМАЯ И ОПОСРЕДОВАННАЯ ИМИТАЦИЯ ПРИ ИКОНИЧЕСКОМ СЛОВСОЗДАНИИ

Настоящая статья посвящена изучению иконического словосоздания в английском языке. Иконичность – это отношение подобия; на лексическом уровне оно проявляется у слов, звукоизобразительных по происхождению. К таковым причисляют звукоподражательные (ономатопоэтические) слова и идеофоны. Имитация внеязыковых реалий посредством языка, таким образом, является проявлением иконичности. В статье приводится классификация иконических слов английского языка по способу имитации (прямая и опосредованная), вводятся параметры классификации и рассматриваются примеры звукоизобразительных слов, образованных тем или иным способом. Работа выполнена на материале 1317 лексем современного английского языка, взятых методом сплошной выборки из этимологических словарей. Критерием отбора слов являлись пометы «звукоподражательное», «ономатопоэтическое» и т. п. в графе «происхождение слова».

Иконичность, ономатопея, звукоизобразительность, идеофон, этимология

1. Словосоздание и словообразование

В настоящей статье термином «словосоздание» (*coinage*) обозначается создание слов, производимое «с нуля», то есть *ne* на основе уже ранее существующего языкового материала. В отличие от словообразования (*word-formation*), когда за основу берутся уже имеющиеся в языке лексемы и / или морфемы (наиболее распространённые способы словообразования – деривация, словосложение и конверсия), при словосоздании, новая лексическая единица, напротив, создаётся «из ничего».

Создание слова «из ничего» возможно двумя путями – (1) произвольное создание вымышленных слов (*nonce-words*) (или в художественных целях, или для целей лингвистического эксперимента), или (2) языковая имитация (например, передача естественных звучаний звуками речи при ономатопее). Создание слов посредством имитации не произвольно, так как мотивировано стремлением наиболее точно передать изображаемый денотат средствами языка. Как показали исследования (например, Давыдова [2022]) произвольное

создание вымышленных слов (1) тоже может быть отчасти мотивированным – так, при создании слов, обозначающих природный звук, происходит подсознательный выбор языковых средств, наиболее близких по качеству к называемому природному звучанию. Таким образом, языковая имитация как способ словосоздания является актом «первотворчества» [Paul, 1891] и основывается на базовых когнитивных операциях сравнения и уподобления.

2. Материал и методы исследования

Представленные далее выводы были получены на материале лексического корпуса «Этимологического словаря английских звукоизобразительных слов» (*An Etymological Dictionary of English Imitative Words*) [Flaksman, 2024]. Словарь содержит 1317 лексических единиц – слов, звукоизобразительных по происхождению. Первичная выборка осуществлялась на материале существующих этимологических словарей современного английского языка [OED], [SKEAT], [HARP], [ONION], [BARN], и др., древнеанглийского языка [HOLT], [BT], а также этимологического словаря латинского языка [VAAN]. Этимологии слов проверялись методом фоносемантического анализа [Воронин, 2006]. Анализ изучаемого материала производился методом компонентного семантического анализа и сопоставительного анализа фонетики и фонологии изучаемых лексем. В статье также приводится материал других языков.

3. Модальности восприятия и язык

Человеческий язык (разговорный, не жестовый) основан на производстве звуковой волны (акустическая модальность) путём движений речевого аппарата (кинестетическая модальность). Таким образом, производство речи имеет акустико-физиологическую основу. Модальностей, задействованных при восприятии речи, однако, больше, чем модальностей её производства. Помимо акустического и кинестетического способа восприятия, нам доступны ещё визуальный, тактильный, вкусовой и ольфакторный способы. Также, мы (физически) ощущаем эмоции и чувства. Таким образом, количество каналов восприятия и каналов, задействованных при производстве речи, не совпадает.

4. Критерии классификации ЗИ-лексики по способу имитации

Основным критерием для предлагаемой классификации является совпадение или несовпадение каналов восприятия и передачи информации (*способ имитации*). На основании этого критерия мною выделяются (1) прямой способ имитации (каналы совпадают) и (2) опосредованный способ имитации (каналы не совпадают). Вспомогательным критерием предлагаемой классификации является *средство имитации*. Так как производство речи имеет акустико-физиологическую основу, звуки речи, соответственно, имеют (А) акустические (аудиальная модальность, передача звука) и (Б) артикуляторные

характеристики (кинестетическая модальность, движения речевого аппарата). Поэтому способы имитации дополнительно подразделяются на акустические и артикуляторные.

5. Классификация звукоизобразительных слов по способу имитации

Основываясь на предложенных выше критериях, можно выделить четыре группы звукоизобразительных слов, созданных следующими способами имитации: 1А – *прямой акустический*; 1Б – *прямой артикуляторный*; 2А – *опосредованный акустический*; 2Б – *опосредованный артикуляторный*. Последние два способа – синестетические, так как основаны на кросс-модальном переносе. Группы звукоизобразительных слов, созданные тем или другим способом имитации, имеют разные названия в литературе. Ниже приводятся наиболее часто встречающиеся термины для каждого способа имитации:

5.1 Прямой акустический способ имитации (1А)

Данным способом словосоздания (аудиальная модальность → аудиальная модальность) создаются *звукоподражательные слова*.

Ономатопея, или передача акустических характеристик природных звучаний акустическими характеристиками речи (передача звука звуком) является, пожалуй, наиболее распространённым типом звукоизображения в языках мира, а звукоподражательные (ономатопозитические) слова – наиболее изученным классом иконических слов. Значимыми при данном способе имитации являются, в первую очередь, *акустические* характеристики звуков речи (высота и долгота гласного, а также *способ* образования согласного, модулирующий акустические характеристики звучания). Например, рус. *топ, хлопок, плюх, пи-пи, ррр, выть, виздать*, англ. *bow-wow, grrr, ding-dong, clap, bang, bleep*).

Ономатопозитическими, звукоподражательными (т.е. созданными способом прямой акустической имитации) могут являться: (1) идеофоны / междометия (*bow-wow! tick-tock!*), (2) полнозначные слова (*bang, weep*), а также (3) некоторые слова фонестемных групп (*crack, creak*). У последних звукоизобразительной является не вся основа, а лишь сочетание фонем, притом это сочетание встречается одновременно у большой *группы* слов.

5.1 Прямой артикуляторный способ имитации (1Б)

Данным способом имитации (кинестетическая модальность → кинестетическая модальность) создан ряд слов, обозначающих (не)произвольные движения речевого аппарата, производимые не с целью производства речи (чихание, кашель и др.). У данной группы слов единого обозначения. Часто их ошибочно причисляют к звукоподражаниям. В литературе, в тех случаях, когда их всё же выделяют в отдельную группу, их именуют «звукосимволизмами-интракинесемизмами» [Воронин, 2006], кинестетическими словами [Anderson,

количеством слов фонестемных групп, передающих ощущения разных модальностей. Например, *glimmer, glisten, glow* (свет – визуальная модальность); *sway, swoosh, swagger* (движение – визуальная модальность), и др.

5.4 Опосредованный артикуляторный способ имитации (2Б)

Данным способом имитации (любая модальность, кроме кинестетической (движения речевого аппарата) → кинестетическая модальность), создан ряд слов, обозначающих статические (форма, размер) и динамические (движение) характеристики объектов. Форма и движение объектов передаются *артикуляторным жестом* [Воронин, 2006].

Синестетическими словами, созданными артикуляторным способом имитации, также бывают, в основном, идеофоны. Например (эвэ *lotoo* «идеоф. большой и округлый» (визуальная → кинестетическая модальность), пример из [Hinton et al. 1994]. В английском языке имеется ряд однозначных слов, у которых наблюдается передача значения «округлого» огубленными гласными и лабиальными согласными – *bump, bubble, pumpkin* (визуальная модальность → кинестетическая модальность). Такие слова Воронин [2006] обозначал как «звукосимволические слова-экстракинесемизмы». Междометных слов (идеофонов) данного подтипа в английском языке нет.

У ряда синестетических слов фонестемных групп (т.е., не-звукоподражательных и не-мимических слов, содержащих фонестемы) можно заподозрить непрямую артикуляторную имитацию – например, у *slimy, sleazy, slippery* и у других слов этой фонестемной группы (обозначают «скользкость», «гладкость» – тактильная модальность) мог произойти кросс-модальный перенос «скользящее движение языком» (передастся посредством латерального звука [l]) → «ощущение от скользкой поверхности».

Отметим, что, в целом, установление ведущего способа словосоздания при непрямой имитации (2А или 2Б) у слов фонестемных групп является затруднительным. Так, у слов фонестемной группы *gl-* в английском языке (*glimmer, glisten, glitter*) значение «передачи света» (визуальная модальность) может быть сопряжено с ощущением гладкой поверхности (= «поверхность, отражающая свет») – ср. *glass, glaze, glacier*. Возможно, здесь снова идёт речь о фоносемантической интерференции.

6. Способ имитации и лексический класс звукоизображений

Как видно из примеров, приведённых выше, способ иконической передачи основных характеристик денотата коррелирует с определённой семантикой слов. Прямая акустическая имитация (1А) соотносится со значениями, связанными со звуками (денотат оноματοпоэтического слова – природное звучание). Прямая артикуляторная имитация (1Б) соотносится со значениями,

связанными с движениями речевого аппарата (денотат мимического слова – совокупность движений речевого аппарата при кусании, глотании и пр.). Денотаты синестетических звукоизобразительных слов (2А, 2Б), напротив, могут быть очень разнообразны, и следовательно, лексические группы, к которым принадлежат данные слова, будут тоже очень разными.

Это приводит нас к важному выводу – *семантическая принадлежность звукоизобразительного слова является прямым следствием его ведущего способа имитации*. Поэтому любые классификации звукоизобразительной лексики не должны основываться только на семантике звукоизображений, а должны обязательно учитывать тип их иконического словосоздания. Неучёт способа имитации звукоизобразительных слов приводит к сложностям с их категоризацией – так, мимические слова часто объединяются со звукоподражательными, ономатопоэтические междометия отделяются от полнозначных ономатопоэтических слов (у последних часто развиваются значения, уже не связанные со звуком – см. [Афанасьев, 1984], [Колева-Златева, 2008], [Флакман, 2015], [Flaksman, 2024], [Georgescu, 2018]), ономатопы также могут отделять от идеофонов, или «настоящими идеофонами» могут считаться только синестетические идеофоны, и др.

7. Относительная частотность способов имитации

Способ 1А (прямой акустический) – наиболее распространённый, ономатопоэтические слова встречается во всех языках [Hinton et al., 1994]. Звукоподражания представлены словами всех частей речи (идеофонами / междометиями и полнозначными словами). Также, насколько нам известно, если в языке есть фонестемы, среди фонестемных слов обязательно будут иметься звукоподражательные слова. Можно предположить, что ономатопея является языковой универсалией.

Слов, образованных способом 1Б (прямым артикуляторным) в количественном отношении меньше, чем звукоподражательных (количество типов (не)произвольных движений речевого аппарата ограничено). Однако, можно предположить, что мимические слова представлены также широко, как и ономатопоэтические. Мимические слова также представлены словами всех частей речи и фонестемными словами, поэтому также можно аккуратно предположить, что мимезис является языковой универсалией.

Непрямые, опосредованные (синестетические) способы имитации (2А и 2Б) имеют большую когнитивную сложность, потому что они требуют *переключения модальности*. По-видимому, вследствие этого, они представлены не во всех языках, и только отдельными категориями слов. Некоторые типы имитации (такие как тактильная модальность → аудиальная модальность)

встречаются исключительно среди не-интегрированной междоменной лексики (для описания которой и был введён термин «идеофон»).

Заключение

Звукоизобразительная лексика отличается от не-звукоизобразительной наличием иконической связи между формой и значением (у не-звукоизобразительных слов эта связь конвенциональная, возникшая «по условности», заучиваемая связь). Иконическая связь в таких словах является прямым следствием того, что они были созданы путём имитации, копирования, определённых черт денотата. Звукоизобразительные слова отличаются по способу словосоздания, то есть, по типу этой имитации. Имитация бывает прямая (когда каналы восприятия и передачи информации совпадают) и опосредованная (непрямая, синестетическая) имитация, которая подразумевает кросс-модальный перенос. Способ имитации у иконического слова определяет его класс (звукоподражание, мимезис, синестетическая лексика). Слова этих классов в разных языках представлены разными частями речи и разными типами слов (идеофоны, полнзначные слова, фонестемы) и в разных пропорциях; при этом прямые способы словосоздания всегда значительно превалируют над опосредованными.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А. Ю. Вопросы семантической эволюции лексики (на материале английских звукоподражательных существительных). канд...дис. Л., 1984.
- Воронин С.В. Основы фоносемантика. М.: Ленанд, 2006.
- Давыдова В.А. Звукоизобразительная лексика в вымышленных языках: фоносемантический анализ. дисс. ... канд. филол. наук, СПб.: СПбГЭУ, 2022.
- Колева-Златева Ж. С. Славянская лексика звуко-символического происхождения // *Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis*. Vol. 1. Дебрецен, 2008.
- Флакман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка. канд...дис. Санкт-Петербург, 2015.
- Anderson E. *A Grammar of Iconism*. London: Associated University Press, 1998.
- BARN – Barnhart R. K. *Chambers Dictionary of Etymology*. New York: Chambers, 2006.
- BT – Bosworth J. *An Anglo-Saxon Dictionary Online* // ed. Thomas Northcote Toller and others. Comp. Sean Christ and Ondřej Tichý. URL: <http://www.bosworthtoller.com>. (дата обращения 22.02.2025).
- Flaksman M. *An Etymological Dictionary of English Imitative Words*. Berlin: Peter Lang, 2024.
- Georgescu S. Las ‘creaciones expresivas’ del Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico // *Revista de Filología Románica*, 35, 2018. P.119–139.
- HARP – Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymoline.com> (дата обращения 08.03.2025).
- Hinton L., Nickols J. and Ohala J.J (eds.). *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

- HOLT – Holthausen, F. Altenglisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1974.
- OED – The Oxford English Dictionary (3d edition). URL: <http://www.oed.com> (дата обращения 01.02.2024).
- ONION – Onions C. T. The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Paul H. Principles of the History of Language. London: Longman, Greens, and Co, 1891.
- SKEAT – Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford: Clarendon Press, 2006.
- VAAN – de Vaan M. 2008. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. Leiden: Brill.

Flaksman, M. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University ‘LETI’

DIRECT AND INDIRECT MEANS OF IMITATION BY ICONIC COINAGE

This article introduces a classification of imitative words according to their means of imitation. The material for the present research is a corpus of 1317 English imitative words iconic by origin (marked ‘onomatopoeic’ ‘expressive’, etc. in etymological dictionaries of the English language). Iconicity is a relationship of resemblance. On the lexical level, it manifests itself in form of onomatopoeic, echoic, expressive words, and ideophones. Thus, iconicity is an imitation of phenomena existing in the outside world by means of a language. In this article, I introduce the criteria for the classification of imitative words according to their (direct and indirect) means of imitation as well as provide and discuss examples of words coined in such a way.

Iconicity, onomatopoeia, imitation, ideophones, etymology

УДК 81'22, 8'37

Е. А. Шамина

Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID 0000-0001-5274-2016

e.shamina@spbu.ru

К ВОПРОСУ О ФОНЕСТЕМАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обосновывается возможность рассматривать некоторые инициальные консонантные кластеры в русском языке в качестве фонестем. Проводятся параллели между фонестемами, традиционно выделяемыми в германских языках (например, /kr-/), и их русскими аналогами (такими, как /kr-, kr'-, xr-/) на основании фонетических, семантических и этимологических факторов. Рассматриваются как звукоподражательные, так и звуко-символические компоненты ассоциативных значений указанных фонестем. Делается предположение об универсальном характере понятия «фонестема», которое можно трактовать как частный случай понятия «фоносемантическая зона слова».

Звуковой символизм, звукоподражание, фонестема, русский язык, этимология, фоносемантические универсалии

В фоносемантических исследованиях понятие фонестемы обычно стоит особняком, как бы в стороне от двух основных областей фоносемантики: звукового символизма и звукоподражания – ср. [Флакман и др., 2022, с. 70-72]. Этот термин чаще всего применяют к комплексу согласных фонем (в большинстве случаев, двукомпонентному), общему для группы слов со сходным элементом значения или сходной функцией, этимологически не связанных между собой [Воронин, 1990, с. 12]. Он был введен еще в первой половине XX века для обозначения английских начальных консонантных кластеров в таких группах слов, как *sludge, slosh, slug*, и др. со значением «скользкого» [Firth, 1964] или *gleam, glim* и др. со значением «света, сияния» [Householder, 1946].

Тем не менее, вопрос об основаниях номинации при попытках объяснить отношение звучания фонестемы к ассоциированному с ним значению представляет большой интерес. Часто предлагаются два практически взаимоисключающих ответа: (1) использование звукоизобразительного потенциала не одного, а сразу группы звуков для репрезентации достаточно сложных денотатов или (2) случайное совпадение, своеобразная аттракция паронимических элементов разнородных слов – ср. [Marchand, 1959, p. 148]. Представляется, однако, что последнее соображение не является справедливым, и имеющая место быть аттракция слов по фонетическому или семантическому принципам

основывается на явлении иконичности. Такого же мнения придерживается целый ряд исследователей (ср. [Ливанова, 2025; Малышева, 2023; Magnus, 2000, p. 180] и др.). Одним из подтверждений ему может послужить сопоставительное изучение сходных по звучанию фонем в разных языках.

Следует заметить, что морфологический (словообразовательный) статус фонем до сих пор не определен [Ахманова, 1990; Шамина, 2006]; ясно только, что они не являются морфемами в традиционном понимании этого термина. Следовательно, нет никаких структурно-морфологических оснований отказывать какому-нибудь языку в возможности иметь фонемы в качестве иконических элементов звуковой формы слова. Тем более, что в последнее время расширяется и собственно фонетическое понимание фонемы. К нему относят не только инициальные консонантные кластеры, но и финальные [Abelin, 1999], а также геминаты [Ливанова, 2024]; в некоторых случаях допускается и наличие гласных между рассматриваемыми в качестве иконических согласными [Leonardi, 2015, с. 9-10].

Такое расширенное понимание фонемы опровергает мнение о том, что не во всех языках фонемная звукоизобразительность возможна в принципе, несмотря на существенные фонотактические ограничения, существующие в некоторых языках и с необходимостью накладывающие отпечаток на звуковую форму иконических единиц.

Изначально выделенные на материале английского языка, фонемы обнаруживаются не только в других германских языках [Ливанова, 2025; Abelin, 1999], но и в романских [Малышева, 2024; Михалёв, 2018; Leonardi, 2015], и в славянских [Бодэ, 2016]. Настоящее исследование представляет собой попытку внимательного рассмотрения потенциальных фонем русского языка на примере слов с инициальным кластером /kr-/.

Материал собирался методом сплошной выборки из «Словаря русского языка» [Ожегов, 1989] и из словаря одного из северно-русских диалектов [Псковский областной словарь, 2004]. Из полученного списка слов были исключены недавние заимствования, типа *краги*, *кросс*, *круиз* и др. Далее проводился фоносемантический анализ, включающий лексико-семантический и этимологический [Фасмер, 1986] этапы³.

Рассмотрению подверглось более сотни слов (указать точное количество не представляется возможным, так как многие из них входят в разветвленные

³ Автор выражает благодарность за содействие в работе Ивану Васенкину

словообразовательные гнезда, а решение вопроса о разграничении полисемии и омонимии не входит в задачи исследования).

Указанные выше процедуры позволяют обнаружить, что русские лексемы с начальным сочетанием /kr-/ содержат одну или несколько из следующих пяти пересекающихся сем: «резкий диссонантный звук», «подвергнутое действию силы, сломанное», «подвергнутое действию силы, изогнутое», «резанное, треснутое», «мелкое». За пределами этих групп слов остаются лишь несколько лексических единиц (например, *красота*, *кровь*, восходящие к другим праиндоевропейским корням, и *крот*, *крыса* неясного происхождения).

По всей вероятности, именно звукоподражательная сема является центральной, объединяющей остальные, кроме, пожалуй, семы «изогнутое». К этой подгруппе относятся, в числе других, обозначения ворона (*крук*) и карканья (*кракать*, *крыкать*), кашля (*крохатъ*), звука резкого удара (*крыпнуть*) и звука, с которым плуг натывается на камень (*круп-рок*). Возможно, сюда же можно отнести и слово *крамола*, имевшее изначально значение «шум, волнение, ссора». Следует заметить, что именно наличие в начале этих лексем глухого взрывного согласного /k/ и вибранта /r/ обеспечивают их иконический, а именно оноματοпоэтический, характер.

Звукоподражание также лежит в основе семы «мелкое», так как слова этой подгруппы восходят к понятию «капать (капля)», а это действие также сопровождается кратким звучанием и признается звукоподражательным [Фасмер, 1986, с. 184]. Здесь имеет место взаимодействие звукоподражательного и звукосимволического аспектов языковой иконистики, своеобразная интерференция представлений о звучании и размере. Данная подгруппа включает, помимо прочих, такие лексические единицы, как *крапать*, *кропить*, *крапинка*, *крапива* и, вполне вероятно, *кропотливый* от *крупать(ся)* «медленно что-то делать».

Воздействию силы, особенно приводящему к деформации объекта или субъекта, также часто сопутствует диссонантное звучание, репрезентация которого, в свою очередь, может метафорически служить обозначением как самого действия, так и его результата. Сема «подвергнутое действию силы, сломанное» является общей для слов *крушить*, *крушина*, *крошка*, *круп*, *крохкий* и *крупкий* в значении «ломкий» и др. Примечательно, что глубокой этимологии этим словам не предлагается, приводится лишь список похожих слов из других славянских и балтийских языков, а также греческого (ср. [Фасмер, 1986, с. 384]), в то время как английское *crush*, практически совпадающее по форме и семантике с русским *круш-* возводится к ст.-фр. *cruissir* неясной этимологии [Online Etymology Dictionary]. Следовательно, вероятность

перекрестного заимствования исключается, и речь в каждом случае идет, скорее всего, о независимой иконической номинации.

Сема ««изогнутое», так же, как и сема «сломанное», подразумевает воздействие силы, однако здесь звуковое сопровождение не столь очевидно и может быть нерелевантным. Ею обладают такие единицы, как *кроколиться* «ветвиться», *кровка* «стропило, козлы для пилки дров», *круки/ышки* «изгиб плеча». Сюда же примыкает и слово *кручина*, отсылающее к состоянию «крючиться, скручиваться».

С идеей «собирать, наваливать в кучу» этимологически связано понятие «накрывать, покрывать, укрывать», которое дает широкий ряд семантически довольно далеко разошедшихся слов: *крыть*, *крыло*, *крыльцо*, *крыша*, *кров*, *красть*, *красться* и т.п. Слово *круг* возводится специалистами-этимологами к др.-исл. *hringr* «кольцо», т.е. «нечто изогнутое», так что есть вероятность включения его и его производных, например, *кружево*, в эту же подгруппу иконических слов.

Еще одна разновидность семы, имплицитующей как воздействие силы, так и звукоподражание, представлена в собранном материале словами, означающими нечто «резаное, треснутое», этимологически имеющими отношения к понятиям «отделять, отсека́ть». К ним относятся такие слова, как *край*, *кроить*, *кромка*, *кромешный*, *кратный* (родственно лат. *kārta* «слой» и лит. *kertù*, *kir̃sti* «рубить»), *крутой*, *крыж* – то же, что и *круча*.

Обращает на себя внимание значительное сходство семантики, связанной с инициальным консонантным кластером /kr-/ в русском языке, и ассоциированных значений соответствующей фонестемы в английском языке (ср. [Малышева, 2023]). Общими оказываются семы «резкий диссонантный звук», «подвергнутое действию силы, сломанное» и «резаное, треснутое». Очевидно сходство сем «подвергнутое действию силы, изогнутое» в русском языке и «подвергнутое действию силы, сдавленное, скрученное» в английском языке. Значение «мелкое», выявленное в целом ряде русских слов, явно реализуется в английском *crumb* «крошка», а выявленное в английском языке значение «шершавое» репрезентируется, например, в псковском диалектизме *круёбина* «грубая ткань из низкосортной льняной пряжи». Налицо сходство как фонетическое, так и семантическое, что позволяет, во-первых, говорить о наличии фонестем в русском языке и, во-вторых, декларировать исконно иконический характер фонестемы и ее составных элементов.

Интересно отметить, что в связи с большим богатством консонантизма в русском языке по сравнению с английским (36 согласных фонем против 24), ассоциированные значения, типичные для кластера /kr-/, могут в нем

передаваться и другими сочетаниями согласных, отчасти схожими по звукоизобразительным функциям. Так, значение «резкое диссонантное звучание» может передаваться комбинацией вибранта с велярным щелевым вместо смычного или с соответствующими мягкими /kr'-/ , /xɣ-/ и /xɣ' -/: *кракать*, *крякать*, *хранеть*, *хрипеть*. То же наблюдается и при репрезентации семы «деструктивное воздействие силы»: *крушить*, *крёпать*, *хряснуть*.

Изложенное выше однозначно приводит к выводу о существовании фонестем в русском языке и об их мотивированности ингерентными звукоизобразительными свойствами звуков, входящих в их состав. При этом, русские фонестемы могут быть как симметричны английским, – ср., например, /kr/ со значением «ломания» в обоих языках: *крошить* - *крушить* – *crush*, – так и параллельны другим русским фонестемам, чье значение и функционирование еще предстоит описать, например, *круг* – *крюк*, *кручина* – *крючить*, *крупа* – *хрупкий* и т. п. Для сколько-нибудь полного понимания иконической сущности фонестем настоятельно необходимо дальнейшее их изучение на материале разных, в том числе, разносистемных, языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Бодэ М. А. Понятие, типология, языковая сущность фонестемы // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/03/65297> (дата обращения: 16.12.2023).
- Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании (Очерки и извлечения). Л.: изд-во ЛГУ, 1990. 200 с.
- Ливанова А.Н. Некоторые соображения относительно фонестем –PS(-), –FS(-) И –PP(-) в норвежском языке // Скандинавская филология. СПб: СПбГУ. Том 22, выпуск 2, 2024. С. 240–254. ISSN 0202-2397
- Малышева В.Н. Семантическая аффилиация и звукоизобразительный статус фонестем BR- и CR- английского языка. // Актуальные проблемы языкознания. Материалы XII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. СПб: изд-во СПбГТУ «ЛЭТИ», 2023. С. 259–266.
- Малышева В.Н. Влияние латинских заимствований на формирование фонестемной группы CR- английского языка // // Материалы LI Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой (19 - 26 марта 2024), СПбГУ, СПб, 2024. С. 789–791. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/47240> (дата обращения 18.01.2025).
- Михалёв А.Б. Фоносемантический профиль праиндоевропейских согласных // Актуальные проблемы языкознания. Материалы VII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. СПб: изд-во СПбГТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 324–329.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989.
- Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 16 / Под ред. И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. <http://hdl.handle.net/11701/16888>.

- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986.
- Флакман М.А., Ткачева Л.О., Седёлкина Ю.Г., Лавицкая Ю.В., Наследов А.Д., Коротаевская Е.А., Таликина Е.Д. Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования. Москва: Мир науки, 2022. URL: <https://izdmn.com/PDF/69MNNPM22.pdf> (дата обращения: 13.01.2025).
- Шамина Е. А. К вопросу о носителе фонетического значения. // ...Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного. Пермь: изд-во Перм.ун-та, 2006. С.204–208.
- Abelin Å. Studies in sound symbolism. Gothenburg monographs in linguistics 17. Göteborg: Göteborg University, Department of linguistics, 1999. 279 p.
- Firth J. R. The Tongues of Men, and Speech. London: Oxford University Press, 1964 [1930]. 211p.
- Householder F.W. On the problem of sound and meaning, an English phonestheme. // Word 2, 1946, pp. 83–84.
- Leonardi F. M. Phonesthemes in Latin Language. 2015. URL: <https://www.academia.edu/17549917/> (дата обращения: 21.01.2025).
- Magnus M. What's in a Word? Studies in Phonosemantics. Doctoral dissertation, 2000. URL: https://ntnuopen.ntnu.no/ntnu-xmlui/bitstream/handle/11250/243679/123799_FULLTEXT01.pdf (дата обращения 18.01.2025)
- Marchand H. Phonetic symbolism in English word-formation. Indogermanische Forschungen.1959. 64. P. 146–168.
- Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения 22.01.2025).

Shamina, E. A.

Saint Petersburg State University

TO THE QUESTION OF PHONESTHEMES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article looks into the possibility of treating some initial consonantal clusters in Russian as phonesthemes. On the basis of phonetic, semantic and etymological factors, parallels are drawn between traditionally recognized phonesthemes in Germanic languages, such as /kr-/, and their Russian counterparts, namely /kr-, kr'-, xr-/. Both sound symbolic and onomatopoeic components of their associative meaning are considered. A suggestion is made of the phonestheme's universal character as it can be placed under the heading of the "phonosemantic zone" of the word.

Sound symbolism, sound imitation, phonestheme, Russian, etymology, phonosemantic universals

**Материалы
XIV межвузовской научно-практической конференции
с международным участием «Актуальные проблемы языкознания»**

Санкт-Петербург, 15 – 16 апреля 2025 года

Редколлегия:

Беседина Е. И., Кабанова Н. А., Кузьмич И. В., Курганская Е. В., Малышева В. Н.,
Степанова Н. В., Тихонова Е. С., Ульяницкая Л. А., Флакман М. А., Шумков А. А.

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать 10.04.25. Формат 60*84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 13,5.
Тираж 50 экз. Заказ 29.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, д. 5 лит. Ф